

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЖОРЖ ВИГАРЕЛЛО

ИСТОРИЯ УСТАЛОСТИ

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Культура повседневности

Жорж Вигарелло

**История усталости от
Средневековья до наших дней**

«НЛО»

2020

Вигарелло Ж.

История усталости от Средневековья до наших дней /
Ж. Вигарелло — «НЛО», 2020 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-482329-0

Знакомое всем понятие усталости, которое в XX и XXI веке попало в зону общественного внимания и стало более заметной частью нашей повседневности, на протяжении разных эпох претерпевало существенные трансформации. Книга Жоржа Вигарелло рассказывает о том, как западная цивилизация научилась признавать усталость, бороться с ней и отличать ее духовные аспекты от физических. Автор обращается к истории тела и медицинских практик, к истории труда, войны, спорта и интимности. Благочестивое изнурение средневековых паломников, утомление рыцарей после турниров, выгорание современных офисных работников, изнеможение медиков в ковидных госпиталях... Эта книга – экскурсия по всем видам и историческим этапам усталости. Жорж Вигарелло – французский историк и социолог, сотрудник Высшей школы социальных наук, автор книги «Искусство привлекательности», вышедшей в «НЛО».

ISBN 978-5-44-482329-0

© Вигарелло Ж., 2020
© НЛО, 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
Часть первая. Средневековый мир: поиск вех для изучения	10
ГЛАВА 1. КАРТИНА ЯСНА, ОРИЕНТИРЫ ТУМАННЫ	11
Утрата жидкостей и ее последствия	11
Какие слова можно использовать?	12
Как определить степень усталости?	13
Что теряется?	14
ГЛАВА 2. ПРОСЛАВЛЯЕМАЯ УСТАЛОСТЬ ВОИНА	15
«Видимая» сторона тела	15
Привилегии, даваемые выносливостью	16
Воспитание через «продолжительное» страдание	17
ГЛАВА 3. НЕПРЕМЕННЫЕ ТЯГОТЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	18
Видение пространства	18
Средневековые путешественники – кто они?	19
Первый симптом – усталость ног	22
ГЛАВА 4. УСТАЛОСТЬ КАК «ИСКУПЛЕНИЕ»	23
Путешествие как «наказание»	23
Труд во искупление	24
От навязанных страданий к созерцанию	24
ГЛАВА 5. ПОВСЕДНЕВНЫЙ ТРУД: ОТНОСИТЕЛЬНОЕ «ЗАТИШЬЕ»?	26
«Тривиальность» деревенского труда	26
Профессии и возникновение понятия «длительность рабочего дня»	29
Конфликты в связи с продолжительностью рабочего дня	30
Часы на городских башнях	31
Появление новых профессий	32
ГЛАВА 6. ОТ СКРЫТЫХ СИЛ К ВЕТРУ ПЕРЕМЕН	34
Перед тем как отправляться в путь	34
Восстановление сил	34
Талисманы и драгоценности	35
Эссенции и специи	36
Социальный отбор	37
Часть вторая. Новое время и выработка категорий	39
ГЛАВА 7. ИЗОБРЕТЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ УСТАЛОСТИ	40
Градация физического состояния	40
Градация сил	41
Градация социальных функций	43
ГЛАВА 8. КАТЕГОРИИ	45
Изнурение как наказание	45
Война	46
Город	48
Королевский двор	50
Дух	52
ГЛАВА 9. ПЕРЕХОД К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ	55
Путешествие и его длительность	55

Работа и правила	57
Работа и появление «механики»	59
Труд и первые точные расчеты	61
ГЛАВА 10. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ	64
«Болезненное» привыкание	64
«Патология» как исключение	64
Проблемы, вызванные обезвоживанием	66
«Тайные» дела	67
ГЛАВА 11. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ «ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА»	69
Повторное изобретение освежения	69
Рост числа «эссенций»	70
От табака к кофе	71
Народное средство для облегчения существования?	73
ГЛАВА 12. НИЩЕТА И «ИЗНЕМОЖЕНИЕ»	74
Нищета	74
Массовая уязвимость	75
Налоговое «бремя» и «изнурение»	75
Часть третья. Эпоха Просвещения и вызов чувствительности	77
ГЛАВА 13. СТАВКА НА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ	78
«Прислушиваться к своей жизни»	78
Усталость как нарратив	79
Удобства и неудобства	81
От разбитости к обмороку	82
ГЛАВА 14. НЕРВЫ: ОТ ВОЛНЕНИЯ К «ВИХРЮ»	85
Стимуляции и токи	85
«Изматывающие» возбуждения	87
«Вырождение»	88
ГЛАВА 15. О СИЛАХ	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Жорж Вигарелло

История усталости. от Средневековья до наших дней

УДК 159.944.4

ББК 88.8 7

В41

Редактор серии Л. Оборин

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

Перевод с французского О. Панайотти

Жорж Вигарелло

История усталости от Средневековья до наших дней / Жорж Вигарелло. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Культура повседневности»).

Знакомое всем понятие усталости, которое в XX и XXI веке попало в зону общественного внимания и стало более заметной частью нашей повседневности, на протяжении разных эпох претерпевало существенные трансформации. Книга Жоржа Вигарелло рассказывает о том, как западная цивилизация научилась признавать усталость, бороться с ней и отличать ее духовные аспекты от физических. Автор обращается к истории тела и медицинских практик, к истории труда, войны, спорта и интимности. Благочестивое изнурение средневековых паломников, утомление рыцарей после турниров, выгорание современных офисных работников, изнеможение медиков в ковидных госпиталях... Эта книга – экскурсия по всем видам и историческим этапам усталости. Жорж Вигарелло – французский историк и социолог, сотрудник Высшей школы социальных наук, автор книги «Искусство привлекательности», вышедшей в «НЛО».

В оформлении обложки использован фрагмент картины «Жатва» Питера Брейгеля Старшего, 1565 г. Метрополитен-музей, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New York.

ISBN 978-5-4448-2329-0

© Éditions du Seuil, 2020

© О. Панайотти, перевод с французского, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Тьерри Пийону

ВВЕДЕНИЕ

«Стресс», «нагрузка», «выгорание», «психическая нагрузка»: в XX и XXI веках мы видим стремительное расширение понятия усталости. С рабочего места усталость перетекает в жилища и становится частью повседневности. Примерно для восьми занятых из десяти слово «стресс» является главной характеристикой работы¹. В 2017 году более трети наемных работников заявляли о выгорании². В основе этой книги – гипотеза о том, что в условиях реальной или постулируемой автономии, завоеванной индивидом в западных обществах, когда люди обнаружили, что «я» автономно, и так же неумоимо мечтают о свободе и независимости, им все сложнее переживать то, что препятствует исполнению этих мечтаний. Тем более выпукло ощущаются их собственная хрупкость и уязвимость. Это болезненное, огромное противоречие вызывает утомление и неудовлетворенность. Усталость нарастает, глухо распространяется, усложняет и привычное, и неожиданное, усугубляя свое «внутреннее» проявление. Она повсюду – в публичном пространстве, на работе, в пространстве личном, в отношениях с близкими, в отношениях с самим собой.

Что же с нами случилось?

Латинские термины *fatigatio* и *defatigatio* говорят о том, что слово *fatigue* (усталость) имеет очень древнее происхождение; они указывают на прямую связь прошлого и настоящего, и почти механическая этимология наводит на мысль, что время не может ничего изменить в представлениях об усталости и выгорании. Дело в том, что усталость – неотъемлемое человеческое свойство. Она неизбежна, как болезнь, старость или смерть. Она символизирует хрупкость человека, его «недостаточность», указывает на весьма распространенное препятствие: «внутреннее», находящееся в пределах собственного существования, и внешнее, идущее из мира с его противоречиями. Никакой патологии, самая банальная недостаточность. Как совершенно прозаически утверждал Мопассан, «наконец безграничная усталость сразила его: он уснул»³.

Тем не менее все меняется. История эта более сложна, чем может показаться, и пока мало изучена, в ней полно метаморфоз, задействующих разных участников, разные культуры и общества. Мы рассматриваем вопрос с точки зрения истории Запада, а в ней восприятие усталости от эпохи к эпохе варьировалось. Оценка усталости менялась, симптомы модифицировались, терминология уточнялась, а объяснения расширялись. На этом пути сочетаются различные истории: история тела и практик здоровья, история образов жизни, социальных устройств, история труда, войны и спорта, а также история наших психологических конструкций, вплоть до интимности.

«Основные» формы усталости, те, что порождают множество комментариев и выступают в глазах общества на первый план, со временем эволюционируют. На поверку они оказываются закрепленными за «категориями», определяют среду. Они соответствуют социальному устройству, создают коллективные формы существования. В Средние века, с которых начинается наше исследование, в центре внимания – усталость воина; в средневековой цивилизации человек военный представляет собой наибольшую ценность. Усталость воина почетна, о ней говорят, в то время как усталость простолюдина вызывает презрение. Усталость воина даже учитывается во время поединков, ценность победы в которых в XV веке зависит от количества ударов, которые боец обещает нанести противнику, бросив ему вызов.

¹ См.: Cercle Sésame 2012–2017: ce que veulent les Français. Paris: Eyrolles d'Organisation, 2011. P. 209.

² См.: «Syndrome de burn out: c'est quoi?». burnout-info.ch, http://www.burnout-info.ch/fr/burnout_c_est_quoi.htm (дара обращения: 15.07.2023).

³ Maupassant G. de. Un coq chanta, Contes de la bécasse // Contes et nouvelles. Paris: Robert Laffont, 1988. Т. I. P. 499; или еще: «Я так утомлена, друг мой, что тотчас же лягу». Je suis si fatiguée que je vais me coucher, mon ami». Ibid. (Мопассан Ги де. Петух пропел. Перевод А. Чеботаревской).

В классическую эпоху все меняется: на первый план выходят судебские, и возрастает престиж административной и кабинетной работы. Финансист Лафонтена, адвокат Лабрюйера описываются по-новому и демонстрируют иную усталость, вызванную доселе не известными занятиями. В XIX веке опять все меняется – с развитием производства, его успехами и опасностями появляется усталость рабочих: изнурение пролетарского тела становится очевидным и вызывает беспокойство; этот фактор оценивается более тщательно – для повышения производительности труда, экономии и эффективности, но при этом его не желают признавать ни Виллерме, ни Маркс. А усталость нашего «четвертичного» общества⁴, общества компьютеров и офисов, глуха и невидима; на смену физической нагрузке пришла нагрузка информационная, иногда, после долгих скрытых страданий, случаются непредвиденные срывы – индивидуальные или коллективные.

Обновляющиеся репрезентации тела меняют и восприятие усталости. В старину образ «состояния» усталости ассоциировался с потерей гуморов. Усталое тело – обезвоженное тело. Изнурение, истощение – это потеря вещества, плотности. «Простой» образ, вероятно, родился в Античности, возник из уверенности в том, что основное в теле – жидкости, те, что вытекают, когда человек ранен, воспаляются, когда у него жар, уходят из тела после смерти. Обезвоживание и следующее за ним освежение, таким образом, задают ритм восстановлению усталого тела. Кровопотеря определяет как границы телесной жизни, так и ее ощущение.

В эпоху Просвещения считается, что не только жидкости, но и волокна, сплетения, «токи», нервы создают чувство усталости. Возникают новые симптомы, в расчет принимаются новые признаки: появление усталости связывают с чрезмерным, плохо сдерживаемым возбуждением, слабость – с повторяющимся или длящимся напряжением. Нехватка сил теперь ассоциируется не с потерей вещества, а с недостаточной стимуляцией. Новые чувства связываются с ощущением пустоты, отсутствием стимулирования и недостатком жизненной силы. Отсюда – поиски тонизирующих веществ, специфических возбудителей, а не только восполнение утраченной жидкости и закаливание.

Когда, согласно возникшей в XIX веке механической модели, в основу всего была положена энергия и органическое горение, картина снова изменилась. Теперь заговорили о потере огня, потенциала «отдачи», мощности, а также о химических отходах, заставляющих тела страдать. Отсюда – поиски «укрепляющих средств», энергетических резервов, калорий, удаление токсинов и вредных веществ.

Сегодняшняя усталость рассматривается в цифровой реальности; на первое место выходят внутренние послылы, ощущения, «коннект» и «дисконнект». Отсюда – выраженное стремление к расслаблению, а также заикленность на психологии, отношениях, поиск взаимодействия, стремление к мобильности, поиск иных ощущений.

С течением времени представления уточняются. Наша цивилизация изобретает новую чувствительность, создает нюансы, мало-помалу возникают новые, ранее не существовавшие виды усталости, открываются доселе неизвестные состояния. Появляются новая терминология и симптомы, такие как «вялость», например, о которой в XVII веке говорили богатые люди, жалуясь на неожиданную слабость и болезненность, или «разбитость», появившаяся в изнеженном XVIII веке, – под ней подразумевали несильные боли после непривычных мышечных усилий, на которые в прежние времена внимания не обращали, или вспоминаемый в связи с миром рабочих XIX века «упадок сил», вызывающий непреодолимую слабость и поражающий целые поколения вследствие лишений и чрезмерно тяжелой работы. Границы смещаются. Устанавливается новая шкала, опустошающая и души, и тела.

Интенсивная психологизация поведения и чувств в XX и XXI веках порождает коренные отличия от прошлого. Конечно, тяжелый физический труд (за признание этой тяжести шла

⁴ См.: Sue R. La richesse des hommes: vers l'économie quaternaire. Paris: Odile Jacob, 1997.

борьба) никуда не исчез. Однако внимание уделяется самым разным явлениям: тревожности, дискомфорту, невозможности самореализации. К усталости, возникшей вследствие борьбы с окружающим миром, добавляется усталость, вызванная борьбой с самим собой, – а это процесс внутренний, личный, почти интимный. Препятствия и невозможность что-либо сделать исходят из самого человека, как и слабости и упадок сил. Все это усугубляется современными законами менеджмента, пренебрегающими индивидуальными ценностями ради сиюминутной выгоды; отсутствие контракта вызывает нестабильность и шаткость положения работника, появляются нежелательные профессиональные сдвиги; в результате возникает весьма актуальное противоречие между потребителем, имеющим возможность принимать решение, наемным работником, лишенным такой возможности, и гражданином, требующим ее⁵. Отсюда – бесконечные сомнения по поводу фрустраций личного порядка.

Цель этого исторического и в то же время генеалогического исследования такова: показать, как то, что издавна вошло в плоть и кровь, на протяжении веков вписывается и в сознание, социальные структуры и их представительства и как оно вовсю раскрывается, проникая в самое наше существо.

⁵ См.: Cercle Sésame 2012–2017: ce que veulent les Français. P. 200.

Часть первая. Средневековый мир: поиск вех для изучения

Усталость, с незапамятных времен отравлявшая человеческое существование, была неотъемлемой частью средневековой повседневности. Ее населяют изнуренные согбенные тела, она описывается в различных текстах, от трактатов о здоровье до хроник, фаблю и романов. Согласно распространенной тогда гуморальной теории, усталость наступала вследствие потери ценных телесных жидкостей (гуморов). Усталость – это исчезновение вещества, того, что составляет богатство плоти, разрушение плотности. Это также «темное», малопонятное явление: не существует никаких цифр, описывающих ее, да и слова говорят о ней не вполне ясно, несмотря на то что есть *fatigue* (усталость), происходящее от латинских *fatigare*, *fatigatio*, *defatigatio*, или *lassitude* (усталость, утомление) – от латинского *lassitudo*; нет никаких симптомов, которые описывали бы ее «лучше» или «хуже», кроме интуитивной оценки: длительность дня, меняющиеся особенности деятельности, приблизительно пройденное расстояние, а также случающиеся драмы, несчастья, опасности, травмы.

В средневековом мире было множество «усталых» действующих лиц. В первую очередь это пешие путешественники. В сборниках рецептов той поры присутствовали описания лекарств для тех, «кто ходит по дорогам», и для «усталых путников»⁶, паломников, торговцев или всадников, которым предстояло совершить опасные переходы по пересеченной местности. В исторических хрониках и романах рассказывалось об усталости и утомлении воинов, делом чести которых было участие в поединках и защите городов. Жизнеописания святых, в свою очередь, рассказывают об изнуренности монахов – тех, кто живет в монастырях и подчиняется их суровым правилам, стремясь искупить грехи человечества. Такие виды усталости трудно отнести к какой-либо категории, но их нельзя сбрасывать со счетов; они в большей степени, нежели иные, отражают средневековое общество, пространство, время.

Иначе говоря, усталость возникает только в противостоянии со средой.

⁶ Aldebrandin de Sienne. Le Régime du corps (XIIIe siècle). Paris: Honoré Champion, 1911. P. 68.

ГЛАВА 1. КАРТИНА ЯСНА, ОРИЕНТИРЫ ТУМАННЫ

Главный образ усталости в древности – образ потери, утраты. Слабость возникает в связи с недостатком, нехваткой вещества. Нет ничего более материального или видимого: усталый человек потеет, у него слабеют мускулы, ему становится трудно дышать – и ему начинает казаться, что его тело перестало быть прежним. Все говорит о безвозвратной «утечке», на месте жидкостей (гуморов), предназначенных для «создания» и поддержания организма в порядке, появляются пустоты. Водянистые вещества, занимающие и соединяющие части тела, появляются при малейшей ранке, при малейшей гематоме, при малейшем потоотделении; жизнь уподобляется растительным сокам, плодородной силе, подтверждая неразрывную связь между жидкостями и жизнеспособностью. «Квинтэссенция» тела содержится в этих жидкостях. Их присутствие повышает силу, а исчезновение порождает слабость, худобу, истощение, а то и приводит к смерти. Когда этих жидкостей не хватает, наступает усталость.

Утрата жидкостей и ее последствия

Рассмотрим физические упражнения, мнение врачей о которых совпадает с общепринятым. Все дело в движениях частей тела: повторяющиеся движения вызывают трение, которое вызывает повышение температуры (местное), которое превращает жидкости в газ, который в конечном счете испаряется. В результате человек худеет, все его внезапно обезвоженное тело страдает, его охватывает холод. Это демонстрируют долгие скитания Тристана и Изольды, героев романа XII века, их «мертвенно-бледные и исхудавшие тела»⁷. То же самое мы видим и в медицинских комментариях, в которых упоминается «потеря», чрезвычайное ослабление плоти, помещающие боль в самые «благородные» части тела:

Тебе нужды в ломоте нет,
И тело напрягать не след,
Зане оно тепла лишится
И лютой болью сокрушится:
Желудок, голова и грудь
Начнут страдать – спокойней будь⁸.

Суть боли – в «дефиците», суть слабости – в потере вещества. Пот – «плохой симптом»⁹. Избыточное трение может вызвать лихорадку со всеми ее последствиями, особенно если движения совершаются «при сильной жаре»¹⁰.

Поэтому предполагаемые последствия усилий беспокоят врача до такой степени, что он бьет тревогу. Большая потеря вещества, с его точки зрения, «невосполнима». Она представляет опасность для тех, кто, «слишком много потея, изнуряет себя»¹¹. Усталость делает человека «скованным и иссушенным, его добродетель и ум деградируют от такой работы»¹². В эпоху, когда еще не слышали ни о каких принципах внутренней регуляции, работающий человек дол-

⁷ Tristan et Iseult. Paris: Livre de Poche, 1988. P. 88.

⁸ Commentaire en vers français sur l'école de Salerne (X–XIe siècles). Paris, 1671. P. 461.

⁹ Bernard de Gordon. Fleur de lys en médecine. Lyon, 1495. F c IV.

¹⁰ Ibid. F a IV.

¹¹ См.: Commentaire de Pierre André Matthioli sur les six livres de Dioscoride. Paris, 1579. P. 720.

¹² Barthélémy l'Anglais. Le Grand propriétaire de toutes choses. Paris, 1556. P. 62.

жен был стараться избегать того, чтобы «слишком сильно потеть»¹³. В то же время ограничения непонятны, определяются эмпирическим путем, интуитивны. В повседневной жизни люди руководствуются впечатлениями и непосредственными ощущениями, а не расчетами и контролем¹⁴. Сама «потеря», представленная таким образом, не поддается исчислению. Ее еще невозможно оценить. Невозможно определить количество трудозатрат в разных профессиях, играх, путешествиях, сражениях. В некоторых занятиях это проявляется лучше, чем в других, например в доставке морской рыбы из Ла-Манша и Атлантического океана на парижский рынок на специальных быстроходных экипажах, курсировавших с XII века. Из-за высокой конкуренции требуется двигаться быстро и преодолевать большие расстояния, поэтому павшие в пути лошади и изнуренные люди здесь – обычное дело. Начиная с XIII века в этой сфере даже существовал специальный фонд для замены «загнанных лошадей»¹⁵ и компенсации за испортившуюся в дороге рыбу. В 1500 году потребовалось судебное решение, чтобы оборудовать дорогу и урегулировать рынок¹⁶.

Какие слова можно использовать?

Неточный термин, который тем не менее используется со времен Средневековья, – это «усталость, *fatigue*. Происхождение его элементарно – от латинского глагола *fatigare* (уставать), который и вдохновил авторов средневековых текстов на создание существительного. Как мы видели, упоминались «загнанные лошади»¹⁷ – те, что в XIII веке доставляли рыбу на парижские рынки на специальных быстроходных экипажах, или Галахад, «лучший в мире рыцарь», который «никогда не чувствует усталости»¹⁸, или Фьерабрас¹⁹, после боя с мусульманами «настигнутый усталостью»²⁰.

Слово «усталость» может заменяться множеством других: в романе «Дюрмар Галльский» упоминается «слабость, охватившая все члены»²¹, Альдобрандино Сиенский говорит о «согревании»²² членов, Арно де Вильнёв в XIII веке употребляет термины «уныние духа»²³, «воздушная часть жидкостей» (гуморов) и «душевная травма»²⁴, а Бартоломей Английский – даже «страсть мозга»²⁵, порицая ее последствия в виде бессонницы и сухости организма. Иными словами, речь о терминах, обозначающих «нехватку сил», телесную слабость и вызванные этим неприятности.

Употребление в Средние века слова «усталость» зависит от восприятия. Усталость, утомление могут проявляться как «внешне», так и «внутренне»: «семеро братьев», атакованных

¹³ *Aldebrandin de Sienne*. Op. cit. P. 23.

¹⁴ См.: *Coyré A.* Du monde à l'«à peu près» à l'univers de la précision. Critique. № 28. 1948. P. 806–823 // *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris: Armand Colin, 1961.

¹⁵ См.: *Nicolas de la Mare*. Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent (1705). Paris, 1719. T. III. P. 68.

¹⁶ Ibid. P. 71.

¹⁷ См. выше, с. 22.

¹⁸ *La Quête de Graal* / éd. par A. Béguin, Y. Bonnefoy. Paris: Seuil, 1982. P. 94.

¹⁹ Фьерабрас – персонаж французской средневековой литературы, сарацинский великан, перешедший в христианство (здесь и далее, если не указывается иное, примечания принадлежат переводчику).

²⁰ *Fierabras* / trad. par M. Lafont. Paris, 1861.

²¹ *Durmart le Gallois* // *Récits d'amour et de chevalerie, XII–XVe siècle* / éd. par D. Régnier-Bohler. Paris: Robert Laffont, 2000. P. 620.

²² *Aldebrandin de Sienne*. Op. cit. P. 24.

²³ *Arnaud de Villeneuve*. Regimen sanitatis en français. Paris, 1514. s. p.

²⁴ *Aldebrandin de Sienne*. Op. cit. P. 31.

²⁵ *Barthélémy l'Anglais*. Op. cit. P. 64.

Галахадом, «так утомлены, что не могут больше защищаться»²⁶, позы говорят об их физическом состоянии; в свою очередь мессир Гавейн, персонаж анонимного французского рыцарского романа «Перлесваус», «чувствует усталость во время долгого путешествия»²⁷, его ощущение свидетельствует о том же самом состоянии. Различия между этими двумя точками зрения не то чтобы очень сильны и глубоки. Восприятие усталости интуитивно, очевидно, ощутимо, в нем не обнаруживается ничего особенного, как если бы это был симптом какой-либо болезни. Специально состояние усталости не изучают и не наблюдают. Речь идет об определенной стороне жизни, усталость сопровождает любое существование, она не обсуждается, ее существование признается априори. Это «слабое место», неизбежный ответ на несовершенство человека.

Как определить степень усталости?

Та же относительная неопределенность наблюдается, когда средневековая медицина пытается разобраться в вопросе усталости, определить ее пороги, нащупать самое большее и самое меньшее в усталости и усилиях. Бартоломей Английский в XIII веке использует всем понятные прилагательные, но его определения по-прежнему интуитивны; интенсивность физического труда, с его точки зрения, можно описать тремя способами: «один труд требует больших усилий, другой не требует, третий занимает промежуточное положение». При этом никаких внятных критериев определения не существует; так же обстоят дела с быстротой – трудиться можно «быстро», а можно «медленно»; количество затраченных усилий может быть «большим» или «маленьким»²⁸. Начиная с XII века в комментариях Салернской школы регулярно употребляется «субъективное» определение «долгий»: «Не делай упражнений долго, это может нанести тебе вред»²⁹. Нет ничего устоявшегося, все предметы существуют лишь относительно других; никак не определяется скорость, механика, нет никаких стабильных реперных точек, даже если определение к чему-то относится в большей степени, а к чему-то – в меньшей. Лучшая иллюстрация этого – наличие «не связанных между собой систем измерения, меняющихся от города к городу, от деревни к деревне»³⁰. Мир живет ощущениями, физическими впечатлениями, ему для всего требуется визуальное подтверждение, мир, которому пока недоступны какие-либо измерения, «приблизителен», как писал Александр Койре³¹.

Альдобрандино Сиенский в XIII веке ориентируется на цвет, без уточнений: чрезмерные усилия вызывают покраснение кожи, похудение, а иногда и наоборот; этот архаичный образ сосредоточен на кажущихся внутренними ощущениях перегрузки³². «Прекращать» работу следует тогда, когда появляются подобные симптомы, а также чувство потери телом легкости, когда оно становится «тяжелым»³³. Здесь налицо смутное стремление к умеренности, сдержанности, но даже если бы это стремление было возведено в медицинский принцип, ему мало кто следовал бы. В повседневности, наполненной трудом, это все лишь нереалистичные теории, а «интенсивные» усилия кажутся привлекательными.

²⁶ La Quête de Graal. P. 94.

²⁷ Perlesvaus, le haut livre du Graal // La Légende arthurienne. Le Graal et la Table ronde / éd. par D. Régner-Bohler. Paris: Robert Laffont, 1989. P. 193.

²⁸ Barthélémy l'Anglais. Op. cit. P. 62.

²⁹ Commentaire en vers français sur l'école de Salerne. P. 461.

³⁰ См.: Coyré A. Du monde à l'«à peu près» à l'univers de la précision // Études d'histoire de la pensée philosophique. P. 319.

³¹ Ibid.

³² Aldebrandin de Sienne. Op. cit. P. 24.

³³ Ibid.

Что теряется?

Люди испытывают гнев, горечь, находятся во власти иллюзий, у них много забот. Все эти эмоции могут способствовать появлению усталости, и они в большей степени предполагаемы, нежели оценены точно. Константин Африканский в XI веке приводит список многочисленных причин, но не дает им подробного комментария: «Чрезмерные размышления (*nimia cogitation*), воспоминания (*memoria*), изучение непонятных вещей (*investigatio rerum incomprehensibilium*), домыслы (*suspitio*), надежды (*spes*), воображение (*imaginatio*)»³⁴. Сюда же следует отнести напряжение ума, внутренние зажимы, движение жидкостей (гуморов) – здесь снова в центре внимания оказывается чрезмерная сухость: «избегать больших нагрузок и забот, потому что заботы иссушают тело человека, причиняя вред жизненному духу, а опечаленный дух иссушает кости»³⁵. «Постепенное ослабление» обуславливается напряжением мышц, в том числе «сжавшимся сердцем»³⁶, что бывает спровоцировано какими-то внутренними болями; это напряжение разжижает гуморы вплоть до полного их исчезновения. Оно обусловлено также раскаянием, угрызениями совести, длительным, повторяющимся, назойливым раздражением, «неудержимыми движениями мозга», вследствие которых происходит бессмысленная работа ума. Арно де Вильнёв настаивает: «Человек должен воздерживаться от гнева, поскольку гнев иссушает тело и придает чрезмерный жар всем членам, а жар делает тело чахлым»³⁷. Конечно, гнев и отчаяние «жгут», как ничто другое. Недосып также «вызывает страхи, сухость тела, мешает пищеварению, меняет саму природу человека»³⁸. Это допсихологическая точка зрения, здесь любое возбуждение считается результатом чрезмерных движений частей тела и их столкновений и трений.

Тем не менее, несмотря на относительное отсутствие качественной и количественной оценки усталости, в Средние века существовало «общее представление» о ней. Мир был разнообразен и многолик, существовало множество различных моделей бытия и противостояния трудностям, люди по-разному сопротивлялись враждебности и страдали каждый по-своему. Усталость оценивалась в основном с точки зрения фактов и мест, разнообразных мелких и раздробленных внешних «ощутимых» обстоятельств, вызывающих затрату сил и истощение.

³⁴ См.: König-Pralong C. Aspects de la fatigue dans l'anthropologie médiévale // Revue de synthèse. 2008. Vol. 129. № 4. P. 539.

³⁵ Arnaud de Villeneuve. Regimen sanitatis en français.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Barthélémy l'Anglais. Op. cit. P. 64.

ГЛАВА 2. ПРОСЛАВЛЯЕМАЯ УСТАЛОСТЬ ВОИНА

Чтобы выйти за рамки общепринятых описаний, нужны определенные обстоятельства и ситуации – конкретные вещи, конкретные люди. Более того, необходимо помнить об особо значимых видах деятельности, на которых фокусируется взгляд; прочие же остаются почти незаметными или же ими пренебрегают. Иначе говоря, усталость селективна. Это демонстрируют средневековые описания, в которых некоторые виды усталости превозносятся, а другие не замечаются; тем самым обнажается культура, среда. Здесь на первый план выступают сцены боя, а описания работающих людей встречаются редко, потому что не считаются заслуживающими внимания. На вооруженных столкновениях останавливаются чаще, потому что война – это нечто «из ряда вон выходящее», во время войн делаются карьеры, создаются иерархии, достигается определенное положение в обществе. Примером тому может послужить жизнь Уильяма Маршала: во второй половине XII – начале XIII века он находился на службе у Патрика Солсбери, затем у Генриха II, участвовал в боях и выиграл множество рыцарских турниров; это преобразило его статус – безвестный некогда рыцарь стал регентом Англии³⁹. Военные эпизоды неизбежно оказывались интересными, как и рыцарская верность. Отсюда – стремление избегать упоминаний об усталости и подчеркивать способность к сопротивлению и отсутствию чувствительности.

«Видимая» сторона тела

Особо ценилась внешняя сторона, «видимое» было предпочтительнее скрытого, интимного, чувствительного; описывать военные подвиги следовало цветисто и многословно, делая акцент на жестах, на оружии и на его применении. В прежние времена приоритет отдавался внешней стороне. Таков рассказ о Фьерабрасе, герое романа XIII века, изнемогшем в бою с «неверным»: «его наносившая удары рука распухла...» и выронила «шпагу длиной с копье»⁴⁰. Или история о графе Нормандском в «Покорении Иерусалима». Его реакция внешне иная, в большей мере воображаемая, чем реалистичная, но связана с владением оружием: «Он не мог выпустить судорожно сжимаемую в руке шпагу; ему удалось ослабить хватку, лишь полив руку горячей водой и вином, от чего мускулы расслабились»⁴¹. Конечно, интимное, личное чувство существует – мы это видели⁴², – но о нем редко вспоминают, на него обращают мало внимания, оно слишком субъективно, чтобы изучать его подробно. Отношение к физическому изнеможению было совершенно особым, приоритет отдавался отношению к окружающему, а не к себе, к своему внутреннему миру.

Далее – внешние телесные проявления, физические страдания; появление множества признаков усталости. «Пена изо рта» у измученных в пустыне франков⁴³ или потеря чувств у крестоносцев, осаждавших Иерусалим, запятнанные кровью, порванные одежды: «они все были грязны, и многие теряли сознание от усталости»⁴⁴. Или ноги, стертые до кровавых мозо-

³⁹ См.: Duby G. Guillaume le Maréchal ou le meilleur chevalier du monde. Paris: Fayard, 1984.

⁴⁰ Fierabras. P. 48.

⁴¹ Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Conquête de Jérusalem // Croisades et pèlerinages: récits, chroniques et voyages en Terre sainte, XIIe – XVIe siècle. Paris: Robert Laffont, 2009. P. 188.

⁴² См. выше, с. 22.

⁴³ Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Conquête de Jérusalem. P. 188: «Plusieurs ont déjà de l'écume qui leur sort de la bouche» («У многих на губах уже выступила пена»).

⁴⁴ Ibid. P. 261.

лей во время долгих переходов, «отрезанные, разорванные под щиколотками штанины»⁴⁵. Симптомы почти «терминального состояния», вызывающие трепет и уважение.

Привилегии, даваемые выносливостью

Бой, в котором мешаются «органическое» и «моральное», сила и решимость, придает веса его участнику. Сражение – вещь ценная. Чтобы победа вызывала уважение, битва должна быть «долгой и ожесточенной»⁴⁶, иными словами, «в высшей степени жестокой и очень продолжительной»⁴⁷. Воин тоже высоко ценится. Он должен быть стойким и непримиримым, таким как граф де Сен-Поль, который в битве при Бувине в 1214 году «сражался очень долго и из всех сил и был изнурен множеством нанесенных им ударов»⁴⁸, или упорным и несгибаемым, как герой романа XIII века «Жеган и Блонда», не позволявший себе ни малейшей передышки во время боя»⁴⁹. Со временем цена затраченных усилий повышается: в Средние века в большей мере ценятся терпение, а не стремительность, замедленность, а не скорость, такие «мужские доблести, как агрессивность и способность сопротивляться любому натиску»; воин воплощает почти символическую цель: он должен во что бы то ни стало выстоять и «не показать слабость»⁵⁰.

Взгляд через призму усталости в бою выявляет два важнейших момента: способность одних воинов превзойти собственные силы и способность других игнорировать свою слабость. Первые демонстрируют умение терпеть, действия вторых говорят о презрении к боли. Выносливость, способность сражаться на протяжении долгого времени, – главное качество воина. Жак де Лален, авторитетная персона при Бургундском дворе, демонстрирует это качество, культивируя ценный навык: «Он больше, чем кто-либо другой, был опытен, способен к сопротивлению и умел разгорячить противника»⁵¹. Галахад, «лучший в мире рыцарь», проявляет выносливость, развивая в себе неизменное хладнокровие, «непоколебимое и неутомимое»⁵². Обладание тем же качеством ожидается и от лошади: таким был конь Бодуэна в «Покорении Иерусалима», «Пренсо Арагонца, которого невозможно было загнать»⁵³, или арабский скакун Фабюр, «который может проскакать двадцать лье галопом, не устав и не сбавив скорость»⁵⁴.

Это качество в Средние века становится все более важным и даже начинает учитываться в рыцарских поединках. В XV веке зрители с интересом считают количество выпадов и ударов, оценивают их ожесточенность, обращают внимание на продолжительность поединка. Например, в Генте 15 декабря 1445 года Жак де Лален сражался с одним сицилийским рыцарем. Бой продолжался до ночи: «Поистине все, кто присутствовал на поединке, утверждали, что никогда они не видели, чтобы делалось так много выпадов и наносились такие жестокие удары»⁵⁵. Более того, случалось, что планируемое количество ударов сообщалось атакующей стороной заранее и было признаком уверенности в себе, способности к сопротивлению или, лучше сказать, доблести. Это оговаривалось в регламенте поединка, состоявшегося на берегах Соны 2 октября

⁴⁵ Ibid. P. 193.

⁴⁶ *Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Chanson d'Antioche // Croisades et pèlerinages*. P. 42–43.

⁴⁷ *L'Âtre périlleux // La Légende arthurienne*. P. 642.

⁴⁸ *Relation de Marchiennes*. Цит. по: *Duby G. Le Dimanche de Bouvines, 27 juillet 1214*. Paris: Gallimard, 1985. P. 79.

⁴⁹ *Jéhan et Blonde*. Paris: Union latine d'édition, 1971. P. 92.

⁵⁰ *Duby G. Réflexions sur la douleur physique au Moyen Âge // Mâle Moyen Âge: de l'amour et autres essais*. Paris: Flammarion, 1990. P. 205.

⁵¹ *Le Livre des faits du bon chevalier, messire Jacques de Lalaing // Splendeurs de la cour de Bourgogne: récits et chroniques / éd. par D. Régnier-Bohler*. Paris: Robert Laffont, 1995. P. 1311.

⁵² *La Quête du Graal*. P. 94.

⁵³ *Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Conquête de Jérusalem*. P. 251.

⁵⁴ Ibid. P. 67.

⁵⁵ *Le Livre des faits du bon chevalier, messire Jacques de Lalaing*. P. 1255.

1450 года: «Количество рубящих ударов должно быть предварительно зафиксировано»⁵⁶. Эта идея подтверждается «красноречивым» количеством ударов (шестьдесят три), которые некий Жан Питуа собирался нанести Жаку де Лалену 15 октября 1450 года⁵⁷. Так в XV веке косвенным образом начинает возводиться в ранг доблести способность к сопротивлению.

Воспитание через «продолжительное» страдание

Все эти качества в конечном счете формируют рыцаря. Жан де Бюэй, соратник Жанны д'Арк, считает условием приобретения «чести и славы в боях» необходимость уметь «прежде всего терпеливо сносить продолжительные тяготы и невзгоды»⁵⁸. Жан ле Менгр по прозвищу Бусико, которому в 1391 году Карл VI присвоил звание маршала, подробно рассказывает об этом требовании, вспоминая свою воинственную молодость; лейтмотивом его воспоминаний становится слово «долго»: «Никакие тяготы ему не были страшны», он «подолгу был на ногах», привык «надолго задерживать дыхание», «подолгу» совершать ратный труд, «подолгу» размахивать топором, его руки «подолгу» наносили удары, он накапливал «военный опыт» и «никогда не останавливался»⁵⁹. Единственная логика – повторение изо дня в день. Единственная перспектива – длительность, продолжительность. Повторение глобальное, полное, массивное, не имеющее ничего общего с «постепенностью», «поэтапностью» в более поздние эпохи: так вскрываются старинные приемы привыкания к усталости и сопротивления движению времени. Научиться бороться с усталостью не означает приблизить ее, распределив во времени усилия, – речь идет о ее преодолении путем постоянного прибавления ситуации в комплексе, отдаваясь ей целиком и полностью.

Все вышеизложенное относится к рыцарям (всадникам). С остальной армией дело обстоит по-иному. Когда английский король Эдуард III в 1335 году под страхом смерти запрещает «на территории всего королевства развлекаться, делая ставки в любых играх, кроме стрельбы из лука»⁶⁰, лучников это не касается. Здесь принимается в расчет лишь владение оружием, а не подготовка к маршам или тренировка перед физическим изнурением, которое предстоит не-рыцарям (то есть пешим воинам). То же самое мы наблюдаем 28 апреля 1448 года, когда французский король Карл VII отдает приказ каждому аббатству снаряжать лучников перед предстоящими боями⁶¹. Это подтверждает социальную включенность: вырабатывать выносливость следует лишь у рыцарей, которых можно назвать таковыми «одновременно в техническом и социальном смысле слова, которые несут на себе... большой щит, плетеную кольчугу и действуют в бою копьем и шпагой»⁶², у тех, кто способен нести на себе двадцать пять килограммов металла, у тех, чья способность сопротивляться усталости и ударам врага и составляет величие. Это главный культурный признак: «На исходе Средневековья кавалерия все еще рассматривалась как нерв армий»⁶³. В то же время на изнурение простых воинов не обращали внимания.

⁵⁶ Ibid. P. 1334.

⁵⁷ Ibid. P. 1343.

⁵⁸ Bueil J. de. Le Jouvencel. Paris, 1887. P. 21.

⁵⁹ Le Livre des faits du bon messire Jean le Meingre, dit Boucicaut // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France / dir. par J.-F. Michaud, J.-J.-F. Poujoulat. Paris, 1836. T. II. P. 219.

⁶⁰ См.: Stein H. Archers d'autrefois, archers d'aujourd'hui. Paris: Longuet, 1925. P. 66.

⁶¹ См.: Ibid. P. 82.

⁶² Contamine P. La segmentation féodale, début X^e – milieu XIIe siècle // Histoire militaire de la France / éd. par Andre Corvisier. T. I. Des origines à 1715. Paris: PUF, 1992. P. 71.

⁶³ Franco Cardini. Le guerrier et le chevalier // L'Homme médiéval / dir. par J. Le Goff. Paris: Seuil, 1989. P. 122.

ГЛАВА 3. НЕПРЕМЕННЫЕ ТЯГОТЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Другое постоянно обсуждаемое в Средние века явление, которому нередко сопутствует усталость, – это путешествия со всеми их невзгодами и непредвиденными обстоятельствами. Тяготы, переживаемые в пути, не такие яркие, как на войне, и ценятся меньше. Усталость путешественника неизбежна, опасна, обсуждаема. В конечном счете путешествия – это целая культура, в которой смешиваются усталость и бессилие, открытия и новые ощущения.

Видение пространства

Идея усталости заключена в самом средневековом восприятии пространства. Все дело в нем. Как только устанавливается дистанция, пространство делается размытым. Трудности появляются, как только возникает необходимость «ходить по дорогам». Путешествие – дело опасное. В том мире не было возможности посмотреть на предстоящий путь сверху⁶⁴. Местность не однородна, как в наше время. Конечно, какие-то карты существовали – на старинных гравюрах можно заметить границы, разделяющие страны и континенты. Но в основном на них изображены дороги, пути, это не взгляд на пространство, который помог бы охватить его целиком. Пространство – это «пустота, которую надо заполнить»⁶⁵, это неясные перекрестки, постоянно появляющиеся препятствия. Значение имеют лишь отдельные места, как те, что в XIII веке упоминает «восхищавшийся лишь садами» Марко Поло в «Книге о разнообразии мира» – описании «баснословного» кругосветного путешествия⁶⁶. Таким образом, как бы ни был тяжел пройденный путь, он влечет за собой прогресс, и дальние горизонты могут не только пугать, но и завораживать.

Прокомментировать это можно лишь кратко. В Средние века было не до взглядов в глубь себя и не до скрупулезного изучения испытанных ощущений. Усталость путника, как и усталость воина, выражается через то, что он видит: описывая окружающее, он сообщает нам о том, что происходит с его телом. Мы читаем описания переходов, местности, климата: например, ветра, заставляющего Джованни Плано Карпини, папского посланника, регулярно ложиться на землю во время перехода через Монголию в 1246 году⁶⁷, или почвы Восточной пустыни, «то каменистой, то песчаной»⁶⁸, которая привела в отчаяние Якова из Вероны во время его долгого путешествия в 1335 году.

На кону были материальная и ментальная галактики, видение окрестностей; каждое место расценивалось как изолят и каждое отдаление – как «противостояние». Нет ничего удивительного в том, что жители Монтаяу в XIII веке очень высоко ценили пастуха Пьера Мори, «перешедшего вброд реку и перенесшего на своих плечах сначала Белибаста, а затем Арно Сикра»⁶⁹. Риски, связанные с путешествиями, и постоянные испытания, таким образом, представляют собой первый известный вызов времени.

Угроза, таящаяся в «чужих краях», беспокойство, вызываемое пространствами, и сюрпризы, которые они могут преподнести, были главными темами средневековой литературы.

⁶⁴ Certeau M. de. *L'Invention du quotidien*. T. I. Arts de faire (1990). Paris: Gallimard, 2007. P. 177.

⁶⁵ См.: Chevalier B. *Espace vécu, mesuré, imaginé: Introduction. Textes réunis en l'honneur de Christiane Deluz // Cahiers de recherches médiévales et humanistes* (XIIIe – XVe siècle). 1997. № 3. P. 8.

⁶⁶ Roger A. *Court Traité de paysage* (1997). Paris: Gallimard, 2017. P. 68.

⁶⁷ *Plan de Carpin J. Voyage en Tartarie // Voyageurs anciens et modernes / dir. par É. Charton*. Paris, 1861. T. II. P. 240.

⁶⁸ *Jacques de Verone. Liber peregrinationis*, 1335, s. p.

⁶⁹ См.: *Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. Paris: Gallimard, 1975. P. 176.

Ирландский священник Брендан, в сопровождении двенадцати товарищей отправившийся на поиски земного рая, встретил во время своего путешествия такие многочисленные и удивительные испытания, что в X–XV веках его странствия стали сюжетом ста двадцати произведений⁷⁰. Брендан познал все лишения и страхи. Помимо тягот путешествия он сталкивался с дикими животными, его изводили монстры, дьяволы и демоны. Чудеса встречаются во многих романах, разжигая воображение и оживляя повествование.

Изнеможение, усталость сопровождают также важнейшие средневековые странствия и путешествия: вдоль границ какой-то территории, по морям, по лесам, по пустыням... В особенности это касается походов в Святую землю – путешественники нередко сбивались с пути, совершали бесконечные переходы, уставали до смерти. Вот свидетельство Номпара де Комона, сделанное в 1419 году: «Мы вышли в путь посреди ночи из-за сильнейшей стоявшей там жары, вызвавшей смерть множества людей»⁷¹.

Горы и леса – те места, где путешественники устают больше всего, в особенности леса с их неверными тропами и обманом зрения. Для их определения существует множество эпитетов: коварный, полный опасностей, затерянный, непроходимый⁷². В лесу блуждают, он полон угроз, в нем полно «всевозможных ловушек и тайных мест», в нем трудно ориентироваться и найти из него выход⁷³. Король Лот и его сыновья, прибыв к нортумберлендскому леснику, «впали в глубокий сон, чтобы отдохнуть после огромных усилий и мучений, которые им пришлось перенести»⁷⁴. Друзья Гавейна, «до ночи» блуждавшие верхом на лошадях по «бескрайнему темному лесу»⁷⁵, сразу же крепко заснули. А лес, в который отважился пойти Гинбо⁷⁶, называется «Опасным»⁷⁷, потому что его трудно пройти, а также потому, что зовет на подвиги. Роман XII века «Невидимая дама» кончается трагически – из глубины леса доносятся крики «несчастливого заблудившегося... и нет надежды на его спасение»⁷⁸.

Море дополняет картину ужасов: дождь из огня и камней, острова, сбивающие с пути своими магнитами, чудовища с бронзовыми челюстями. Опасность настолько очевидна, что в XII веке в расписании корабельного движения в сторону острова Олерон появляются первые признаки «защиты»: «Если моряк получит ранение, неся службу на корабле, он должен быть перевязан и вылечен за счет владельца этого корабля»⁷⁹.

Средневековые путешественники – кто они?

В историях о странствующих рыцарях, торговцах, представителях власти, принцах или священнослужителях, как и о путешественниках, бросивших вызов непростым маршрутам, всегда упоминаются и подчеркиваются трудности, с которыми они сталкиваются.

Повседневная жизнь опасна, несмотря на свою простоту. Путешествия – дело неизбежное, необходимое и в то же время «изматывающее». Коммерсанты и негоцианты ищут выгоду и ездят по ярмаркам, отстоящим на большое расстояние друг от друга: «Шампань,

⁷⁰ См.: Bouet P. Le Fantastique dans la littérature latine du Moyen Âge: la navigation de saint Brendan. Caen: Centre de publications de l'université de Caen, 1986.

⁷¹ Caumont de Castelnau N. de. Voyage d'outremer en Jérusalem (XVe siècle) // Croisades et pèlerinages. P. 1082.

⁷² См.: Combarieu M. de. Le nom du monde est forêt // Espace vécu, mesuré, imaginé. P. 79–90.

⁷³ Bechmann R. Des arbres et des hommes: la forêt au Moyen Âge. Paris: Flammarion, 1984. P. 340.

⁷⁴ Le Livre du Graal / éd. par Philippe Walter. Paris: Gallimard, 2001. T. I. P. 1386.

⁷⁵ Ibid. P. 1411.

⁷⁶ Один из персонажей легенд о рыцарях Круглого стола.

⁷⁷ Ibid. P. 1140.

⁷⁸ La Dame invisible. Paris: Union latine d'édition, 1971. P. 118.

⁷⁹ Rôles d'Oléron. Coutumier maritime du Moyen Âge // pub. par A. Pawlowski de Lannoy. Niort: A. Chiron, 1900. Art. 7.

Лион, Кельн, Аугсбург, Майнц, Милан, Неаполь, Бриндизи»⁸⁰. Это видно на комплементарной фреске Амброджо Лоренцетти «Последствия доброго правления», написанной в 1339 году на стенах Зала Девяти в Сиене: города с оживленными предместьями, толпы людей, нагруженные повозки, торговцы, продвигающиеся пешим ходом⁸¹. Все это создает впечатление одновременно движения и покоя. Надпись на картуше тем не менее косвенным образом намекает на опасность: «Пусть любой свободный человек путешествует безбоязненно»⁸². Пути-дороги явно представляют большие трудности. В текстах поэта XIII века Жилия Ле Мюизи чувствуются угрозы:

Чтобы могла страна всем нужным ей снабдиться,
Приходится купцам в поте лица трудиться,
Чтоб все, чего в ней нет, привести со стороны.
Преследовать же их не должно без вины.
Поскольку, по морям скитаясь беспокойны,
Везут в страну товар, за что любви достойны⁸³, ⁸⁴.

Переписчики, служившие герцогу Бургундскому и сопровождавшие его во время путешествия в папский город Авиньон в мае 1344 года, официальным языком сообщают об упадке и болезнях. Болезни и в особенности смерти – это самые тяжелые невзгоды, с которыми им пришлось столкнуться во время путешествия: в период с мая по октябрь 1344 года заболели и были оставлены на месте пятьдесят четыре человека, четверо из них умерли; это около трети герцогской свиты⁸⁵. Та же мысль косвенным образом подтверждается в письме Людовика VI королю Кастильскому, написанном в 1387 году: «две тысячи военных», которых он посылает тому на помощь, должны быть доставлены «как можно более аккуратно и с наименьшим ущербом для них»⁸⁶.

То же самое можно увидеть в литании, посвященной путешествию Эсташа Дешана (XV век), в которой описано его крайнее изнурение, и в то же время в ней упоминается, наоборот, интерес к знакомству с миром для лучшей его оценки:

И не узнает домосед,
В ком духа странствий вовсе нет,
Какая боль людей терзает,
Какой их страх одолевает,
Как плещут море и река
И как чужого языка
Слова на слух и разум лягут.
Он не узнает тела тягот.

⁸⁰ La Dame invisible. P. 106. См. также: *Voyager au Moyen Âge: catalogue d'exposition*. Musée de Cluny. Paris: Réunion des musées nationaux, 2014.

⁸¹ Ibid. P. 107.

⁸² Ibid.

⁸³ Перевод А. Х. Горфункеля.

⁸⁴ *Li Muisis G. Poésies (XIIIe – XIVe siècles)*. Louvain: Kervyn de Lettenhove, 1882. T. I. P. 57.

⁸⁵ *Dubois H. Un voyage princier au XIVe siècle // Voyages et voyageurs au Moyen Âge. Actes des congrès de la SHMESP*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. P. 88.

⁸⁶ «Guillaume de Naillac et Gaucher de Passac, chevaliers, chambellans du roi, s'engagent, moyennant une somme de cent mille francs, de mener deux mille hommes d'armes que le roi envoie au secours du roi de Castille, contre le duc de Lorraine». Paris, 5 février 1387 // *Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI* / pub. par L. Douet d'Arcq. Paris, 1863. T. 1. P. 77 («Гийом де Нейлак и Гоше де Пассак, рыцари, камергеры короля, обязуются за сто тысяч франков возглавить две тысячи латников, которых король посылает на помощь королю Кастилии, воюющему против герцога Лотарингии»).

А путник, как бы ни устал,
Всё это подлинно узнал⁸⁷.

В связи с этим символичным оказывается религиозное регламентирование, приветствующее ограничение путешествий. В Средние века архиепископ Рауль де Бурж «предостерегает» священников от слишком долгих переходов: те, кто живет дальше, чем «шесть или семь миль от города», должны «собираться в группы по десять человек и посылать к епископу одного из десяти в четверг на Страстной неделе, чтобы получить в три разные склянки миро для крещения и елей для новообращенных и больных»⁸⁸. Визиты епископа строго регламентированы, всегда проходят торжественно, но «не часто»⁸⁹ вплоть до XI–XII веков.

Были также паломничества – такие многочисленные и разнообразные, что считались «самой распространенной причиной перемещений»⁹⁰. В религиозном мире это было способом «идти по следам Христа»⁹¹, который сам был странствующим проповедником, представлявшим собой «архетип путника»⁹². Паломничества стояли особняком, поскольку они полностью меняют банальный смысл усталости: паломники не терпят усталость, но желают ее, их страдания не случайные, а желанные; достигнув же цели, они обретают «величие». Босой пилигрим с посохом и сумой – не только средневековый образ искупления, даваемого посещением святых мест и реликвий, это также образ стойкости, вырабатываемой странствиями. Усталость имеет нечто общее с искуплением: «Любое средневековое паломничество в силу трудностей путешествия (усталость и опасности, поджидающие в дороге) до некоторой степени представляет собой акт покаяния»⁹³. Это лаконично формулирует Альфонс Дюпрон: «Пилигрима создает испытание пространством»⁹⁴. Те, кто путешествовал на Восток, кто шел по горе Синай в сторону гроба Господня, с жаром говорили об искуплении грехов, ни о чем другом, кроме как о тяготах и их конечном смысле – созидании:

Мы с трудом, ценой очень больших усилий, карабкались до ее вершины, некоторые переходы были настолько трудны и опасны, что в это трудно поверить. О, усталая человеческая плоть! Сколько же страхов и невзгод приходится тебе выносить, чтобы достичь божественной благодати⁹⁵.

Парадоксальным образом находились и те, кто был готов платить, чтобы другие «терпели лишения» за них. Скончавшийся Ги де Дампьер, в 1251 году ставший графом Фландрии, отписал в завещании «сумму в восемь тысяч ливров тому, кто, в случае если граф не сможет осуществить свое желание посетить Святую землю, совершит за него это паломничество»⁹⁶. Это была значительная сумма, если учесть, что капеллан Ги «ежедневно получал овес для двух лошадей; шестнадцать ливров на сукно и двадцать ливров годового содержания»⁹⁷. Суще-

⁸⁷ См.: Une «invitation» au voyage en forme de balade par Eustache Deschamps. <https://www.moyenagepassion.com/index.php/2017/08/08/une-invitation-au-voyage-en-forme-de-ballade-par-eustache-deschamps/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁸⁸ Mazel F. L'Évêque et le territoire: l'invention médiévale de l'espace. Paris: Seuil, 2016. P. 113.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ См.: Chevalier B. Op. cit. P. 15.

⁹¹ Kessler H. L. Marcher dans les pas du Christ // Voyager au Moyen Âge. P. 16.

⁹² Ibid.

⁹³ Vogel C. Le pèlerinage pénitentiel // Revue des sciences religieuses. 1964. Vol. 38. № 2. P. 113.

⁹⁴ Dupront A. Du sacré. Croisades et pèlerinages: images et langages. Paris: Gallimard, 1987. P. 374.

⁹⁵ См.: Martoni N. de, Anglure O. d'. Vers Jérusalem: itinéraires croisés au XIVe siècle / préf. de J. Meyers. Paris: Les Belles Lettres, 2008. P. 104.

⁹⁶ См.: Derode V. Histoire de Lille. Paris, 1848. T. I. P. 259.

⁹⁷ Ibid. P. 277.

вала практика индульгенций, финансовых компенсаций за грехи, разрешенная канонот от 992 года⁹⁸; суровость противостояния зависела от ассигнованной суммы.

Первый симптом – усталость ног

В середине периода Средневековья у добровольно принимаемых тягот существовали свои особенности. Образ страданий здесь – особые стигматы, раны, еще раз демонстрирующие разнообразие изнурения: они сконцентрированы на определенных участках тела, внимание обращено на стертые в кровь ноги паломника. В первую очередь это механические повреждения: «в Средние века не существовало специальной обуви для ходьбы»⁹⁹. Башмаки, как правило сшитые из цельного куска кожи¹⁰⁰, не защищали ни от неровностей дороги, ни от долгой ходьбы. Но полученные ранения облагораживают, добавляя к добровольно принятым страданиям новую боль. Отсюда – переходы, которые совершались босиком. Святой Гийом из Верчелли в XII веке «прославился тем, что в пятнадцатилетнем возрасте именно так дошел до Компостелы»¹⁰¹. Сцены покаяния или процессии паломников, идущих босиком, стали общим местом, они часто изображались на капителях колонн церквей XII–XIII веков¹⁰². Говоря о покаянии Персиваля, Карин Уельчи называет это явление «повсеместным умерщвлением плоти»¹⁰³. Эту же мысль подтверждает и Людовик Святой, во время взятия Дамьеты (Думьята) в 1249 году приказавший очистить город «от останков людей и животных и прочих нечистот», после чего совершить переход через город, причем «для пущего благочестия все должны быть босыми, как бароны, так и простолюдины»¹⁰⁴. В этом добровольном согласии на страдания, надежном способе получить прощение грехов видится величие.

Другая епитимья, в которой проявляется участие в судьбе путников, – омовение их ног в знак раскаяния. Людовик Святой каждую субботу «имеет обыкновение мыть ноги беднякам в укромном месте»¹⁰⁵. Изабель, дочь венгерского короля, в 1230 году достигла святости, отдавшись служению самым обездоленным:

И когда бедняки пришли к вечерне, чтобы отдохнуть, она посмотрела, у кого из них была самая плохая обувь; тем вымыла она ноги; а на следующее утро дала им обувь, подходящую по размеру, потому что у нее были припасены большие и маленькие башмаки для нуждающихся; и она сама помогла им обуться. А потом она проводила их до дороги, по которой им предстояло идти»¹⁰⁶.

Как видим, ноги – это символ страдания, усталости и времени.

⁹⁸ См.: *Durand de Maillane P.-T.* Dictionnaire de droit canonique et de pratique bénéficiale. Paris, 1761. Art. «Indulgences».

⁹⁹ См.: *Voyager au Moyen Âge*. P. 51.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.* См. также: *Doucet J.* Chaussures d'antan. Paris: Devambez, 1913. P. 12.

¹⁰¹ *Girault M., Girault P.-G.* Visages de pèlerins au Moyen Âge. Paris: Zodiaque, 2001. P. 261.

¹⁰² *Ibid.* P. 24.

¹⁰³ *Ueltschi K.* Le Pied qui cloche ou le lignage des boiteux. Paris: Honoré Champion, 2011. P. 71.

¹⁰⁴ *Les Grandes Chroniques de France, selon qu'elles sont conservées en l'église de Saint-Denis en France* / pub. par M. Paulin Paris. Paris, 1836. T. IV. P. 311–312.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 354.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 247.

ГЛАВА 4. УСТАЛОСТЬ КАК «ИСКУПЛЕНИЕ»

Другой аспект усталости представляют собой многочисленные виды деятельности, направленные исключительно на искупление, – это добровольно принимаемые на себя муки. Религиозный мир создает для этого все условия, а тщательно продуманные действия определяют интенсивность этой усталости. Это в первую очередь касается духовных лиц, главной целью телесных страданий которых является спасение души; в Средние века мистицизм сопровождается все более изобретательными мучениями.

Путешествие как «наказание»

Некоторые паломничества совершались не по собственному желанию; они были так тяжелы и даже символичны, что представители власти использовали их в качестве наказания. Такие паломничества переставали быть чем-то интимным и становились социальным деянием. Паломничество становилось «наказанием», тщательно закодированной расплатой, причем длительность пути паломника связывалась с тяжестью совершенного «преступления». Священнослужитель намечает путь, «благословляет грешника, дает ему шапку, посох и суму, а также охранную грамоту... <...> прибытие на место паломничества означает искупление грехов»¹⁰⁷. Паломничество, таким образом, осуществляет функции правосудия, Церковь или чиновники выносят приговор, достаточно суровый даже для уголовных преступников. По письму от 1387 года был помилован некто Жан Биго из Сен-Морис-де-Ну, виновный в убийстве, «при условии, что он отправится в собор Нотр-Дам-дю-Пюи, находящийся в Грассе, и отслужит сто обеден за спасение души покойного»¹⁰⁸. В 1393 году были отпущены грехи двум жителям прихода Азе-ле-Брюле, участвовавшим в убийстве какого-то громилы и в ограблении некой женщины, «при условии, что один из них отправится в Нотр-Дам-дю-Пюи, другой – в собор Святого Якова в Галисии»¹⁰⁹. Таким образом, целью подобного наказания были нравственные муки и физические страдания паломников, «опасность которых сегодня невозможно даже вообразить»¹¹⁰, писал в 1848 году Виктор Дерод.

Однако у подобных судебных решений должны быть какие-то границы. Суд выносит наказание, но «предоставляет» приговоренных их судьбе. От подобного наказания есть и «ущерб». Дороги, захваченные отъявленными преступниками, становятся менее безопасными. В обществе нарастает тревога, несмотря на то что Жиль Шарлье на Вселенском соборе в Базеле в 1433 году по-прежнему связывает паломничество с «искуплением грехов»¹¹¹. Как бы там ни было, факты остаются фактами: *perigrinatio* (паломничество) вскоре обвинили в том, что оно «не столько является средством исправления, сколько провоцирует скандалы»¹¹². Такие судебные решения стали выноситься все реже, и к XIV–XV векам подобная практика исчезает, на смену паломничеству приходят самобичевание и телесные наказания. Однако существование паломничества, несмотря на то что время его прошло, остается не менее заметным, и главное ощущение, которое оно оставляет, – это усталость и изнеможение путников, совершающих эти средневековые путешествия.

¹⁰⁷ См.: Lambert B. Les pratiques de la pénitence dans l'Eglise d'Occident // Garrigues et sentiers. 11 octobre 2010.

¹⁰⁸ См.: Verdon J. Voyager au Moyen Âge. Paris: Perrin, 2003. P. 260.

¹⁰⁹ Ibid. P. 260–261.

¹¹⁰ Derode V. Op. cit.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Vogel C. Op. cit. P. 121.

Труд во искупление

Тяжелый физический труд также может быть «тенденциозен», причем цель у этой тенденциозности специфически религиозная. Об этом – нравоучительные рассказы, тем более что праздность в Средние века очень беспокоила монастырский мир, считалась «врагом души»¹¹³, признаком скуки, «вины», отсутствия рвения¹¹⁴. На первом месте должны быть готовность к жертве и полнейшая самоотдача; так поступают девушки, работающие в больницах: они «ревностно помогают страждущим и нуждающимся беднякам»¹¹⁵, или святая Дуселина, основавшая в XIII веке в Марселе женский монастырь. Монахини «изнуряли себя»¹¹⁶, чтобы лучше служить своим подопечным; так же поступал святой Юлиан, вместе с женой создавший странноприимный дом «для бедняков»¹¹⁷. Это огромный кропотливый труд, последствия которого плохо описаны, масштабы которого превалируют над результатами; главное в этом труде – не разнообразие действий, а их нескончаемость. Неизбежное изнурение связывается с непременным требованием: никогда ни на минуту не забывать о жертвенности, поддерживать полнейшую самоотдачу. В распорядке парижской городской больницы ставились бесконечные задачи: стирка и застилание постелей, отопление и сушка белья, уборка и мытье пациентов, текущий уход – и уход последний; все это «мучительно»¹¹⁸, потому что «непрерывно», «изо дня в день, из ночи в ночь»¹¹⁹. К тому же вся эта работа неявным образом уподоблялась стигматам, наносимым себе самому, епитимьям, намеренно наносимым себе ранам, что было очень распространено в Средние века. Святая Дуселина, чтобы иметь больше возможностей молиться, разработала специальное устройство: натянула веревку над кроватью, а конец этой веревки наматывала себе на талию. «Как только она шевелилась, веревка натягивалась и безжалостно будила ее»¹²⁰. Святой Иероним, отшельник-пустынник, помогавший сбившимся с пути путешественникам¹²¹, наносил себе удары, чтобы любой ценой избежать сна: «если меня одолевает сон, я бьюсь об землю своими голыми костями, которым трудно держаться вместе»¹²².

От навязанных страданий к созерцанию

Если проследить за действиями святой Дуселины, становится очевидным, что конечная цель – не столько труд, сколько созерцание, не столько земное, сколько небесное. Крайняя степень страданий как будто способствует ее достижению. Дуселина с течением времени оставляет

¹¹³ Wenzel S. The Sin of Sloth: Acedia in Medieval Thought and Literature. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1967. P. 36.

¹¹⁴ См.: Rabinbach A. Le Moteur humain: l'énergie, la fatigue et les origines de la modernité (1992) / trad. par Michel Luxembourg. Paris: La Fabrique, 2004. P. 58. См. также: Lorient M. Le Temps de la fatigue: la gestion sociale du mal-être au travail. Paris: Anthropos, 2000; Les moines et l'acédie: naissance de l'individu. P. 22.

¹¹⁵ Henry J. Livre de vie active de l'Hôtel-Dieu de Paris / éd. par M. Candille // Archives de France. 1964. P. 29.

¹¹⁶ Vie de sainte Douceline // Voix de femmes au Moyen Âge: savoir, mystique, poésie, amour, sorcellerie. XIIe – XVe siècle / éd. par D. Régnier-Bohler. Paris: Robert Laffont, 2006. P. 301, 315, 317.

¹¹⁷ См.: Voragine J. de. Saint Julien // La Légende dorée / éd. par A. Boureau. Paris: Gallimard, 2004. P. 174.

¹¹⁸ Henry J. Op. cit. P. 34.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Vie de sainte Douceline. P. 302.

¹²¹ См.: Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval. Paris: Arthaud, 1964. P. 118. Ces ermites «mal connus, foisonnant par toute la chrétienté, défricheurs, tapis dans les forêts où ils sont assaillis de visiteurs, placés aux bons endroits pour aider les voyageurs à trouver leur chemin, à franchir un gué ou un pont, modèles non corrompus par la politique du clergé organisé». Жак Ле Гофф об отшельниках, «мало кому известных, но которых много во всем христианском мире, живущих в неосвоенных местах, прячущихся к лесам, где их обуревают посетители, помогающих путешественникам найти дорогу, мост или брод, не испорченных политикой официального духовенства».

¹²² Voragine J. de. Saint Jérôme // La Légende dorée. P. 813.

тяжелые работы, находит «уединенные места»¹²³, обустривает «тайную часовню», предается «высшему экстазу», «на протяжении целого дня испытывает восторг»¹²⁴, вплоть до левитации. Исступление преображает ее, привлекает к ней посетителей и верующих, усиливает «набожность», оправдывая «великую традицию» средневековой Церкви: «превосходство созерцательной жизни над жизнью активной»¹²⁵. На примере цистерцианцев и Бернара Клервоского¹²⁶ мы видим сложную иерархию: нельзя преуменьшать значение монашеской мистики, соединяющей «молитвы и ручной труд»¹²⁷. Нельзя забывать о физическом изнурении, обозначающем «греховную природу человека»¹²⁸, но это лишь один из этапов. Верх в данном случае берет созерцание, медитация. Именно это иллюстрирует путь святой Дуселины, подтверждающий уверенность ее современника Петра Иоанна Оливи, лангедокского мистика: «Цель активной жизни – подготовка к медитации»¹²⁹. Подобная искупительная усталость могла быть, таким образом, «фазой», подготовительным актом перед другим – главным – миром. Нам открывается новая усталость – когда человека охватывает экстаз, он «отрывается» от себя, и культура времени, за неимением адекватных ментальных механизмов, воскрешает в памяти его физические, а не духовные черты. Должно проявляться внутреннее изнеможение. Если невозможно описать его психологически, то можно постичь: неслыханное утомление великих мистиков – вещь «явная». Святая Дуселина «отдавала себя Богу с таким жаром, что ее тело изнемогало от этого духовного пыла, от которого она таяла»¹³⁰.

То же самое находим у Вильгельма Тирского, историка крестовых походов XII века, который обнаруживает у нового короля Иерусалима Бодуэна II стойкое духовное рвение и бесконечные молитвы: «Он молился без усталости, и его руки и колени были покрыты мозолями, потому что он постоянно стоял на коленях и налагал на себя прочие епитимьи»¹³¹. Так описывали физическое состояние и насилие над телом, действия и их результат, тогда как речь шла в большей мере о внутреннем усилии и напряжении духа. Как бы там ни было, остается это искупительное изнурение, высоко ценившееся в средневековом мире. Оно навязывало телу самые разнообразные страдания, среди которых бесконечные паломничества, непрерывная работа монахов и монахинь, мучительная самоотдача мистиков. Неопределенный спектр усталости – как навязчивый и такой долгожданный признак искупления.

¹²³ Vie de sainte Douceline. P. 319.

¹²⁴ Ibid. P. 322–323.

¹²⁵ Putallaz F.-X. Thomas d'Aquin, Pierre Olivi, figures enseignantes de la vie contemplative // Vie active et vie contemplative au Moyen Âge et au seuil de la Renaissance / dir. par C. Trottmann. Rome: École française de Rome, 2009. P. 372.

¹²⁶ Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval. P. 118.

¹²⁷ См.: Vie active et vie contemplative au Moyen Âge.

¹²⁸ Vial M. La vie mixte, selon Jean Gerson // Op. cit. P. 392.

¹²⁹ Putallaz F.-X. Op. cit. P. 372.

¹³⁰ Vie de sainte Douceline. P. 324.

¹³¹ Guillaume de Tyr. Chronique // Croisades et pèlerinages. P. 556.

ГЛАВА 5. ПОВСЕДНЕВНЫЙ ТРУД: ОТНОСИТЕЛЬНОЕ «ЗАТИШЬЕ»?

Наконец, мы не можем игнорировать повседневный труд – четвертое «приложение» усталости в Средние века, после войны, путешествий и «искупления» грехов. Нет ничего менее явного и случайного. Усталость труженика не имеет ценности, в отличие от усталости путешественников, воинов или «святых», которым всегда воздается должное и чья усталость не остается незамеченной. Ежедневные действия работников не заслуживают внимания, они почти «забыты» в своей назойливости, унылые усилия потрачены впустую. Эти усилия – судьба неизвестных людей, находящихся во мраке, на обочине жизни и очень далеких от какого бы то ни было величия или искупления.

«Тривиальность» деревенского труда

Подобное несуществование отправляет прежде всего в самые отдаленные времена, к статусу крепостного крестьянина X–XI веков, существа, «смирненно платящего оброк и отрабатывающего барщину», связанного «по рукам и ногам»¹³², перед которым стоят бесконечные задачи. Его зависимое положение множит эти задачи: его могут заставить делать «все что угодно». Его жизнь и легитимность зависят от «отсутствия границ запрашиваемых услуг... что ясно характеризует его положение как объекта»¹³³, что не дает возможности обращать внимания на усталость. С тех пор повторяется одна и та же картина: «Крепостным – все лишения, вся боль и все беды»¹³⁴. И безразличие: крайняя степень изнурения крестьян в расчет не принимается. Бертран де Борн в «Сирвенте» (XII век) даже оправдывает жестокость по отношению к ним: «Никогда не следует жалеть простолюдина, если он поранил руку или ногу или если он в чем-то нуждается»¹³⁵. При этом нам нужно учитывать целиком условия жизни труженика, которому суждено быть бессильным перед законом, безжалостным законом, пришедшим свыше, само существование которого возводит усталость в ранг обязанности, не заслуживающей реального интереса.

В XII–XIII веках происходят, однако, некоторые изменения, не означающие, впрочем, что на усталость начинают обращать внимание и говорить о ней; разве что косвенно. В первую очередь благодаря самым эрудированным людям эпохи развивается техническая мысль. Появление водяных мельниц, распределительного вала, преобразующего круговые движения в возвратно-поступательные, механического измельчения иковки позволяет сравнивать старый образ действия с новым, появляется возможность «освободиться от принуждения». Вот что писали в XIII веке монахи, работавшие в мастерских Клерво:

Река... поочередно поднимает и опускает тяжелые опоры, кувалды или, лучше сказать, деревянные ноги... и таким образом избавляет братьев от большой усталости. <...> Сколько лошадей могло быть загнано, сколько людей испытало бы смертельную усталость, делая работу, которую делает для нас

¹³² Fourquin G. Le temps de la croissance // Histoire de la France rurale / dir. par G. Duby, A. Wallon. Paris: Seuil, 1975. T. I. P. 545.

¹³³ Duby G. Guerriers et paysans // Féodalités. Paris: Gallimard, 1996. P. 31, 34.

¹³⁴ Mayaud S. P. Le Servage dans la Marche. Paris, 1878. P. 6.

¹³⁵ См.: Bessmermy Y. Le paysan vu par le seigneur. La France des XIe et XIIe siècles // Campagnes médiévales: l'homme et son espace. Mélanges offerts à Robert Fossier / dir. par É. Mornet. Paris: Publications de la Sorbonne, 1995. P. 609.

милая река, которой мы обязаны и своей одеждой, и пищей. Усилия реки сочетаются с нашими¹³⁶.

Другой пример – распространенность слова «инструмент» в Средние века. Инструменты и механизмы должны были «перехитрить» силу, прийти на помощь человеку, заменить его. В «Романе о Роллоне» говорится: «Инструменты помогают мастеру»¹³⁷. Возникает новая категория акторов: «Наряду с ремесленниками, „людьми орудий“, появляются вместе со своими изобретениями „люди инструментов“»¹³⁸. Машины те, безусловно, были весьма скромными, и человеческая рука оставалась очень активной, даже «давящей», но ощущение, что усталость преодолена и появился новый мир, дает возможность вспомнить, какими они были.

Отношение к сельским жителям, впрочем, изменилось, когда закончилось крепостное право, в XII–XIII веках. Экономический подъем позволил множеству крепостных выкупить свободу, и «бесконечная» работа трансформировалась в «ограниченную». Существование поденщиков, бригад, подражающих на работы, повышает эффективность труда; развивается торговля сельскохозяйственной продукцией: «В 1250–1260-х годах люди интересовались производительностью труда, техникой»¹³⁹. Складывалось разделение труда, зарождалось «управление»¹⁴⁰ работами, начислялась заработная плата. Изнурительные работы еще упоминаются, но косвенным образом. Конечно, труд не оценивался по достоинству, разве что предпринимались попытки избежать усталости работников при составлении порядка работы. Труд оценивался интуитивно, в зависимости от предполагаемой эффективности, и, конечно, недостаточно: внимание обращали на качество выполненной работы. Пьетро де Крещенци в XIII веке предлагал при найме работника в первую очередь спрашивать у него о работах, «которые он уже выполнял», и о том, «что он делает охотнее всего и что вызывает у него наименьшую усталость»¹⁴¹. Цель этого – гармонизировать активность, сократить простои, с большей эффективностью использовать «ограниченное рабочее время»¹⁴². Ту же цель преследует другой опрос, придерживающийся критериев пространства и времени: «следует посмотреть, сколько каждый работник может посеять на единицу площади»¹⁴³. Таким образом, впервые появляется понятие порога усталости, перейдя который человек не может продолжать выполнять поставленную задачу. Один и тот же вопрос ставился по поводу усталости как работника, так и его лошади – совмещались продолжительность работы и пройденное расстояние:

Следует узнать, сколько требуется плугов и сколько лье (какое расстояние) в день могут пройти лошади и быки. Один плуг не может вспахать более девяти акров¹⁴⁴.

Наконец, те же вопросы касаются оценки земли, требующей обработки, и относительной эффективности лошадей, которые считаются более подходящими для «каменистой почвы», нежели быки (но платить за работу с использованием лошади приходится больше)¹⁴⁵. Опрос носит практический, эмпирический характер и проводится для примерного определения коли-

¹³⁶ Анонимный автор XIII века. См.: *Dimier A.* Les Moines bâtisseurs. Paris: Fayard, 1964. P. 177.

¹³⁷ Роман о Роллоне, 3-я часть. Цит. по: *Verin H.* La Gloire des ingénieurs: l'intelligence technique du XVIe au XVIIIe siècle. Paris: Albin Michel, 1993. P. 25.

¹³⁸ *Moscovici S.* Essai sur l'histoire humaine de la nature. Paris: Flammarion, 1968. P. 212.

¹³⁹ *Fossier R.* Le temps de la faim // Les Malheurs du temps: histoire des fléaux et des calamités en France / dir. par J. Delumeau, Y. Lequin. Paris: Larousse, 1987. P. 143.

¹⁴⁰ *Fossier R., Neveux H.* La fin d'une embellie // Les Malheurs du temps. P. 167.

¹⁴¹ *Pietro de' Crescenzi.* Trattato della agricultura. Milan, 1805. P. 50.

¹⁴² *Ibid.* P. 53.

¹⁴³ *Traité inédit d'économie rurale composé en Angleterre au XIIIe siècle, publié avec un glossaire par Louis Lacour.* Paris, 1856. P. 16.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 11.

¹⁴⁵ *Ibid.*

чества рабочих дней, работников, которых предстоит нанять, вида тягловых животных, их стоимости. Ответы, повторим, приблизительные, расчеты сомнительные:

И надо вам знать, что пятеро мужчин за день могут скосить и связать в снопы пшеницу на пяти акрах, кто-то из них больше, кто-то меньше. И там, где каждый берет по два денье в день, вы должны давать за акр пять денье. И там, где четверо берут каждый по одному денье, а пятый, который связывает снопы, два денье, вы должны платить по четыре денье за акр¹⁴⁶.

Здесь же говорится о назначенном жалованье: «Если они перевыполнили план, вы не должны платить им больше установленной суммы»¹⁴⁷, причем даже в том случае, если предполагается различная оплата в зависимости от затрачиваемых «усилий»: например, «гонорар» вязальщика, который должен собирать, сжимать и связывать снопы, составляет два денье, а того, кто просто скашивает пшеницу, – один денье¹⁴⁸. А вот как обстояли дела на ферме Карвиль в 1308 году: такая работа, как вспахивание плугом, вместе с манипуляциями лемехом и управлением повозкой стоила дороже, нежели боронение и дальнейшая очистка поверхности¹⁴⁹. Наблюдалась некоторая тенденция к иерархизации «труда» и его оплаты.

В отношении к «подлому люду» ничего не меняется. Усталость бедного человека порой становится предметом осмеяния. В фавлю XII века рассказывается об одном крестьянине из Байёля, вернувшемся домой после работы в поле. Его усталость служит для жены поводом отправить его спать, а затем пойти к любовнику. Конечно, герой изнурен работой и недооценен, но выставляют его идиотом и «противным дураком»¹⁵⁰.

Надо сказать и о том, как изображалась усталость, каковы были ее признаки, как двигался утомленный человек. Это проявлялось в том, как работник манипулировал орудиями труда, в его молчаливой позе. Например, заступ и мотыга были исключительно мужскими инструментами и использовались при молотье и веянии зерна; эти занятия не терпели женской «слабости» – «женскими» орудиями труда считались серп и грабли¹⁵¹. Здесь мы видим первые попытки оценивать и различать мужскую и женскую усталость. Требуемое усилие должно демонстрироваться: иногда усталость выражается через изогнутые тела, размах движений, как на выполненных в конце XIII века иллюстрациях к манускрипту «Рантье из Ауденарде» (XII век). Многочисленные крестьяне на этих иллюстрациях, согнувшись почти до земли, напрягая руки и ноги, обрабатывают мотыгами землю¹⁵². То же самое видим в Псалтыре Людовика Святого¹⁵³ – на картинках изображены люди, согбенные до земли, затаскивающие мешки с зерном в амбары¹⁵⁴. Здесь мы видим желание изобразительными средствами передать жесты, характерные для усталости и прилагаемых усилий, но при этом отсутствуют какие-либо комментарии, оценки и пояснения.

Наконец, надо упомянуть работы, которые оплачивались сдельно, а не повременно. В данном случае нет никакой возможности оценить степень усталости работников. В XIV веке архиепископ Руанский назначает своим виноградарям жалованье за всю работу, выполненную

¹⁴⁶ Ibid. Цит. по: *Duby G. L'Économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval*. Paris: Aubier; Flammarion, 1977. Т. I. P. 312.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ См.: *Delisle L. Études sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie*. Paris: Honoré Champion, 1903. P. 623.

¹⁵⁰ См.: *Lorcin M.-T., Alexandre-Bidon D. Le Quotidien du temps des fabliaux*. Paris: Picard, 2003. P. 173.

¹⁵¹ См.: *Mane P. Travail à la campagne au Moyen Âge*. Paris: Picard, 2006.

¹⁵² Vieil Rentier d'Audenarde. Bruxelles: Bibliothèque royale, ms. 1175, f°156 v.

¹⁵³ Псалтырь Людовика Святого – иллюстрированный псалтырь, хранящийся в часовне Сент-Шапель в Париже. Согласно преданию, книга принадлежала Людовику IX Святому.

¹⁵⁴ Psautier de Saint Louis. Paris: Bibliothèque nationale de France, ms. latin 10525, f°23 v.

в течение сезона, а не за каждый день. Некий Тома ле Кошуа получил четыре ливра шестнадцать су за то, что «копал, подрезал лозы, выносил мусор, и выполнял эти работы на протяжении всего сезона на винограднике площадью в пол-арпана¹⁵⁵»¹⁵⁶, а Робьен Корнильбу получил сорок восемь су «за обработку участка вышеназванного виноградника»¹⁵⁷.

Плата рассчитывается здесь за весь комплекс работ, без учета времени, потребовавшегося для оказания услуг, или затраченных усилий, несмотря на подробное перечисление поставленных задач. Так было в случае двух работников, неких Жана де Валансьена и Жокара, которые в начале XIV века в области Крессоньер «убирали пшеницу и обустроивали изгородь. <...> Сторож следил за полями и жатвой»¹⁵⁸. Таким образом, интенсивность труда было «сложно измерить»¹⁵⁹, и, надо сказать, она не признавалась заслуживающей внимания.

Профессии и возникновение понятия «длительность рабочего дня»

Вопросы организации труда и физических затрат возникали в основном в городах, и на этой почве даже случались конфликты. Развитие городов началось в XII–XIII веках и было связано с прекращением нашествий варваров, с интенсификацией товарообмена и с освоением крепостных. Складываются профессии, городские кварталы различаются по тому, чем занимаются жители, деятельность диверсифицируется: «Сонные деревни превращаются в оживленные рынки»¹⁶⁰. Устанавливаются и распространяются определенные правила жизни.

Поначалу нормируется длительность рабочего дня и, скрытым образом, усталость, которую вызывает работа. Главный критерий – длительность светового дня. Это зафиксировано в «Книге профессий», появившейся в 1268 году: «Вышеназванные работники должны приходить ежедневно по будням на рассвете и работать до сумерек, которые длятся до заката»¹⁶¹. Таким образом, длительность рабочего дня устанавливалась одинаковой для всех – он начинался с рассветом и длился, пока не начнет темнеть. Конечно, существовали нюансы – в некоторых профессиях рабочий день короче: например, «изготовители приводных ремней имеют право отдыхать в сумерки»¹⁶², так же как и «производители ремней» могут не работать по ночам, потому что «дни длинные, а работа очень тяжелая»¹⁶³. В то же время работа в ночное время существовала в некоторых профессиях, связанных с обработкой и переработкой продукции, например красильщикам разрешалось «работать по ночам»¹⁶⁴; производители масла также могли «работать днем и ночью, если это казалось им правильным»¹⁶⁵.

¹⁵⁵ Арпан – старинная французская мера площади, около 3500 квадратных метров.

¹⁵⁶ Delisle L. Op. cit. P. 454.

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ Sivery G. Structures agraires et vie rurale dans le Hainaut à la fin du Moyen Âge. Lille: Presses universitaires de Lille, 1977. T. I. P. 397.

¹⁵⁹ Fossier R. Paysans d'Occident, XIe–XIVe siècle. Paris: PUF, 1984. P. 115.

¹⁶⁰ Landes D. S. L'Heure qu'il est: les horloges, la mesure du temps et la formation du monde moderne (1983) / trad. par Pierre-Emmanuel Dauzat, Louis Evrard. Paris: Gallimard, 1987. P. 114.

¹⁶¹ Boileau É. Règlements sur les arts et métiers de Paris // Depping G.-B. Le Livre des métiers d'Étienne Boileau. Paris, 1837. P. 399.

¹⁶² Ibid. P. 63.

¹⁶³ Baudraiers, faiseurs de courroies // Boileau É. Le Livre des métiers / éd par. R. de Lespinasse, F. Bonnardot. Paris: Jean-Cyrille Godefroy, 2005. P. 181.

¹⁶⁴ Depping G.-B. Op. cit. P. 112.

¹⁶⁵ Ibid. P. 130.

Конфликты в связи с продолжительностью рабочего дня

Подобная нечеткость в определении не осталась без результата. Возникает напряжение, хозяева предприятий, особенно накануне Черной смерти – эпидемии чумы 1348 года, в период избытка рабочей силы, продлевали «рабочий день»¹⁶⁶. Это вызвало сопротивление, возникли конфликты по поводу продолжительности рабочего дня; усталость становится неявным алиби, пограничной точкой между тем, что можно терпеть, и тем, что терпеть нельзя. Работники парижских кожевенных предприятий в 1277 году жаловались, что «хозяева очень сильно задерживали их на работе после наступления темноты»¹⁶⁷. Комиссар парижской полиции установил продолжительность рабочего дня: «Работа должна продолжаться до обедни, а во второй половине дня – до захода солнца»¹⁶⁸. Похожая ситуация сложилась в 1346 году в Санлисе: двадцать восемь работников кожевенного предприятия воспротивились намерению четырех хозяев продлить рабочий день до повечерия; «Бальи»¹⁶⁹ постановил, что они будут работать до последнего удара колокола, собирающего на вечернюю службу, то есть до повечерия»¹⁷⁰. Конечно, об усталости здесь не говорится напрямую, но мысль о ней присутствует в жалобе и реакции работников, она принимается во внимание и пусть неявно, но требует компенсации.

Великая чума, пришедшая в 1348 году, вызвала новые изменения. Количество рабочих рук сократилось, и, следовательно, они стали цениться выше; требования работников возросли. Они проявляли дилетантизм и расслаблялись на работе; такое положение вещей оспаривалось хозяевами, но нравилось самим работникам. Вот что по этому поводу писал комиссар парижской полиции в 1395 году:

Как мне стало известно, представителям многих профессий, проживающим в Париже – например, ткачам, сукновалам, мостильщикам дорог, каменщикам, плотникам и прочим, – пришлось по вкусу приходить на работу и уходить с нее когда заблагорассудится, и при этом они требуют, чтобы им платили так, как если бы они работали целый день. Это предосудительно и вызывает жалобы и нарекания со стороны хозяев предприятий, потому что наносит вред не только им, но и общественному благополучию.

Отныне все представители вышеназванных профессий будут работать от зари до зари и делать перерыв на обед в разумно установленное время¹⁷¹.

Начались многочисленные трудности и напряжения, в каждом месте свои, в том числе споры внутри профессий. В 1390 году в Бовэ ткачи стали оспаривать у шерстяников их более позднее начало рабочего дня – якобы их собственный труд был более утомителен. Проблема нарастает: из-за усталости, вызываемой конкретными профессиональными задачами и особенностями их выполнения, возникают конфликты. Парламент выступил на стороне ткачей и установил одинаковую для всех продолжительность рабочего дня¹⁷².

В результате проблем, меняющихся в зависимости от конкретной экономической или демографической ситуации, в середине XII века во многих европейских городах возникло

¹⁶⁶ Roch J.-L. Les Métiers au Moyen Âge. Paris: Jean-Paul Gisserot, 2014. P. 113.

¹⁶⁷ Roch J.-L. Un autre monde du travail: la draperie en Normandie au Moyen Âge. Rouen: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2013. P. 154.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Бальи (*фр.* bailli) – королевский чиновник, выполнявший административные и судебные функции.

¹⁷⁰ Ibid. P. 156.

¹⁷¹ См.: Hauser H. Ouvriers du temps passé, XVe–XVIe siècle. Paris, 1927. P. 78.

¹⁷² Dohrn-van Rossum G. L' Histoire de l'heure: l'horlogerie et l'organisation moderne du temps / trad. par Olivier Mannoni. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 1997. P. 315.

такое явление, как колокол, подающий сигнал к началу работы: *campana laboris* на севере Италии, *cloque des métiers* в Дуэ, *weverscloke* в Брюгге, *campana pro operarii* в Виндзоре¹⁷³. Мало-помалу рабочее время перестает зависеть от прежних «природных» факторов или звона церковных колоколов. У него появляется своя специфика. Это несколько снижает напряжение, хотя и не удаляет его полностью, как показывают события в Провене, имевшие место в 1282 году. Рабочие-текстильщики восстали против решения мэра бить в колокол в знак окончания рабочего дня: «Мэр был убит, колокол разбили»¹⁷⁴. Для восстановления спокойствия в этом районе потребовалась амнистия, объявленная Эдуардом I, королем Англии и графом Шампани, а в Туруане городскому начальству пришлось в 1367 году пообещать «сукновалам и прочим людям, работающим на станках» «навсегда отказаться от ударов в колокол, означающих конец рабочего дня, дабы колокольный звон не вызывал в городе и церкви суматохи и распри»¹⁷⁵. Время и усталость каким-то образом связаны между собой, но об этом пока не говорится открыто.

Надо сказать и о том, что по мере того, как складывались профессии, для урегулирования перерывов и пауз в работе в течение дня существовали свои приемы, которые призваны были ограничить возможные конфликты. Первоначально, согласно королевскому распоряжению от 1369 года и просьбам буржуазии из Труа, игнорировались требования компаньонов-ткачей о трех перерывах – на завтрак, обед и полдник. В тексте документа утверждалось, что следует «работать весь день не переставая, как это делают каменщики, плотники, кровельщики, виноградари и другие рабочие, в каком бы состоянии они ни находились»¹⁷⁶. Ясность в этом вопросе стала появляться в начале XIV века. Городские чиновники Турне в 1302 году постановили звонить в колокол, «один сигнал давался для перерыва на обед, другой – для возобновления работы»¹⁷⁷; магистрат Амьена в 1335 году счел ненадежным существующий порядок и добился от короля разрешения звонить в колокол «четыре раза в день – утром, вечером, перед перерывом на обед и после него»¹⁷⁸.

Таким образом, рабочее время дробилось, работа чередовалась с отдыхом, устанавливалась предельная длительность рабочего дня. Нарушение порядка влекло за собой последствия – за опоздания рабочих наказывали: например, в итальянском городе Пистоя в 1356 году чернорабочий Капеччо был оштрафован на два су, потому что «*stette troppo a tornare da merende*»¹⁷⁹ (слишком поздно вернулся с обеда). Рабочее время постепенно отмеряется. Паузы понемногу становятся нормой, как и жесткое наблюдение за рабочими.

Часы на городских башнях

С изобретением в XV веке механических часов рабочее время начинает отмеряться все более точно. Раньше оно варьировалось в зависимости от времени года, а теперь стало неизменным. Теперь ориентируются не по природным явлениям, а по часам, рабочее время фиксируется. Возникает общий для всех критерий длительности рабочего дня, что хотя бы частично устраняет разногласия, как это было в Бурже в 1443 году:

¹⁷³ См.: Ibid. P. 310–311.

¹⁷⁴ Ibid. P. 310.

¹⁷⁵ Landes D. S. Op. cit. P. 117.

¹⁷⁶ См.: Maitte C., Terrier D. Conflits et resistances autour du temps de travail avant l'industrialisation // Temporalités. Revue de sciences sociales et humaines. 2012. № 16. <http://temporalites.revues.org/2203>, в особенности Conflits autour des pauses (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁷⁷ Leroux L. Cloches et société médiévale: les sonneries de Tournai au Moyen Âge. Tournai: Art et Histoire, 2011. P. 82.

¹⁷⁸ Dohrn-van Rossum G. Op. cit. P. 332.

¹⁷⁹ Pinto G. La rémunération des salariés du bâtiment (XIIIe–XVe siècle): les critères d'évaluation // Rémunérer le travail au Moyen Âge / dir. par P. Beck, P. Bernardi, L. Feller. Paris: Picard, 2014. P. 320.

В зимнее время нанятые ткачи и сукновалы должны приходить на работу на рассвете, а летом – между четырьмя и пятью часами утра; у них будет только три часа, когда они смогут завтракать, обедать, полдничать, пить и спать; им нельзя будет куда-либо отлучаться. Они будут получать сколько заработают, и те, кого вечером недосчитаются за столом, потеряют свой дневной заработок¹⁸⁰.

Таким образом, в средневековом мире ограничивается продолжительность рабочего дня, в течение времени вносится определенный ритм, выделяются часы на труд и на отдых. Усталость рабочего человека, судя по описаниям, не имеет ничего общего с изнеможением воина, утомлением измученного путника, она никого особенно не волнует. Оценить ее можно с функциональной точки зрения, интуитивно, как само собой разумеющееся. Тем не менее усталость рабочего человека регламентируется и кодифицируется, из-за нее возникают конфликты. Тяготы труда «мобилизуют» работников, пусть иногда неявным образом¹⁸¹. О ней пока не говорят вслух, но те, кто ее испытывает, стремятся ее ограничить.

Появление новых профессий

Последняя различительная характеристика – новые профессии, их тяжесть. В сельском хозяйстве, как мы видели, существовала профессия сноповязальщика, которому полагалось собирать колоски в снопы, сжимать и связывать их, – за это платили две денье, и простого косильщика, затрачивавшего меньше усилий, – за это платили полтора денье¹⁸². Профессии в зависимости от тяжести труда иерархизировались и в городах, здесь заработки также дифференцировались в зависимости от затрачиваемых усилий – критерия неясного и почти никак не интерпретируемого. Анализ множества работ, выполнявшихся в городах, приводит к аналогичному выводу: «Заработок зависел от прилагаемых усилий»¹⁸³. Учитывались такие факторы, как тяжесть манипуляций, сопротивление материалов, тип активности. Тому, кто пилил бревна на строительстве Миланского собора в конце XIV века, платили семь-восемь су, каменотесу – девять-десять су¹⁸⁴. Дневной заработок того, кто собирал сено в стога в окрестностях Орлеана в середине XV века, составлял десятую часть турнуа¹⁸⁵, тогда как дровосек, «пиливший древесину дуба», получал половину турнуа¹⁸⁶. Все зависит от предполагаемой «сопротивляемости» предмета труда, от представлений о требуемых усилиях работника и образе его действий.

Так, уже упоминавшийся Капеччо, нанятый в 1356 году на строительство баптистерия в Пистое, получал «шесть су в день, когда убирал мусор и обломки камней», и восемь су – «когда обтесывал мраморные глыбы»¹⁸⁷. Мы видим, что работа с камнем оценивалась дороже всех прочих работ. Мимоходом отметим, что это обесценивало труд женщин, которым на строительстве в Милане в XIV веке платили менее двух су, тогда как «базовый работник» – *laborator* – получал три су¹⁸⁸. Мы видим здесь лишь предварительную оценку, делавшуюся работодате-

¹⁸⁰ См.: Arnoux M. Relation salariale et temps de travail // Le Moyen Âge, revue d'histoire et de philologie. 2009. Vol. 115. № 3–4. P. 574.

¹⁸¹ Ibid. P. 576.

¹⁸² См. выше, с. 49–50.

¹⁸³ Pinto G. Op. cit. P. 316.

¹⁸⁴ Ibid. P. 317.

¹⁸⁵ Турнуа, или турецкий ливр, – одна из основных валют Франции в период с 1230 по 1795 год. Составлял двадцать су. Таким образом, сбор сена в стога оценивался в два су в день.

¹⁸⁶ См.: Mantellier P. Mémoire sur la valeur des principales denrées et marchandises qui se vendaient et se consommaient en la ville d'Orléans // Mémoires de la société archéologique de l'Orléanais. T. V. 1862. P. 440.

¹⁸⁷ Pinto G. Op. cit. P. 316.

¹⁸⁸ Braunstein P. Travail et entreprise au Moyen Âge. Bruxelles: de Boeck, 2003. P. 412.

лем; усилия, которые потребуются для выполнения работ, только предполагаются, а не определяются точно.

ГЛАВА 6. ОТ СКРЫТЫХ СИЛ К ВЕТРУ ПЕРЕМЕН

Нельзя не сказать о всевозможных видах защиты и приемах для облегчения работы или для уменьшения ее вреда для работников, специфических стратегиях как приметах времени. Делались попытки сдержать усталость или уничтожить ее последствия. С ней борются, изобретают меры предосторожности. Эти важнейшие приемы порой считаются очевидными, существовавшими всегда, а усталость, о которой идет речь, подробно не рассматривается.

Перед тем как отправляться в путь

Конечно, врачи давали множество советов, однако ничто не доказывает, что им следовали. В первую очередь в их текстах упоминались рекомендации, связанные с ходьбой или встречей с далеким и неизведанным, из чего становится понятно, с какими трудностями сталкивались средневековые путешественники. Советы Альдобрандино Сиенского, написанные в XIII веке на местном наречии, адресованы в первую очередь тем, кто собирается «в дальний путь»¹⁸⁹: существует даже целая глава «Как обращаться со своим телом» (*Régime du corps*). Его многочисленные «рецепты» на первый взгляд просты, он пишет о телесных жидкостях, что совершенно не удивительно: перед тем как отправляться в путь, следует очистить кишечник или пустить себе кровь, чтобы оздоровить организм; есть легкие виды мяса, пить воду – чистую или же настоящую на луке, кислых яблоках или с добавлением уксуса, что, по мнению автора, должно очистить телесные жидкости; не есть фруктов со слишком «влажной» мякотью, которые своей кислотой портят внутренние органы, а также избегать в пути разговоров – это мешает дыханию; голову следует прикрывать от солнца, лицо смазывать какой-нибудь жирной мазью, чтобы предохранить его от жары или холода, во рту носить кристаллик соды, чтобы не было жажды. Во всех этих разнообразных мерах сквозит забота о телесных жидкостях, вплоть до сохранения слюны, призванной отсрочить обезвоживание.

Восстановление сил

В то же время дается мало советов о том, что делать после боя: здесь врачи не очень настойчивы. Их «регулирующие» требования слишком далеки от битв и потрясений. Чтобы понять, какие приемы применялись военными, надо изучать исторические хроники и маршруты их странствий, хвалебные повествования и легенды. Свидетельства основаны на том, что было *после* боя. Главным по-прежнему остаются жидкости: их потребление – залог восстановления организма. В литературе описаны сцены, как жены или слуги дают участникам Крестовых походов воду для поддержания их сил:

Засучив рукава и сняв длинные плащи, они подносили изможденным рыцарям воду в горшках, мисках и золоченых чашах. Напившись воды, бароны вновь обретали бодрость. Это была помощь, которой они так ждали¹⁹⁰.

Для восстановления сил требуются две вещи: как следует утолить жажду и очиститься. Употребление глагола «освежиться» становится повсеместным. Дюрмар Галльский, герой одноименного романа, и его товарищи «вымылись и освежились»¹⁹¹ после тяжелых боев. Участники Крестовых походов ждут, что от воды, представляющей большую ценность, у них

¹⁸⁹ Aldebrandin de Sienne. Comment on se doit garder qui cheminer veut / Le Régime du corps. P. 68–70.

¹⁹⁰ Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Chanson d'Antioche. P. 48.

¹⁹¹ Durmart le Gallois. Op. cit. P. 589.

появится второе дыхание, когда они дойдут до Иерусалима¹⁹². В XIII веке значение этого слова расширяется: «освежиться» начинает означать «передохнуть, сделать передышку». Робер де Клари упоминает это, рассказывая о походе крестоносцев на Константинополь: «После моря подошли к городу, Полису. Пришли туда и там отдохнули; провели там некоторое время, пока не восстановили силы как следует»¹⁹³. В конце XIV века, в 1388 году, Жан Фруассар, описывая воинов у моста Мовуазен, как само собой разумеющееся употребил слово «освежиться»: они сняли каски и, как следует «освежившись», вернулись в бой¹⁹⁴; Фруассар даже подчеркивает многозначность глагола, упоминая возрождение армий двух военачальников, англичанина Николаса Лэма и француза Сен-Пи, «освежившихся» с «новыми мечами»¹⁹⁵ во время выдающегося боя при Сент-Ингельберте. Вода становится метафорой, меняющей смысл, ориентирующей на «воскресение»: восстановление сил и отдых.

Талисманы и драгоценности

В полном соответствии с идеей чистоты, очищения прибегали и к другим методам укрепления сил: например, существовало убеждение, что помочь в этом способен контакт с кристаллическими веществами, которые, проникая в тело, оказывают на него благотворное влияние. Например, барон Томас Марнский во время осады Иерусалима имел при себе «драгоценный талисман, который защищал его от всех бед»¹⁹⁶. Обнаженный рыцарь, герой рассказа XII века, «носил на груди камень, придававший ему силу и стремительность»¹⁹⁷, а драгоценные камни на поясе внушали ему уверенность в том, что он «никогда не будет побежден»¹⁹⁸. Драгоценные камни, жемчуг или бриллианты, вдвое усиливают сопротивление, удаляя «загнивание, пришедшее извне» и не давая развиваться «загниванию внутреннему». К этому добавлялись разные тайные смыслы, обращение к сверхъестественному, к поддержке со стороны скрытых сил. Такова была сила, обретенная Гавейном в романе «Гибельный погост» (*L'Âtre périlleux*): он повернулся к кресту, который держала наставлявшая его юная девушка: «Обратите взор на крест, переведите дыхание, и ваша усталость полностью пройдет». Мужчина подчинился, скрывая «отвагу и смелость»¹⁹⁹. Или же отсылки к неким чарам, связанным со светом, — как, например, совет, данный той же юной девушкой, чтобы победить противника-дьявола, который, как ожидается, ослабеет, когда день начнет клониться к закату»: «Никогда не встречайтесь с ним лицом к лицу до того, как пробьет девять часов»²⁰⁰. Герой соблюдал эту заповедь, и враг оказывался в его власти.

Невозможно не упомянуть здесь о внимании, которое на протяжении долгого времени уделялось темным силам: якобы усталость возникала оттого, что колдуны наводили на человека порчу и вредили ему. Жертвы некоего «дьявольского духа» жаловались на чью-то тайную месть, на «внезапную слабость в руках и ногах», на то, что «силы покинули их», на «желание погрузиться в сон». Это все были «происки колдунов», которым следовало противопоставить другие чары и магию²⁰¹.

¹⁹² *Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Conquête de Jérusalem.* P. 97.

¹⁹³ *Clari R. de. La Conquête de Constantinople // Historiens et chroniqueurs du Moyen Âge / éd. par A. Pauphilet. Paris: Gallimard, 1952.* P. 15.

¹⁹⁴ *Froissart J. Chroniques // Historiens et chroniqueurs du Moyen Âge.* P. 511.

¹⁹⁵ *Ibid.* P. 708.

¹⁹⁶ *Richard le Pèlerin, Graindor de Douai. La Conquête de Jérusalem.* P. 263.

¹⁹⁷ *Le Chevalier nu: contes de l'Allemagne médiévale / éd. par D. Buschinger, J.-M. Pastre, W. Spiewok. Paris: Stock, 1988.* P. 103.

¹⁹⁸ *Ibid.*

¹⁹⁹ *L'Âtre périlleux.* P. 628–630.

²⁰⁰ *Ibid.* P. 633.

²⁰¹ Ссылки на эту тему присутствуют во многих средневековых текстах, в том числе см.: *Vairo L. Trois Livres de charmes,*

Повсеместно встречается и такой весьма эффективный способ использования драгоценных камней, описанный в «Трактате о камнях» Хильдегарды Бингенской (XII век): «Если кто-то изнурен жидкостями (гуморами), пусть он согреет кристалл на солнце и приложит его к больному месту: жидкость будет изгнана»²⁰²; если взять в рот сапфир, то «исчезнут ревматические боли»; изумруд, носимый на теле, исцеляет сердце и желудок; если дышать, приложив к лицу сардоникс, «можно укрепить все органы чувств»²⁰³; карбункул «придает бодрости»²⁰⁴. Это в достаточной степени «активные» вещества, способные справиться с любой слабостью, усталостью, болью, измождением и недомоганием. Как видим, различия между утомлением и болезнью стираются. Если драгоценный камень носить постоянно, он будет защищать от любой опасности, поэтому, если боль определяется не очень точно, это не так уж существенно. У драгоценных камней были более скромные «заменители», которые тоже использовались как защита: всевозможные зубы, рога, кости, которые люди победнее носили в качестве подвески под одеждой или поверх нее. Усталость была в те времена лишь одним из недостатков в числе прочих, она мало чем выделялась в ряду других телесных проблем, была мало исследована, разве что как форма непонятной слабости. Отполированные, блестящие, острые, твердые кости, зубы и рога делают образ усталости более ощутимым – в них сквозит сильнейшее стремление противостоять смерти. Эти непонятные органические вещества одновременно присутствуют «в жизни» и «вне» ее, так как над ними не властно время и ничто не может их испортить. Бывшие некогда частью живого организма, они уводят плоть из-под власти времени.

Эссенции и специи

Наконец, нельзя обойти вниманием различные вещества, которые, как было принято считать, проходят через плоть и очищают ее: речь идет, в частности, о специях. Содержащиеся в них почти летучие вещества призваны были восполнять самые неуловимые, самые текучие субстанции тела – жидкости. Все зависит от представления о теле. Воздушная субстанция специй должна была восполнять потерю «духа», материи, близкой к огню, господствующей над органами движения и чувств. Предполагалось, что содержащийся в специях «эфир», проходя через органы, поддерживает нервы и компенсирует испарения, которые вызывает усталость. Травники в своих трактатах описывают огромное количество «укрепляющих» растений и их разнообразное влияние на организм: травы лечат и успокаивают, ими пользуются для ухода за телом и для восстановления сил, они изгоняют болезни и делают жизнь комфортной. Не существует никаких указаний на то, что они облегчают работу или повседневную деятельность, но идею травников подхватили в Париже и стали рекламировать, помимо прочего, «хлеб со специями для сердца»²⁰⁵. Специи упоминаются и в романах – например, вспоминается выжатый как лимон Ожье, к которому вернулись силы после того, как он отведал мяса с перцем:

Поешь крольчатины перченой —
И станешь телом обновленный!²⁰⁶

Специи обладают двойной ценностью: они очищают и их действие подобно удару. Специи – вещь субъективная. Помимо того, что они источают эфирные пары, они как бы взрываются

sorcelages ou enchantements. P. 55–57.

²⁰² Hildegard de Bingen. Le Livre des subtilités des créatures divines: les plantes, les éléments, les pierres, les métaux. Grenoble: Jerome Millon, 1988. T. I. P. 268.

²⁰³ Ibid. P. 241.

²⁰⁴ Ibid. P. 257.

²⁰⁵ Цит. по: Husson C.-L. Histoire des pharmaciens de Lorraine. Nancy, 1882. P. 5.

²⁰⁶ Gautier L. La Chevalerie. Paris, 1884. P. 634.

во рту, вызывают дрожь во всем теле, и оно становится физически сильнее. Иначе говоря, идет игра с ощущениями, жар специй возвращает телу утраченную выносливость. Специи пронизывают тело, «оживляя» его и способствуя появлению абсолютно субъективного чувства – того, что тело стало крепче. Это оправдывает их потребление в моменты, когда требуется совершать усилия. Это также был ресурс для поста, как видно из расчетов короля Иоанна Доброго, в середине XIV века сидевшего в лондонской тюрьме: доходы королевских бакалейщиков от продажи имбиря, корицы, гвоздики, сахара и кориандра в феврале, во время поста, удваивались и даже утраивались²⁰⁷.

Обращение к этим восточным продуктам имело и сексуальную цель: считалось, что запах и острота вкуса почти всех специй разжигают сладострастие – в частности, перец «помогает расшатанным нервам», анис «является мочегонным средством и вызывает похоть»²⁰⁸, а мускатный орех «хорошо приспособлен к нашему сластолюбию»²⁰⁹. Специи используют любовники – например, «влюбленные» монахи, персонажи фаблю, перед встречей с подружкой готовящие «мясо в горшке и перченый паштет»²¹⁰, разнообразящие удовольствия. Или Йолена, которая в ожидании отъезда постылого мужа отправила своего «сердечного друга» «за перцем и кумином». Прежде чем заключить друг друга в объятия, любовники откушали этих специй²¹¹.

Социальный отбор

Большинство этих веществ, пришедших с Востока, – корица, имбирь, гвоздика или мускатный орех – были очень дороги и поэтому доступны далеко не всем. Специи – это роскошь, и они ценятся так высоко, потому что остаются редкостью. Из-за дороговизны не все могут себе их позволить. Возможности простолюдинов отличаются от ресурсов торговцев и буржуа. Фунт шафрана (489 граммов) стоил в конце XIV века шестьдесят четыре су²¹², фунт мускатного ореха – пятьдесят су²¹³; обе эти специи были дороже коровы, которую в 1396 году в графстве Бобек продавали за сорок два су²¹⁴. Что же касается цены фунта перца – двенадцать су²¹⁵, – то она была сопоставима с ценой жирного барана, которого в 1400 году в Сен-Мартен-ла-Корнель можно было купить за десять су пять денье²¹⁶.

Надо сказать, впрочем, что существовали «эквиваленты» подешевле. Были в ходу народные средства с защитными свойствами. Появились «заменители» специй. Батист Платин в XV веке называл менее дорогой, но «мощный» чеснок «специей для бедняков»²¹⁷: его следует использовать «людям, занимающимся физическим трудом»²¹⁸. Трудно оценить, как в действительности обстояли дела, – никаких документальных свидетельств не сохранилось. Трудно также оценить специфическое использование этих продуктов. В судовых журналах испанских кораблей и галер в конце XIII века не упоминалась борьба именно с усталостью, прежде всего

²⁰⁷ Journal de la dépense du roi Jean le Bon en Angleterre (1 févr. 1359 – 8 févr. 1360) // Louis Douët d'Arcq. Comptes de l'argenterie des rois de France au XIVe siècle. Paris, 1851. P. 195sq.

²⁰⁸ La Chesnaye N. de. La Nef de santé, avec gouvernail du corps humain et la condamnation des banquets. Paris, 1507, s. p.

²⁰⁹ Platine B. De l'honnête volupté. Le Platine en français. Paris, 1871. P. 176.

²¹⁰ Цит. по: Barbazan É. Fabliaux et contes des poètes français des XIIe, XIIIe, XIVe et XVe siècles. Paris, 1808. T. IV. P. 182.

²¹¹ Цит. по: Montaiglon A. de. Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1872–1890. T. V. P. 222.

²¹² Avenel G. d'. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général, depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800. Paris, 1898. T. IV. P. 500.

²¹³ Ibid. P. 503.

²¹⁴ Beaurepaire C. de. Notes et documents concernant l'état des campagnes de la Haute-Normandie dans les derniers temps du Moyen Âge. Paris, 1865. P. 353.

²¹⁵ Ibid. P. 385.

²¹⁶ Ibid. P. 386.

²¹⁷ Baptiste Platine. De l'honnête volupté. P. 181.

²¹⁸ Ibid.

«лук и чеснок давался морякам, чтобы предохранить их от воздействия морского воздуха и нечистой воды»²¹⁹. Также Альдобрандино Сиенский советовал путникам употреблять в пищу различные растения, которые, как и специи, содержат защитные вещества²²⁰.

Таким образом, в Средние века существовали разные методы борьбы с усталостью воинов и путников. Меньше известно о защите от усталости в повседневной жизни; описания усталости, вызванной тяжелым трудом, встречаются гораздо реже. Это свидетельствует о том, что одни виды деятельности ценятся больше других и поэтому за ними ведется более тщательное наблюдение.

²¹⁹ См.: *Hemardinquer J.-J.* Sur les galères de Toscane au XVIe siècle // Pour une histoire de l'alimentation. Paris: Armand Colin, «Cahiers des Annales», 1970. P. 88.

²²⁰ См. выше, с. 59–60.

Часть вторая. Новое время и выработка категорий

«Эмблемы» Чезаре Рипы, в конце XVI века комментирующего «фигуры», которые могут вдохновить художника, демонстрируют, что органические признаки усталости с наступлением Нового времени не изменились. Символ усталости – «очень худая, легко одетая женщина с открытой шеей»²²¹. Она «худая», потому что потеряла свои жидкости (гуморы), «легко одетая» – потому что ей жарко. Движения и испарения удваивают эффект: обезвоживание наступает вследствие «слишком усердно выполняемой работы или от жары»²²². В центре образа – «бегство» вещества, а также кардинал Мазарини, который, как принято считать, изнуряет народ, «высасывая из него кровь вплоть до мозга костей»²²³.

Усталость по-прежнему не изучается систематически, как ситуация глобальная, общая, охватывающая все сферы. Зато появляется любознательность. Предметы, принимаемые в расчет, становятся разнообразнее: множатся действия, множатся проявления. Придумываются выражения, появляются разнообразные «расходы» – на войну, на город, на королевский двор, на управление, на путешествия, на игру... Мир Нового времени усложняется, разнообразию деятельности уделяется больше внимания – и области усталости диверсифицируются. Поле усталости расширяется и вместе с тем фрагментируется.

²²¹ Ripa C. Iconologie, ou Explication nouvelle de plusieurs images, emblèmes et autres figures hiéroglyphiques des vertus, des vices, des arts, des sciences... et des passions humaines. Paris: 1698. T. I. P. 123.

²²² Ibid.

²²³ Lettre d'un religieux envoyée au prince de Condé. 18 janvier 1649 // Choix de mazarinades publié pour la Société de l'histoire de France par C. Moreau. Paris, 1853. T. I. P. 94.

ГЛАВА 7. ИЗОБРЕТЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ УСТАЛОСТИ

В Новое время, в XVI и XVII веках, возникает множество разновидностей усталости, хотя их описание остается прежним. Появляются нюансы: ступень между выносимым и невыносимым, стадия между тем, что можно делать, и тем, что нельзя. Испытания становятся утонченнее, различия нарастают: появляются новые «шкалы» для определения цены вопроса.

Градация физического состояния

Развивается любознательность. Например, тщательно описаны крайности. С XVI века акцент делается на словах «изнурение» или «изнурять», что наводит на мысль о «полнейшем обессиливании»²²⁴. Или вот случай измученного тяготами жизни, плохо питавшегося из страха «растолстеть» и умершего в одиночестве и смятении Леона Бутийе де Шавиньи, попавшего под знамена принца Конде во время Фронды, участвовавшего в боях, пострадавшего от предательства и от угроз со стороны Мазарини:

Уже давно невероятное напряжение умственных и физических сил, наблюдавшееся с тех пор, как он примкнул к партии [Конде], странным образом воспалило и иссушило его, чему, помимо прочего, способствовал его стиль жизни²²⁵.

Еще один классический пример физического изнурения – каторжный труд на галерах; это мучительное наказание применялось начиная с XVI века, что вспоминал Вьейвиль во время нападения на Вильфранш в 1543 году. Командующий флотом д'Ангьен, которому угрожал итальянский адмирал Дориа, приближавшийся сбоку, внезапно решил выйти из порта. Это был тяжелый эпизод, смена курса столь решительная, что многие каторжники, сидевшие на веслах, «падали без чувств»²²⁶ и их тотчас же заменяли моряки. Д'Ангьен, потрясенный случившимся, выделил гребцам на одиннадцати галерах «две тысячи экю и по пятьсот экю – морякам»²²⁷. Финал этого эпизода был так трагичен, что впервые в истории подобную ситуацию сочли достойной славы.

Делался акцент и на различиях в усталости мужчин и женщин: считалось, что женщины, полные разных жидкостей (гуморов), больше подвержены усталости, нежели мужчины. Это главное, постоянное различие, касающееся всех сфер жизни, вплоть до беременности. Считалось, что женщины, беременные мальчиками, устают меньше, чем те, что носят под сердцем девочек: «они веселее и румянее, потому что мальчики более горячи, и женщины перенимают от них это тепло»²²⁸.

Главная же новизна лежит в другой плоскости и относится к состояниям, которые прежде не замечались. Эти состояния в особенности затрагивают представителей высших сфер и касаются чего-то такого, о чем раньше речь не шла. «Ощущения» становятся богаче: скрытые признаки, недомогания, которым трудно дать определение, смутная тревога и сомнения, подчас приносящие необъяснимое удовольствие, вроде «нежной томности»²²⁹, в которой купается

²²⁴ См.: Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris: Robert, 1994. Статья «Épuisement». Примечательно, что это слово не встречается в «Dictionnaire universel» («Универсальном словаре») Антуана Фюретьера, вышедшем в свет в 1690 году.

²²⁵ Conrart V. Mémoires (1652) // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 3e série. T. IV. P. 602.

²²⁶ Scepeaux Vieilleville F. de. Mémoires // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 1re serie. T. IX. P. 36.

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Dupleix S. La Curiosité naturelle rédigée en questions selon l'ordre alphabétique. Paris, 1623. P. 94.

²²⁹ Furetière A. Dictionnaire universel. Paris, 1690. Статья «Langueur».

персонаж Антуана Фюретьера, или вызывающие более четкие чувства – разного рода оттенки дискомфорта, о которых упоминает мадам де Ментенон, приехавшая из Фонтенбло в Версаль и утверждавшая, что стала испытывать какое-то особенное утомление: «С тех пор как я покинула Фонтенбло, я пребываю в некой томности; там я больше отдыхала, и это сказывается на моем здоровье»²³⁰. Новое слово «томность» появляется в литературе привилегированной публики и наводит на мысли о трудноопределимой, но всеобъемлющей слабости, такой, какую Эспри Флешье, с трудом подбирая слова, упорно приписывает королевской дочери на протяжении нескольких лет, предшествовавших ее смерти в 1690 году:

Поначалу кажется, что эта слабость скорее вызывает неудобства, нежели представляет собой опасность: эти боли непонятны и потому вызывают сожаление, хотя, возможно, и незаслуженное... ментальные проблемы присовокупляются к телесным, и лечение, направленное на поддержание природных сил, лишь изматывает их²³¹.

Это состояние может сопровождаться и более конкретными нарушениями, среди прочего – бессонницей, из-за которой душа Геза де Бальзака была «томной», а тело «слабым»²³²; или «печалью», чрезмерным беспокойством, вызывавшими у мадам де Ментенон «воспаления»: «жизнь, которая велась там [в Версале], убивала ее»²³³; или же слезами, сильно влиявшими на физическое состояние мадам де Монморанси: «постоянные рыдания до такой степени иссушили ее мозг и обнажили нервы, что она совсем ссутилась и стала страдать от одышки»²³⁴.

Появляются и другие слова и выражения, определяющие эту новую «относительную» усталость: «приливы», «недомогания», «вялость». На это в середине XVII века жаловался Гез де Бальзак, уверявший, что его внимание рассеяно: «Хоть я почти никогда не сплю, я почти всегда пребываю в состоянии вялости»²³⁵. В письмах, словарях, романах стало встречаться слово «недомогание»; это «недомогание» имело различные степени интенсивности: «Проживание на окраине города вызывает сильное недомогание», необходимость в чем-то себя ограничивать стала причиной «легкого недомогания»²³⁶. Впервые, пусть субъективно и неявно, стали определяться оттенки и степени усталости.

Градация сил

Новшеству в виде градации «состояний» соответствует еще одно новшество – градация сил, «первые ласточки» сравнения ресурсов и возможностей.

В XVI веке были уточнены качества, которыми должны обладать самые подходящие, наиболее способные противостоять тяготам службы военные:

Признаками, по которым можно определить наиболее подходящих для этой профессии, являются следующие: настороженный и живой взгляд, прямо посаженная голова, крепкий желудок, широкие плечи, длинные руки, сильные пальцы, небольшой живот, сильные бедра, длинные ноги, сухие ступни; этими качествами хорошо бы обладать любому человеку, они позволяют быть ловким

²³⁰ *Mme de Maintenon*. Lettre du 23 octobre 1713 // *Lettres inédites de Mme de Maintenon et de Mme la princesse des Ursins*. Paris, 1826. T. III. P. 4.

²³¹ *Fléchier E.* Oraison funèbre de Marie-Anne-Christine de Bavière, dauphine de France. Paris, 1690. P. 28.

²³² *Balzac J.-L.G. de*. Lettres familières à M. Chapelain. 30 août 1639. Paris, 1659. P. 177.

²³³ *Mme de Maintenon*. Lettre à Mme la comtesse de Caylus. 15 mai 1705 // *Correspondance générale de Mme de Maintenon* / éd. par Théophile Lavallée. Paris, 1867. T. V. P. 339.

²³⁴ *Mlle de Montpensier*. Mémoires // *Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France*. 3e série. T. IV. P. 322.

²³⁵ *Balzac J.-L.G. de*. Op. cit. 6 juillet 1650. P. 25.

²³⁶ *Furetière A.* Dictionnaire universel. Статья «Incommodité».

и сильным, что непременно требуется хорошему солдату; в то же время не следует отказываться от тех, кто не обладает всем вышеперечисленным, они могут оказаться хороши в другом. В особенности же надо следить за тем, чтобы для новобранцев были созданы условия, отвечающие их качествам, и не принимать их недостатки за достоинства²³⁷.

Фермер из обширного труда Оливье де Серра²³⁸ «Сельскохозяйственный театр» (*Théâtre d'agriculture*) (1600) также оценивал выносливость своих «слуг». Труд работника должен быть эффективным, но, кроме того, обязанности следует распределять правильно: «Самые крепкие должны выполнять самую тяжелую работу, а более слабым следует поручать задачи, для выполнения которых нужна не столько физическая сила, сколько приборы и техника»²³⁹. В средневековых монастырях за этим следили: одним братьям поручалась работа с книгами, другим же – полевые работы²⁴⁰. Составлялись и систематизировались «рейтинги» работ, каждому поручалось дело, которое соответствовало его энергии и силам. Работы делились на «большие», «малые» и «средние», «малые» интуитивно поручались наиболее слабым, «большие» – тем, кто посильнее; «средние» работы, находившиеся на стыке «больших» и «малых», считались предпочтительнее всего. К тому же в общих чертах возникала специализация, уточнение задач, в результате чего работники разбивались на категории: «крупные мужчины подходят для пахоты», для работы со скотом, для переноски тяжестей; «те, кто помельче» хороши для работы на виноградниках, «для посадки деревьев», «в садоводстве, в пчеловодстве, в животноводстве»; «средние», как правило, подходили для «любых работ»²⁴¹. На строительстве домов и шахт, как видно из предписания Максимилиана от 1517 года, начинается распределение рабочих по категориям «в зависимости от их возраста, навыков, физических сил»²⁴². Вероятно, никаких расчетов еще не делалось, но уже существовало стремление хотя бы предварительно, в общих чертах оценить возможности и выносливость работников.

Аналогичными соображениями руководствовались при вербовке в армию. Это подтверждает капитан Пьемонтского полка Жузеп Торрильон де Прадес, оспаривая решение отца, который в 1686 году поставил собственному сыну «слишком слабых» солдат: «Напрасно я писал вам, что нужны лишь высокие мужчины, – это не помогло; из восьми человек, что вы мне прислали, подошли лишь Байар и Л'Эвейе, и еще один, которого по дороге нашел мой подчиненный; остальные же оказались карликами; лучше уж было вообще ничего не предпринимать, потому что нанимать таких – все равно что бросать деньги на ветер»²⁴³. В Великий век среди военных по этому поводу велись оживленные споры. Для многих подразделений требовался минимальный рост: например, для гвардии пять футов четыре дюйма (1,626 метра)²⁴⁴. Существовали нюансы. Вобан выступал скорее за «маленький» рост, даже если доминировал образ «высокого» военного: «Энергия, сила и храбрость чаще встречаются у мужчин ниже среднего

²³⁷ Rouer Fourquevaux R. de. *Discipline militaire de messire Guillaume du Bellay, seigneur de Langey*, Lyon, 1592. P. 18.

²³⁸ Оливье де Серр (1539–1619) – французский агроном. Его труд *Théâtre d'agriculture* в XVII веке переиздавался девятнадцать раз.

²³⁹ Serres O. de. *Le Théâtre d'agriculture et ménage des champs*. Paris, 1600. P. 59.

²⁴⁰ См.: *règle de saint Benoit (VIe siècle) // Règles des moines*. Paris: Seuil, 1982. P. 113: «Quant aux frères infirmes ou délicats, on leur donnera une occupation ou un métier qui soit de nature à leur faire éviter l'oisiveté, sans les accabler sous l'excès du travail» («Что же до братьев больных или слабых, то им дадут занятие, которое избавит их от праздности, но не будет изнурять избытком работы»).

²⁴¹ Serres O. de. *Op. cit.* P. 77.

²⁴² Braunstein P. *Le travail minier au Moyen Âge d'après les sources réglementaires* // dir. par J. Hamesse, C. Muraille-Samaran. *Le Travail au Moyen Âge, une approche interdisciplinaire*. Louvain-la-Neuve: Institut d'études médiévales, 1990. P. 333.

²⁴³ Torrilhon de Prades J. *Un petit capitaine au Grand Siècle* // *Revue historique des armées*. 1980. № 2. P. 5–31; см.: *Les Oisivetés de Monsieur de Vauban*. Seyssel: Champ Vallon, 2007. P. 1040, прим. 1.

²⁴⁴ *Le Prestre de Vauban S. Moyens d'améliorer nos troupes et de faire une infanterie perpetuelle et très excellente* // *Les Oisivetés de Monsieur de Vauban*. P. 1040.

роста»²⁴⁵. Таким образом, тела различались по силе, выносливости, способности противостоять усталости. В конце XVII века были сложности: мужчин не хватало, в армии был недобор. Король приказал тогда «не измерять солдат»²⁴⁶. Лувуа запретил отказываться брать в армию мужчин, «по возрасту и силе подходящих для службы», которые при этом «несколькими дюймами ниже ростом, чем остальные»²⁴⁷. При этом существуют идеальные каноны внешности, и с XVI века складывается интуитивно надуманная «модель» того, какими должны быть живость, крепость, размах рук, рост.

Пример галер более показателен. Здесь дело касается хода судна, его скорости и маневренности. В XVII веке разрабатывается более детальная классификация, акцент делается на «современном» флоте. Жан Мартей, гугенот, попавший на галеры «по вопросам религии», описывает, как все происходило с момента посадки на судно: «Нас заставили раздеться догола и осмотрели все части тела. Нас ощупывали повсюду, прямо как жирных быков на ярмарке, а потом разделили на две группы – на тех, кто посильнее, и на тех, кто послабее»²⁴⁸. «Лучших» гребцов сажали либо в первый ряд, задающий ритм, либо на крайние весла, чтобы выравнивать движения весел. Были еще и более мелкие различия, в зависимости от удаленности от борта и широты движения веслом. Одновременно оцениваются разные вещи: возраст, рост, «комплексия». Наконец, дифференцируются страдания: Жан-Батист Кольбер, государственный секретарь по морским делам, рекомендовал в 1688 году «сажать гугенотов на галеры, идущие в Алжир»²⁴⁹ – там условия самые тяжелые.

Градация социальных функций

При изучении такого явления, как усталость, нельзя абстрагироваться от социальной жизни. Шарль Луазо, говоря о «сословиях» и «санах» в момент становления классического общества, косвенным образом показывает, как мало всех интересовали проблемы простого народа:

Есть профессии, которые зиждутся на затратах физических сил, а не на торговом обороте или мыслительных усилиях, это самые презренные занятия. И тем более те, кто не имеет ни профессии, ни товаров, которыми можно было бы торговать, кто зарабатывает себе на жизнь, работая руками, те, кого мы называем поденщиками – грузчики, подмастерья на стройке и другие, – являются самыми презренными из бедняков. Потому что нет ничего хуже, чем работать без выходных²⁵⁰.

В рассказах о повседневной жизни подробностей таких работ практически не найти. Им суждено было оставаться «невидимыми». Эту работу выполняла «самая презренная часть „третьего сословия“ <...> те, кто не имел отношения к богатству королевства»²⁵¹. Лафонтен писал о «стонущем и сгорбленном»²⁵² дровосеке и в то же время о «поющем с утра до вечера» сапожнике, «видеть которого – настоящее чудо»²⁵³, или о «завязшем в болоте возчике», первейший

²⁴⁵ Ibid.

²⁴⁶ Rousset C. Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire. Paris, 1863. T. III. P. 296–297.

²⁴⁷ Ibid.

²⁴⁸ Marteilhe J. Mémoires d'un galérien du Roi-Soleil (1757). Paris: Mercure de France, 1982. P. 102.

²⁴⁹ Seignelay J.-B.A.C. Lettre du 18 avril 1688. См.: Tournier G. Les Galères de France et les galériens protestants des XVIIe et XVIIIe siècles. Montpellier: Les Presses du Languedoc, 1984. T. I. P. 116.

²⁵⁰ Loyseau C. Traité des ordres et simples dignités // Œuvres. Paris, 1666. P. 52.

²⁵¹ Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime. T. I. La Société et l'État. Paris: Armand Colin, 1991. P. 84.

²⁵² La mort et le bucheron // Jean de La Fontaine. Fables. Paris, 1668–1694.

²⁵³ Le savetier et le financier // Op. cit.

совет которому – «на Бога надейся, а сам не плошай»²⁵⁴. Антуан Фюретьер высмеивал «человека низкого звания», «заросшего бородой и потемневшего от загара»²⁵⁵, питающегося лишь «водой и тумаками»²⁵⁶. То, что крестьяне тоже люди, забыто, и упоминание о них Лабрюйера – случай исключительный²⁵⁷, а постоянная усталость рабочих и простолюдинов, как правило, не комментируется. Различные наблюдатели и путешественники не обращают на них внимания. Жозеф Дюшен, врач Генриха IV, считал, что «усилия», совершаемые землепашцами, лишь «укрепляют их мускулатуру и нервы»²⁵⁸; Леон Годфруа, путешествуя в 1646 году по Гаскони и Беарну, замечал у попадавшихся на его пути крестьян лишь «загорелые почти дочерна» лица, что «бросало тень на народ» Арманьяка²⁵⁹. Франсуа де Гренай в 1643 году пересек Аквитанию и увидел «плодороднейшую долину»²⁶⁰, но не заметил ни малейших признаков тяжелого труда или прилагаемых усилий.

Еще Фрэнсис Бэкон, сравнивая с медицинской точки зрения «типы жизни» – от военных до религиозных деятелей, от бюрократов до землепашцев, пришел к выводу, что «сельская жизнь» наиболее бедна, но в то же время наиболее здорова: «Потому что помимо того, что они постоянно пребывают на свежем воздухе, они все время находятся в движении; им чужда праздность, тревоги и зависть, они питаются мясом, которое им не приходится покупать»²⁶¹. Об их работе Бэкон не упоминал и не замечал никаких страданий и боли, возникающих при ее выполнении.

²⁵⁴ Le chartier embourbé // Op. cit.

²⁵⁵ Fleury C. Les Devoirs des maîtres et des domestiques. Paris, 1688. P. 104.

²⁵⁶ Furetière A. Le Roman bourgeois (1666) // Romanciers du XVIIe siècle / éd. par Antoine Adam. Paris: Gallimard, 1958. P. 1047.

²⁵⁷ См.: La Bruyère J. de. Les Caractères. Paris: Garnier, 1954. P. 295: «L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés de soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible... Ils épargnent aux autres la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de pas manquer de ce pain qu'ils ont semé» («Мы видим каких-то диких зверей, самцов и самок, которых много в деревнях. Они черны, слабы и обожжены солнцем, прижаты к земле, которую обрабатывают с непобедимым упрямством. <...> Они избавляют других от необходимости сеять, пахать и убирать урожай, чтобы жить, и, следовательно, заслуживают того, чтобы не испытывать недостатка в том хлебе, который они посеяли»).

²⁵⁸ Chesne J. du. Le Pourtraict de la santé. Paris, 1618. P. 237.

²⁵⁹ Godefroy L. Voyages en Gascogne, Bigorre et Béarn (1644–1646) // Le Voyage en France / éd. par Jean-Marie Goulemot, Paul Lidsky, Didier Masseur. Paris: Robert Laffont, 1995. P. 369.

²⁶⁰ См.: Bercé Y.-M. La Vie quotidienne dans l'Aquitaine du XVIIe siècle. Paris: Hachette, 1978. P. 25.

²⁶¹ Bacon F. Histoire de la vie et de la mort. Paris, 1637. P. 184–185.

ГЛАВА 8. КАТЕГОРИИ

Помимо относительной индифферентности к усталости самых обездоленных, хотя и признается существование различий в ее интенсивности, в Новое время появляются и обсуждаются типы усталости, ее разновидности, свойства, становящиеся разнообразнее с развитием экономики и в зависимости от выполняемых задач и окружения: в городах и при дворе, в торговле и в армии.

Изнурение как наказание

Страдание – не последнее дело, когда речь заходит о наказании или репрессиях. Например, существует очевидная связь между назначенным наказанием и ожидаемым изнеможением, причиной которого станет это наказание, когда осужденного отправляют на галеры. 22 января 1513 года Людовик XII выдвигает «комплекс телесных наказаний, вынесенных в герцогстве Бретань»²⁶². Насилие – суть повседневной жизни каторжников, поэтому их изнурение – главное в подобных приговорах. Эдикт Карла IX 1564 года распространяет этот комплекс на все королевство, до того как в XVII веке более детально разрабатывается связь между тяжестью преступления и длительностью наказания, а также различия между галерами и прочими наказаниями. Гребля на галерах пришла на смену средневековому паломничеству²⁶³, применяемому в качестве наказания, другого, но неумолимого и жестокого. Вот как эту работу описывают свидетели: «Стоя заносишь весло назад, опираешься на него, погружая в воду, потом садишься на скамейку и с силой двигаешь весло вперед»²⁶⁴. Другие описывают различные вариации этого процесса, тяжелое преодоление волн, когда приходится удваивать скорость движений, и бдительность ненавистных «тюремщиков»: «Иногда каторжник гребет таким образом по десять-двенадцать часов без малейшего перерыва. Надзиратель или кто-то из моряков в таких случаях вкладывают несчастным в рот по кусочку хлеба, смоченного в вине, чтобы они не падали в обморок»²⁶⁵. Отношение к судьбе группы гребцов в целом было безразличным – вот как об этом говорит Мартей: «Если раб падает без чувств на весло (такие случаи нередки), его секут, пока он не умрет, а потом его попросту швыряют в море»²⁶⁶. Изнурение каторжников неопишимо, но соответствует порядкам, царившим в XVII веке: гребцов сковывали кандалами по трое и приковывали к скамье, от которой они не могли отойти ни днем ни ночью; кормили их раз в два дня; пожираемые паразитами, они спали здесь же, не имея возможности вытянуться»²⁶⁷. Парадоксально на этом фоне мнение Бернардино Рамаццини о профессиональных заболеваниях, высказанное в 1700 году: он видел в труде гребцов на галерах, которым угрожал «град ударов», «преимущества», заключавшиеся в том, что часть усилий они совершали сидя: «их желудки при этом поддерживаются, тогда как у рабочих, которые выполняют работу стоя, этот орган находится в подвешенном состоянии»²⁶⁸. Ну что же, и опытные врачи порой заблуждаются.

²⁶² Kerhervé J. Aux origines du bagne. Galères et galériens à Brest, au temps de Louis XII // La Ville médiévale en deçà et au-delà de ses murs / dir. par J.-P. Leguay. Rouen: Presses de l'université de Rouen, 2000. P. 243.

²⁶³ См. выше, с. 41–43.

²⁶⁴ Barras de La Penne J.-A. de. Les Galères en campagne. Цит. по: Masson P. Les Galères de France (1481–1781): Marseille port de guerre. Paris: Hachette, 1938. P. 72–73.

²⁶⁵ Marteilhe J. Mémoires d'un protestant condamné aux galères de France pour cause de religion (1757). Цит. по: Masson P. Op. cit. P. 73–74.

²⁶⁶ Ibid. P. 74. См. также: Tournier G. Les Galères de France et les galériens protestants des XVIIe et XVIIIe siècles. P. 139–149.

²⁶⁷ Barras de La Penne J.-A. de. Op. cit. P. 75.

²⁶⁸ Ramazzini B. Traité des maladies des artisans. Paris, 1840. P. 157.

Как бы то ни было, считалось, что физическое изнеможение пропорционально «пороку» осужденного. Боль, от которой перехватывало дыхание, была показательной карой: в первую очередь традиционно наказывалось тело, его «заслуженные» страдания были очевидны. На те же мысли наводит Общая больница, куда «помещались для исправления юноши и девицы, не достигшие двадцатипятилетнего возраста», среди прочих те, кто «плохо обращался с отцом или матерью», и девицы, чье поведение было «развратным». Предполагалось, что исправительные работы должны были вызывать крайнюю усталость: «Их заставят работать подолгу и выполнять самые тяжелые работы, какие только найдутся в тех местах, где они будут содержаться»²⁶⁹. Таким образом, речь идет о своеобразной усталости, которую, вероятно, трудно оценить, но логика которой направлена на «крайнее» подавление и наказание.

Война

Усталость в Новое время можно разбить на категории и по многим другим видам деятельности, и каждая категория, как представляется, может дать новый опыт, каждая из них как будто связана с изменившимся миром. Бой, сражение – один из этих параметров, поскольку в связи с изменениями в обществе меняется практика военных действий. В XVI веке армия становится профессиональной. Служба в армии длится дольше. Профессия складывается, усложняется, требует привычки к долгим переходам, к неустроенному солдатскому быту, к климатическим условиям новых регионов: «XVI век отмечен важным поворотом в военной мысли Западной Европы... Именно тогда современные понятия „солдат“, „тренировка“, „дисциплина“ становятся важнее таких слов, как „рыцарство“, „звание“, „честь“»²⁷⁰. Армия отныне действует на постоянной основе. Набор ведется все время. Важнейший принцип таков: «Солдат прекращает служить лишь тогда, когда он больше не в состоянии этого делать или в нем нет необходимости»²⁷¹. «Длительность службы» становится «неопределенной»²⁷². Помимо собственно ратного дела это стимулирует непрекращающуюся бурную деятельность, касающуюся жизни в лагерях, перемещений, стражи, патрулирования. Цель этого – «избежать рассредоточения войск, поддерживать их в тонусе постоянными тренировками»²⁷³. Вот как о подобных вещах вспоминал Жозеф Севен де Кенси: «В этом лагере мы изнемогали от усталости. Не было дня, когда бы мы не несли службу»²⁷⁴. Тренировки военных становятся зрелищем, проходят на больших пространствах. Повторяются движения. Изображаются бои. На тренировках присутствует двор. В Компьене в 1660-х годах это вызвало неожиданное утомление: «Надо было ежедневно ходить в лагерь, и [придворные] в большей степени уставали, нежели получали удовольствие»²⁷⁵.

Появляется множество предписаний и регламентов, в которых уточняются «порядок и дисциплина, которые отныне, по желанию Его Величества, должны соблюдаться кавалерией в городах, где будут размещаться гарнизоны»²⁷⁶; уточняются задачи и функции офицеров²⁷⁷; разрабатываются тренировки для обеспечения «военного развития», отрабатываются «марши»,

²⁶⁹ *La Mare N. de. Ordonnance du 20 avril 1648 // Traité de la police. 1722. T. I. P. 528.*

²⁷⁰ *Gaier C. Armes et combats dans l'univers médiéval. Bruxelles: De Boeck-Wesmael, 1995. P. 309.*

²⁷¹ *Chagniot J. Guerre et société à l'époque moderne. Paris: PUF, 2001. P. 116.*

²⁷² *Ibid.*

²⁷³ *Corvisier A. Louis XIV, la guerre et la naissance de l'armée moderne // Histoire militaire de la France. T. I. P. 407.*

²⁷⁴ *Quincy J. S. de. Mémoires du chevalier de Quincy (fin XVIIe – début XVIIIe siècle). Paris, 1898–1901. T. I. P. 99.*

²⁷⁵ *Saint-Simon L. de R. de. Mémoires complètes et authentiques (fin XVIIe – début XVIIIe siècle). Paris, 1829. T. II. P. 201.*

²⁷⁶ *De Lamont. Les Fonctions de tous les officiers d'infanterie, depuis celle de sergent jusqu'à celle de colonel. La Haye, 1693. P. 105.*

²⁷⁷ *Ibid. P. 7sqq.*

«движение в колонне», «шаги» (шаг Лувуа)²⁷⁸; разрабатываются необходимые «фортификационные меры»²⁷⁹, а также санкции, применяемые к дезертирам²⁸⁰.

Появляется и сразу же закрепляется в языке новая формулировка – «усталость от войны» или «усталость от армии», причем имеется в виду не изнуренность боем. Это выражение мы встречаем у Жана де Сувины: в 1614 году он таким образом показывает удивление своего дядюшки, узнавшего от двенадцатилетнего племянника, что он хочет вступить в Пентьеврский полк лучников: «Он поинтересовался, есть ли у меня склонность и достаточно мужества и сил, чтобы выносить тяготы войны»²⁸¹. Журнал «Галантный Меркурий» (*Mercur galant*) также использует этот термин в 1672 году, описывая удивление посетителя, который зашел в комнату солдата и обнаружил, что речь идет о женщине: «Она была совсем молодая, но в то же время крупная, и у нее хватало сил, чтобы переносить армейские тяготы»²⁸². То же выражение употребляет Фрэнсис Бэкон, в начале XVII века задаваясь вопросом о «солдатской жизни» и показывая, что она парадоксальным образом может продлить жизнь – что случается с «теми, для кого с начала жизни работа входит в привычку; на склоне их дней горечь усталости они вспоминают с нежностью»²⁸³.

Дело в том, что новая чувствительность, по-новому оценивая среду, относится так же ко всему, что окружает, к условиям повседневной жизни: к ночлегу, к обмундированию, к провианту, к отдыху. Все это – благоприятствующие или изматывающие факторы, не имеющие отношения лишь к физическим усилиям или ведению боя. Франсуа де Сепо одним из первых в 1552 году наравне с марш-бросками указывает на плохие условия для сна и отсутствие возможности переодеться как на причину нарастающей усталости. «Мы шли таким образом двенадцать дней, и лишь немногие из нас спали в постелях, которые за ними носили. Остальные спали не раздеваясь»²⁸⁴. Шекспировский герой Отелло говорит о тех же невзгодах венецианским военачальникам, пытаясь убедить их в том, что все эти трудности преодолимы:

Жестокий навык, чтимые синьоры,
Преобразил кремнистый одр войны
В мою пуховую постель. Не скрою —
Я почерпаю радостную бодрость
В лишениях. И я вполне готов
Руководить войною против турок^{285, 286}.

В XVII веке усталость становится все разнообразнее, и герцог Мэнский, узаконенный сын Людовика XIV, «сопровождая» армию из похода во Фландрию, связывает усталость с невозможностью поменять белье – «трудность», триумфальное «преодоление» которой молодой герцог описал в письме к выросшей его мадам де Ментенон: «Мадам, я почувствовал тяготы войны, потому что уже три дня и две ночи не менял рубашку»²⁸⁷.

Возникает новая всеобщая военная неутомимость – не только способность сражаться с врагом, как было в Средние века, но и умение противостоять всевозможным трудностям жизни

²⁷⁸ Ibid. P. 65sqq.

²⁷⁹ Ibid. P. 142.

²⁸⁰ Ibid. P. 120.

²⁸¹ *Gangnieres Souvigny J. de. Mémoires, 1613–1638. Paris: H. Laurens, 1906–1909. T. I. P. 11.*

²⁸² *Fille soldat // Mercure galant. 1672. P. 140–141.*

²⁸³ *Bacon F. Op. cit. P. 185.*

²⁸⁴ *Scepeaux Vieilleville F. de. Op. cit. P. 143.*

²⁸⁵ *Шекспир У. Отелло. Акт 1, сцена 3. Перевод М. Лозинского.*

²⁸⁶ *Shakespeare W. Othello, ou le Maure de Venise. 1604. Acte 1. Scène III.*

²⁸⁷ *Duc du Maine. Lettre à Mme de Maintenon. Mai 1689 // Correspondance générale de Mme de Maintenon. T. III. P. 176.*

в полку или в военных лагерях, и более всего здесь интересна фигура офицера. Подробное описание Луи-Франсуа де Буффлера, оставленное Сен-Симоном, – красноречивое свидетельство того, что в XVII веке участие в войне переворачивает все представления об усталости воинов, как солдат, так и их начальников:

К нему был доступ в любое время дня и ночи, он заботился обо всех, думал о том, чтобы, насколько возможно, не утомлять окружающих и не подвергать их ненужной опасности. Он уставал за всех, был повсюду, сам за всем следил, отдавал распоряжения и постоянно рисковал собой. Во время наступления он спал не раздеваясь и оставался в окопе до сигнала о сдаче. Невозможно понять, как человек его возраста, которого изрядно потрепали войны, мог совершать подобную физическую и умственную работу, никогда не теряя хладнокровия и не выходя из себя. Ему ставили в упрек, что он слишком рисковал собой; он делал это, чтобы все видеть собственными глазами и постепенно добиваться своего; таким образом он подавал пример другим, а также убеждался в том, что все идет как следует²⁸⁸.

Усталость обрела новые формы, или же, в связи с появлением новых задач, которые предстояло выполнять, ей стали уделять больше внимания и лучше ее описывать.

Так, например, в некоторых случаях начинает приниматься в расчет особая «изнуренность». Появляется новый взгляд на усталость, испытываемую представителями некоторых редких профессий. Заболевший или раненый солдат «продолжает получать жалованье»²⁸⁹, а вышедшим в отставку военным или морякам по предписанию от 1670 года выплачивают по два эку в месяц²⁹⁰. Королевский Дом инвалидов, открытый 1 октября 1674 года, предназначается для «солдат, изнуренных и получивших увечья в боях за короля»²⁹¹. Не секрет, однако, что это многоцелевое учреждение было создано и для того, чтобы обездоленные солдаты не скитались по площадям, мостам и улицам и никого не раздражали своим присутствием.

Город

Еще одним объектом, вызывающим озабоченность, становятся города, к которым также начинают относиться по-новому. С конца XVI века идет традиционная полемика о неспокойных городах и безмятежной жизни в сельской местности, в этой полемике появляются новые аспекты. Обнаруживается усталость. Появляются новые причины для волнений, новые очаги возбуждения и напряжения. Город внезапно разросся, его роль стала заметнее. Сместились полюса власти – торговой, гражданской, административной, к ней присоединилась «элита окружающих городов и весей», «помещичьи сборщики налогов и судьи»²⁹². В городах ширились ряды лавочников, практикующих лекарей, парламентариев, стряпчих, конторских служащих. Сельскохозяйственный труд рационализируется, и мелкие земледельцы и скотоводы теряют работу; «улицы городов заполняются доселе невиданным количеством бродяг»²⁹³.

²⁸⁸ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. VI. P. 359.

²⁸⁹ Deruelle B. Le temps des expériences, 1450–1650 // Histoire militaire de la France / dir. par H. Drevillon, O. Wieviorka. Paris: Perrin-Ministère des Armées, 2018. T. I. P. 256.

²⁹⁰ Tauran T. Les prémisses // La Sécurité sociale, son histoire à travers les textes. T. VII. Les Régimes spéciaux de sécurité sociale. Paris: Association pour l'étude de la Sécurité sociale, 2015. P. 29.

²⁹¹ Belmas É. L'infirmerie royale de l'hôtel des Invalides // Il medico di fronte alla morte (secoli XVI–XXI) / dir. par G. Cosmacini, G. Vigarello. Turin: Fondazione Ariodante Fabretti, 2008. P. 54.

²⁹² Chartier R., Neveux H. La ville dominante et soumise // Histoire de la France urbaine / dir. par G. Duby. Paris: Seuil, 1981. T. III. P. 34.

²⁹³ Lettre de Sixte-Quint (1587). Цит. по: Erlanger P. Les Idées et les mœurs au temps des rois, 1558–1715. Paris: Flammarion, 1969. P. 63.

Городские стены ограничивают пространство, «нарастает»²⁹⁴ скученность, собираются разномастные толпы, и «до сих пор островки „старого Парижа“ представляют собой впечатляющий пример тому»²⁹⁵. Существует множество свидетельств того, что Париж задыхается, он заполнен, «народу в нем, как пчел в улье»²⁹⁶.

Отовсюду звучат жалобы, усиливается ожесточение. Прежде всего проблему представляет собой постоянный шум, делающий невозможным нормальный сон людей. Вот как сатирически описывает это Буало в 1666 году:

Хоть и не создан я для участи такой,
Всё словно в сговоре, чтоб мой стгубить покой <...>
И в комнате своей тушу я свет поспешно.
Но вот закрыть глаза пытаюсь безуспешно^{297, 298}.

Шум как фактор усталости, новая реальность городской жизни, вызывает критические замечания: «Извозчики так грубы, у них луженые глотки, их кнуты постоянно щелкают, и из-за всего этого кажется, будто фурии решили превратить Париж в ад»²⁹⁹. В непрекращающемся шуме отдохнуть становится невозможно. Гравюра Никола Герара «Загроможденный Париж» (конец XVII века) сопровождается стихами, усиливающими ощущение тревоги, вызванной как опасностями городской жизни, так и смертельной усталостью:

В Париже об одном предупреждает гам:
Дорогу! Берегись! Проедут по ногам!³⁰⁰

Более замаскированы новые «жалобы»; им пока с трудом находят название, но связаны они с тяготами бумажной бюрократической работы – разнообразными постановлениями и обширной перепиской. Речь идет о малозаметной до поры до времени усталости стряпчих, администраторов, конторских служащих, торговцев, нотаблей: ежедневно нарастает ком проблем, и им приходится их решать. Появляется все больше признаков того, что зарождается мир адвокатов, чиновников, парламентариев – мир кабинетной работы; напряжение и усталость этого сословия долго не признавались, но внезапно они стали заметны, и, не подбирая формулировок, заговорили о них скорее в терминах физических, нежели моральных. Вот как Генрих IV обратился к главе своего правительства Сюлли в 1591 году: «Во всех новостях, приходящих из Манта, говорится, что вы смертельно устали и похудели от работы»³⁰¹. То же самое находим у Сен-Симона, который несколько десятилетий спустя описывает несчастье Мишеля Шамийара, утомленного работой в министерствах. Наступивший гуморальный хаос взял верх над психологическими проблемами, в нем все кипело, он иссох:

У Шамийара, измученного работой одновременно в Военном министерстве и в Министерстве финансов, не хватало времени ни на еду, ни на сон. <...> Он возвел необходимость в ранг добродетели, но в конце концов не выдержал: его бросало в жар, он падал в обморок, мучился головной болью,

²⁹⁴ Chartier R., Neveux H. Op. cit. P. 34.

²⁹⁵ Goubert P., Roche D. Op. cit. P. 152.

²⁹⁶ Marana G. P. L'Espion dans les cours des princes chrétiens. Paris, 1710. T. V. P. 168.

²⁹⁷ Перевод М. Кудинова.

²⁹⁸ Boileau N. Satire VI // Œuvres complètes / éd. par F. Escale. Paris: Gallimard, 1966. P. 34–36.

²⁹⁹ Marguetel de Saint-Denis Saint-Evremond C. de. Du char antique à l'automobile, les siècles de la locomotion et du transport par voie de terre. Цит. по: F. Marcevaux. Paris, 1897. P. 229.

³⁰⁰ Guérard N. Le Pont-Neuf ou l'embarras de Paris. Paris, vers 1715. Bibliothèque nationale de France, département des estampes.

³⁰¹ Béthune Sully M. de. Mémoires. Paris, 1778. T. II. P. 31.

у него нарушилось пищеварение, он похудел на глазах. Тем не менее работу нельзя было останавливать, а без него все застопорилось бы³⁰².

Впрочем, Езекиель Спангейм описывает «усталость, вызванную занимаемым высоким положением» и внезапное головокружение Людовика XIV в момент, когда он становится королем, в терминах тела: «Полная величия внешность и телосложение, способное выдержать тяготы и груз столь высокого положения»³⁰³. Точно так же за несколько десятилетий до того Ришелье заявлял о сопротивлении «тяжести» административных обязанностей, появившихся с наступлением XVII века. Это весьма любопытный, неявный, в высшей степени физический, даже почти экзотический, но преданно описанный Жилем Менажем способ «оживить» животное начало, провоцируя динамизм и подвижность:

Он порой находил время, чтобы снять напряжение, всегда сопровождающее работу министра. Больше всего он любил упражняться после еды, но он не хотел, чтобы его заставляли врасплох при этом занятии. <...> Ему нравилось прыгать в высоту вдоль стены большой галереи Пале-Рояля³⁰⁴.

Угроза усталости, появившаяся в классическую эпоху, кажется престижной и часто выставляется напоказ, демонстрируются выносливость и «работоспособность». Вот портрет нового персонажа, кичащегося своим «изнеможением», остроумно созданный Лабрюйером:

Вам смешны попытки помечтать в карете или, возможно, отдохнуть в дороге? Скорее возьмите в руки книгу или деловые бумаги, читайте, приветствуйте путешественников, едущих в каретах вам навстречу, лишь легким кивком головы; так они сочтут вас очень занятым и скажут: «Вот трудолюбивый, неутомимый человек; он читает и работает даже в дороге». Знайте, что самый неизвестный адвокат должен казаться заваленным делами, хмурить брови и о чем угодно задумываться очень глубоко и уметь отказываться от еды и питья...³⁰⁵

Таким образом, в городе эпохи классицизма появляются как усталость, так и неутомимость.

Королевский двор

Двор – еще одна сфера, где в классическую эпоху складывается особый тип усталости. Новизна зависит в первую очередь от широчайших социальных перемен: концентрация власти, усиление государства, исчезновение локальных вотчин, средневековых баронств, прекращение военных конфликтов между ними. Вместе с этим складывается доселе небывалое общество, в центре которого находится суверен; появляются новые ритуалы. Устанавливается «порядок», декретированный династией Валуа в конце XVI века, согласно которому «король желает царствовать при дворе»³⁰⁶. Этикет закрепляет ранги, церемониал фиксирует пространство и время. Отсюда – ощущение распорядка, сложного и в то же время навязанного, повседневной дисциплины, определяющей любые действия и поведение каждого человека. К тому же должна

³⁰² *Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. V. P. 279–280.*

³⁰³ *Spanheim E. Relation de la cour de France en 1690. Paris, 1882. P. 1.*

³⁰⁴ *Ménage G. Menagiana, ou bons mots, rencontres agréables, pensées judicieuses, et observations curieuses. Amsterdam, 1713. T. II. P. 45–46.*

³⁰⁵ *La Bruyère J. de. Op. cit. P. 183.*

³⁰⁶ *Édit d'Henri III en 1585 sur «l'ordre que le roi veut être tenu en sa cour tant au département des heures que de la façon dont il veut être honoré et servi».* Указ Генриха III от 1585 года «о порядке, который король желает соблюдать при дворе, как касаясь времени, так и того, как он хочет, чтобы ему оказывали почести и его обслуживали».

была очень обострилась чувствительность, чтобы всё, чему прежде, вероятнее всего, внимания не уделяли, превращалось в усталость.

В XVII веке появилось выражение, используемое самими действующими лицами, – «придворная усталость». Маркиза де Ментенон, вспоминая «распухшие ноги» мадемуазель де Жарнак, из-за которых той «трудно было привыкнуть к придворной усталости»³⁰⁷, превратила это выражение в лейтмотив. Оживленный тон мадам де Моншеврэй демонстрирует, что она «прекрасно переносит усталость»³⁰⁸, а болезнь маршалыши де Рошфор говорит о том, что «она не привыкла к усталости»³⁰⁹. Сама маркиза до такой степени «удручена заботами, визитами, подготовкой к путешествиям»³¹⁰, что видит во всем этом «настоящую пытку»³¹¹, вплоть до того, что находит «утомительным» птичий вольтер в Фонтенбло, «в котором со вчерашнего дня стоит шум, какого никогда не было»³¹². Так же удручают различные церемонии, когда нужно очень подолгу стоять, поиски «буфета, на который можно было бы опереться», чтобы «немного отдохнуть»³¹³. Это «стояние на ногах» Жан-Франсуа Сольнон называет «ужасной судьбой придворных»³¹⁴. А в случае с кардиналом Куаленом можно говорить о полнейшем изнурении: «этот несчастный человек был очень тучным и сильно потел; когда он стоял в прихожей, одетый в мантию, пот тек с него ручьем, в результате чего на паркете вокруг его ног образовывалась лужа»³¹⁵.

Однако правила превыше всего; следует «быть усердным и усидчивым»³¹⁶, терпеливым, показывать свою «постоянную незаменимость»³¹⁷, иначе говоря, противостоять «скуке и томности»³¹⁸. Красноречивый пример постижения действующими лицами эпохи новоявленной и совершенно особой «придворной усталости» – маркиз Дантен, «законный сын» мадам де Монтеспан, часто упоминаемый в мемуарах Сен-Симона:

Его крепкое тело отвечало духу. И хотя он мало-помалу растолстел, он был неутомим. Брутальный по своему темпераменту, он был нежен и вежлив, приветлив, спешил всем нравиться и все приносил в жертву самолюбию и богатству. <...> Это был один из самых умелых и утонченных придворных своего времени, который в то же время проявлял непостижимое усердие. Он без устали старался одновременно быть повсюду, проявлял неслыханное усердие и заботу, что бросалось в глаза всем, был гибок, ловок, неумеренно льстив; от его внимания ничто не ускользало, он был бесконечно угодлив, на протяжении двадцати лет для него не было невозможного, ничто его не отталкивало, и все ради знакомства с людьми, которых со свойственной гасконцу наглостью он при первой возможности мог опорочить.

³⁰⁷ *Mme de Maintenon. Lettre à M. d'Aubigné. Coignac, 8 mai 1681 // Correspondance générale de Mme de Maintenon. T. II. P. 168.*

³⁰⁸ *Id. Lettre à M. d'Aubigné. Coignac, 2 mars 1681 // Ibid. P. 156.*

³⁰⁹ *Id. Lettre à M. d'Aubigné. Coignac, 19 mai 1681 // Ibid. P. 173.*

³¹⁰ *Id. Lettre à Mme de Brinon. 17 septembre 1682 // Ibid. P. 251.*

³¹¹ *Id. Lettre à M. l'archevêque de Paris. 27 juillet 1698 // Op. cit. T. IV. P. 241.*

³¹² *Id. Lettre à M. le duc de Noailles. 16 septembre 1704 // Op. cit. T. V. P. 264.*

³¹³ *Levron J. Les Courtisanes. Paris: Seuil, 1961. P. 57.*

³¹⁴ *Solnon J.-F. La Cour de France. Paris: Perrin, 2014. P. 427.*

³¹⁵ *Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. V. P. 21.*

³¹⁶ *Refuge E de. Traité de la cour ou instruction des courtisanes. Paris, 1649. P. 189.*

³¹⁷ *Gracian B. L'Homme de cour. Paris: Champ libre, 1972. P. 8.*

³¹⁸ *Marguetel de Saint-Denis Saint-Évremond C. de. Lettre du 2 mai 1701 // Œuvres. Paris, 1715. T. V. P. 383.*

Он был в высшей степени услужлив по отношению к детям своей матери, с бесконечным терпением сносил грубые отказы и умел невероятно искусно скрывать нанесенные жизнью оскорбления³¹⁹.

В те времена для того, чтобы заполучить и приумножить привилегии, плелись закулисные интриги, часто незначительные до смехотворности, но весьма действенные и ценимые. Множество примеров тому находим у Жана-Франсуа Сольнона: «право ехать в карете [а не идти пешком] в резиденцию короля и право на подушечку в Церкви представляют собой почести, оказываемые в Лувре»³²⁰. «Право табурета», возможность сидеть в присутствии монарха, также является в высшей степени важной привилегией, которую имеют герцогини; этих дам «называют „сидящими дамами“ или попросту „табуретами“»³²¹. При этом качество сиденья было различно: внуки и внучки Франции (то есть внуки и внучки короля) имели право на стул со спинкой, принцы крови (то есть те, кто потенциально мог унаследовать престол) – на кресло³²². Это право оспаривалось, случались ошибки, которые сразу же исправлялись. Вот как вспоминает аудиенцию у королевы мадам де Севинье: «Собралось множество герцогинь, среди прочих прекрасная молодая Вантадур. В течение какого-то времени ей не приносили этот божественный табурет. Я повернулась к гротескмейстеру и сказала: „Что же? Пусть ей его принесут. Это право дорого ей обходится“. Он со мной согласился»³²³. Или другой пример: «права на табурет» нет, но в то же время оно «согласовано»: это случалось, когда королева позволяла многим дамам сесть «без церемоний», хотя не должна была этого делать. Принцы и герцоги «в большом количестве» недовольно реагируют на подобное и, по общему решению, «от имени знати просят отменить эти табуреты»³²⁴. С этого момента «усталость» декларирует и усиливает иерархию и ее особенности.

Дух

В диверсификации усталости, начавшейся в Новое время, заметно более пристальное внимание к сознанию, совести, более интимной стороне жизни. Появляется глубина, вспоминается состояние души, усталость «мысли». Декарт сигнализирует об «усталости духа»³²⁵, свойственной духовным лицам, людям, склонным к размышлениям, писателям, ученым. Он пытается объективировать «работу» души, обращаясь к аспектам поведения, которым прежде уделялось недостаточно внимания. Речь идет не просто об удручении, в которое приводит обилие дел, не только о принуждении со стороны руководства и неприятии его решений, но об умственной работе – счете, мыслительных усилиях, интенсивных и длительных раздумьях. Еще в XV веке Марсилио Фичино и Кристина Пизанская писали об изнуренности, вызванной подобными занятиями – письмом или «размышлениями», и в их текстах прослеживается мысль о том, что такая работа изматывает физически: «Написав „Книгу о Граде женском“... я мечтала о праздности и отдыхе, как человек, закончивший такой большой труд, все мое тело было изнурено столь длительной и непрерывной работой»³²⁶. Декарт указывает на более скрытый факт, признавая, что «человек не может длительное время концентрировать внима-

³¹⁹ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. V. P. 414–416.

³²⁰ Solnon J.-F. Op. cit. P. 428.

³²¹ Ibid. P. 427.

³²² См.: Le Roy Ladurie E., Fitou J.-F. Saint-Simon ou le système de la cour. Paris: Fayard, 1997. P. 49.

³²³ Mme de Sévigné. Lettre à Mme de Grignan. 1er avril 1771 // Correspondance / éd. par R. Duchêne. Paris: Gallimard, 1973. T. I. P. 205.

³²⁴ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. II. P. 168–169.

³²⁵ Descartes R. Lettre à Élisabeth. Juin 1645 // Œuvres et lettres / éd. par A. Bridoux. Paris: Gallimard, 1953. P. 1190.

³²⁶ Christine de Pisan C. de. Le Livre des trois vertus // Voix de femmes au Moyen Âge. P. 560.

ние на одном и том же»³²⁷, клеймя опасность «слишком прилежного учения»³²⁸, подчеркивая, как сильно «ослабляют тело и утомляют ум слишком серьезные занятия»³²⁹. Говоря о «метафизических принципах» и повышенном внимании к ним, он делает вывод: «Я нахожу, что частые раздумья очень вредны»³³⁰. Таким образом, впервые была обозначена, описана, уточнена, сфокусирована «умственная усталость», пусть это всего лишь слова и точный смысл и характеристики этой усталости остаются в тени. Ее «внутренние» симптомы скорее измышлены, нежели взяты из жизни, в большей мере предполагаемы, чем развиты. Однако они начинаются с «чувства», особого ощущения упадка ментальной силы и ее остроты, с утверждения из «Универсального словаря» (*Dictionnaire universel*) Антуана Фюретьера, сделанного в 1690 году, согласно которому «ум устает ничуть не меньше тела»³³¹. В свою очередь Жан-Батист Тьер в «Трактате об играх» (1686) называет игру в шахматы «слишком серьезной», она «утомляет ум не меньше, чем какое-либо важное дело»³³². В правилах средневековых монастырей не упоминались, зато встречались в установлениях конгрегаций классической эпохи «перерывы в работе, чтобы дать отдохнуть уму»³³³; объяснения настолько же очевидные, насколько и не развернутые: «Человек слаб, и поэтому его ум, как и тело, не может быть постоянно одинаково занят»³³⁴.

Отсюда сразу же вытекает еще одна усталость, в равной мере мало комментируемая: чувство «усталости от...» или «утомления от...». Появляется новая и медленно осваиваемая психологическая «территория». Поначалу это грусть, грусть Антонио из «Венецианского купца», сопоставимая с каким-то внутренним изнурением, с каким-то скрытым бессилием:

Не знаю, отчего я так печален.
Мне это в тягость; вам, я слышу, тоже.
Но где я грусть поймал, нашел иль добыл...^{335, 336}

Или же сильное раздражение, чувство внутренней переполненности, психологический характер чего обнаруживает новый интерес, возникший в XVII веке, ко всему, что испытывается лично. «Утомленный» риском испортить отношения с испанской монархией Людовик XIV согласился на возвращение ко двору мадам дез Юрсен: «Он устал от испытываемых противоречий, беспокоился из-за вызванного ими беспорядка в делах. <...> Его донимали постоянными настоятельными просьбами и предлагаемыми идеями»³³⁷. Маршала де Вильруа под конец жизни «утомил до отвращения двор, при котором он некогда блистал»³³⁸, он отказался от занимаемого поста в пользу сына и «пришел в ужас от опустошения, которое внезапно ощутил»³³⁹. Более банальный случай – история друга Жозефа Севена де Кенси, «усталого скучающего любовника, который общается с дамой сердца только посредством писем»³⁴⁰, потому что

³²⁷ Descartes R. Lettre à Élisabeth. 15 septembre 1645 // Œuvres et lettres. P. 1208.

³²⁸ Ibid.

³²⁹ Id. Lettre à Élisabeth. Juin 1645 // Ibid. P. 1190.

³³⁰ Id. Lettre à Élisabeth. 28 juin 1643 // Ibid. P. 1160.

³³¹ Furetière A. Dictionnaire universel. Статья «Fatiguer».

³³² Thiers J.-B. Traité des jeux et des divertissements. Paris, 1686. P. 353.

³³³ Règlements des religieuses des Ursulines de la congrégation de Paris. Paris, 1705. T. II. P. 31.

³³⁴ Institution des religieuses de l'hôpital de Notre-Dame de la Charité, fondé en la ville de Lille. Tournai, 1696. P. 76.

³³⁵ Шекспир У. Венецианский купец. Акт I, сцена I. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

³³⁶ Shakespeare W. The Merchant of Venice. Act 1. Scene I.

³³⁷ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. IV. P. 322.

³³⁸ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. VI. P. 84.

³³⁹ Ibid. P. 86.

³⁴⁰ Quincy J. S. de. Op. cit. T. II. P. 107.

он слишком отдалился от нее и намеревался с ней расстаться. Еще банальнее, если не сказать тривиальнее, выглядит роженица, у которой «раскалывается голова» от болтовни, ведущейся у ее изголовья»³⁴¹, что описано в сатире 1622 года.

Выражения «устал от...», «наскучило...» входят в язык и становятся общим местом. Физическое утомление переходит в ментальное, от плоти к душе и разуму, вызывает к жизни внутренний мир, настолько же специфический, насколько и малоизученный в своих хитросплетениях. Как бы там ни было, истоки изнурения скрыты, загнаны внутрь, в отличие от «физики» усталости, мобилизующей способность понимать и слушать себя. Используемые при этом глаголы «докучать»³⁴², «мешать», «утомлять» оказывают почти моральное действие. Это видно из замечания Бюсси-Рабютена, сделанного в адрес какого-то корреспондента, от которого он ожидал большей безмятежности: «Вы, вероятно, очень устали с тех пор, как начали делать гадости людям, которые за это мстят»³⁴³. В данном случае мы видим очень индивидуальный анализ, один из аспектов «ощущения», опыта сознания. Это новое малоизученное явление, поэтому продолжает использоваться физическая метафора перегрева, усталости.

Впервые упоминается возможное совпадение видов усталости, которые принято считать различными; в редких до поры до времени, но заслуживающих внимания рассказах говорится об особом типе дня, в конце которого наступает одинаково непреодолимая усталость, несмотря на разницу выполняемых в течение дня задач. Физические действия плюс неопределенные разговоры, бессонные ночи, многочисленные перемещения и постоянные контакты с посторонними людьми – все это высасывает силы. Вот как скрупулезно оценила свою дневную активность Елизавета Шарлотта Пфальцская, принцесса Палатина:

Сегодня я написала длинное письмо тетушке. Поднялась к принцессе де Конти (в ее покои ведут пятьдесят шесть очень высоких ступеней), сходила пешком через сад к госпоже герцогине, потом приняла у себя королеву Англии. И вот я устала как собака³⁴⁴.

Только возросшее в конце XVII века внимание к затраченным усилиям, вплоть до подсчета ступеней лестницы и упоминания о случайных встречах, могло поспособствовать подобному осознанию себя.

³⁴¹ Les Caquets de l'accouchée. Paris, 1855. P. 242.

³⁴² См.: Richelet P. Dictionnaire français. Paris, 1680. Статья «Fatiguer».

³⁴³ Rabutin R. de B. Lettres. Цит. по: Richelet P. Op. cit.

³⁴⁴ Письмо Елизаветы Шарлотты Пфальцской сводной сестре (конец XVII века). Цит. по: Maral A. Louis XIV tel qu'ils l'ont vu. Paris: Omnibus, 2015. P. 561–562.

ГЛАВА 9. ПЕРЕХОД К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ

С наступлением Нового времени спектр различных видов усталости расширился, разнообразились ее формы; помимо физических мук, стали обращать внимание на внутреннюю усталость, тайные смыслы, утомление от мыслительной деятельности, еще плохо сформулированное, но осознаваемое. Другая примета расширения этого спектра – появление количественной оценки. Конечно, не стоит говорить об изобретении какой-то точной дозировки усилий или квантифицированной верификации результатов, но подсчитываются расстояния, время, появляются эталоны, работа измеряется, усталость, на которую раньше не обращали внимания, начинает вызывать опасения.

Путешествие и его длительность

В первую очередь все вышесказанное можно увидеть на примере путешествий. С течением времени горизонты меняются, пусть отдаленные места и кажутся по-прежнему необычными. Поверхность Земли выравнивается. Сама география многих стран становится более гомогенной. «Королевство, которое можно пересечь на лошади не более чем за двадцать пять дней, может похвалиться тем, что имеет все, что требуется, внутри страны и необходимость прибегать к помощи соседей отсутствует»³⁴⁵. Когда в 1599 году Сюлли назначается «главным смотрителем дорог Франции», переходы и переезды профессионализируются³⁴⁶. Жизнь в пути трансформировалась. На «Больших дорогах» начиная со времен Людовика XI существует почтовая служба – почтовые станции, где можно поменять лошадей, «способных скакать галопом на всем перегоне»³⁴⁷, составляющем четыре лье; с 1629 года существует суперинтенданство, регулирующее всю деятельность почтовой службы³⁴⁸ и обязанное следить за тем, чтобы депеши, «время отправки» которых регистрировалось, доставлялись «быстро и надежно»³⁴⁹. Несмотря на то что многие дороги, по признанию интендантов, «пока непроходимы и мало-пригодны для использования»³⁵⁰, тем не менее складывается единая дорожная сеть. Чтобы переезды стали безопаснее, принимаются различные меры предосторожности: согласно предписаниям, королевские дороги во Франции в эпоху классицизма «для свободного и удобного проезда по ним должны быть двадцать четыре фута шириной, без каких бы то ни было изгородей, канав и деревьев»³⁵¹, извозчикам запрещалось запрягать «более четырех лошадей» и во избежание проседания мостовых перевозить по ним «слишком большие грузы»³⁵²; следить за исполнением предписаний полагалось «уполномоченным органов власти виконтств»³⁵³. Художники эпохи Возрождения со многих точек изображали обширные террасы, с которых открывался вид на возделанные бескрайние земли, соединенные дорогами³⁵⁴.

³⁴⁵ Alquié F.-S. d'. Les Délices de la France, avec une description des provinces et des villes du royaume. Amsterdam, 1670. P. 5.

³⁴⁶ См.: Alonzo É. L' Architecture de la voie: histoire et théories. Marseille: Parenthèses, 2018. P. 89.

³⁴⁷ См.: La Mare N. de. De l'établissement des postes en France // Traité de la police. T. IV. P. 556.

³⁴⁸ См.: Corvisier A. Louvois. Paris: Fayard, 1983. P. 223.

³⁴⁹ См.: La Mare N. de. Ordonnance de janvier 1629 // Traité de la police. T. IV. P. 564.

³⁵⁰ La Bourdonnaye Y.-M. de. Mémoire de la généralité de Rouen en 1697 // Boulainvilliers H. de. État de la France. Paris, 1752. T. V. P. 10.

³⁵¹ См.: La Mare N. de. Arrêt pour la modification des chemins de la Normandie. 18 juillet 1670 // Traité de la police. T. IV. P. 499.

³⁵² Ibid.

³⁵³ Ibid.

³⁵⁴ См.: Roger A. L'invention de la fenêtre // Court traité du paysage. P. 83.

Приняв новый смысл, усталость путешественников никуда не ушла, осталась «общим местом»³⁵⁵ – как, например, тряска, которой не удавалось избежать ни в повозках, ни в каретах, придуманных для поездок знати в конце XVI века. Несмотря на то что в 1687 году «жители окрестных приходов»³⁵⁶ в течение долгих месяцев в поте лица улучшали дорогу, переезд в Фонтенбло был для мадам де Ментенон настоящим испытанием: «Я еще не отошла от усталости, вызванной переездом сюда»³⁵⁷. А вот что говорила Мария Манчини о переезде в аббатство Нотр-Дам дю Лис: «Я еще не до конца оправилась от усталости, вызванной нашим утомительным путешествием»³⁵⁸. Это знак того, что чувствительность становится острее, что, вероятно, больше внимания уделяется физической стороне, испытываемому напряжению; длительность поездки вызывает недомогание, движения приводят в состояние шока, качка переносится плохо. Это уже были не средневековые переезды с их неразберихой, неизвестностью, темнотой; теперь воздействие толчков и неровностей более «удобных» дорог можно было измерить. Появляется новая наука, специфическим предметом изучения которой становятся дороги. «Трактат о строительстве дорог»³⁵⁹ Анри Готье – первая работа на эту тему, вышедшая в свет в 1693 году и очень быстро переведенная на итальянский и немецкий языки. Трактат был отнесен к сфере строительного искусства, в нем шла речь о подходящих материалах и планировке дорог, о строительных площадках, дорожном покрытии и фундаменте.

Наконец, дороги, которые все лучше обустривают, по словам Монтеня, все лучше «наряжают»³⁶⁰, могут быть вызовом, как может им оказаться постепенно становящееся обыденным использование лошадей. Более «гладкие» перемещения влекут за собой более высокие требования: путешественники стремятся пройти большее расстояние за меньший срок и удовлетворением от этого пытаются компенсировать усталость – например, у Жозефа Севена де Кенси находим противопоставление пройденного расстояния затраченному времени: «менее чем за десять часов мы преодолели тридцать миль»³⁶¹, а Жан Эро де Гурвиль в 1652 году, доставляя послание из Парижа в Бордо, в подробностях описал, как «сгорали» этапы пути – пройденные лье, часы, дни, ночи, а также как он преодолевал утомление: «в половине одиннадцатого вечера выехал из Сент-Эсташа, в полночь был в Шарантоне, на рассвете – в Льесене, ближе к следующей ночи – в Жьене. Я ехал так быстро, что на завтра прибыл в Сомюр...»³⁶²; возвращался через Овернь – необходимо было взять там письма – и за неделю преодолел сто тридцать лье. Эро де Гурвиль признавал, что устал, и даже настаивал на этом, связывая усталость с желанием «двигаться вперед»: «Несмотря на утомление, я не спал, в результате чего прибыл в Париж, в особняк Шавиньи, в пять часов утра. Но я извинился, сославшись на усталость, ведь я почти не спал с момента отъезда из Ажана, и откланялся»³⁶³. Появился новый тип неутомимости, стремление преодолевать большие расстояния за меньшее время – таким был Великий король в глазах придворных: «Король вернулся в Фонтенбло почти сразу после того, как приехал в Нант. Он был неутомим; а через несколько дней после приезда отправился в Париж верхом на лошади и вернулся оттуда в тот же день, посетив новые здания в Венсенне, а также Лувр и

³⁵⁵ *Requemora-Gros S. Voguer vers la modernité: le voyage à travers les genres au XVIIe siècle. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2012. P. 59.*

³⁵⁶ *Vacant C. Du cantonnier à l'ingénieur: les métiers de la route au fil des siècles. Paris: Presses de l'École nationale des ponts et chaussées, 2001. P. 36.*

³⁵⁷ *Mme de Maintenon. Lettre à Mme des Ursins. 1er septembre 1714 // Lettres inédites de Mme de Maintenon et de Mme la princesse des Ursins. T. III. P. 108.*

³⁵⁸ *Mancini M. Mémoires. Paris: Mercure de France, 1965. P. 101.*

³⁵⁹ *Gautier H. Traité de la construction des chemins. Toulouse, 1693. См. также: Alonzo É. Op. cit. P. 65.*

³⁶⁰ *Montaigne M. de. Journal de voyage en Italie. Paris: Le Livre de Poche, 1974. P. 136.*

³⁶¹ *Quincy J. S. de. Op. cit. T. II. P. 140–141.*

³⁶² *Hérault de Gourville J. Mémoires concernant les affaires auxquelles il a été employé par la cour, depuis 1642 jusqu'en 1698. Paris, 1724. T. I. P. 56.*

³⁶³ *Ibid. P. 71–72.*

Тюильри. Он побывал там утром, отоделал в Сен-Клу у Месье³⁶⁴ и непоздно вернулся в Фонтенбло»³⁶⁵. Неслыханная неутомимость покоряет пространство и время.

Английские скачки, вошедшие в моду в конце XVII века, подтверждают появление подобной неутомимости. Нужны размеченные площадки, специфически «подготовленные» лошади, измерение расстояния и времени: «Англичане, любящие движение, владельцы больших поместий, помногу охотятся, передвигаются быстро и на большие расстояния. Они любят заключать пари по поводу того, какая лошадь придет первой и убежит дальше всех»³⁶⁶. Помимо новых дорожек, нужна особая нагрузка для лошади, «постановка ее дыхания», постепенное приучение к дальности и длительности пробега. Гаспар де Шаваньяк называет это «знанием секрета», говорит о привыкании лошади к уздечке, мундштуку, о тренировочных забегах³⁶⁷. Жак де Солейсель в 1654 году, напротив, говорит об этом как о «науке», о том, что ожидания следует просчитывать: «Начинать надо с небольших дистанций и потом понемногу увеличивать пройденное расстояние: например, в первый день пройти шесть лье, во второй восемь, а потом десять, двенадцать или, если есть необходимость, даже четырнадцать»³⁶⁸. В конечном счете неутомимость лошади на скачках становится едва ли не важнее выносливости всадника. Она достигается за счет выполнения тяжелых упражнений «в малых дозах», постепенных «улучшений», разработанных для скачек, чего в Средние века не было³⁶⁹.

С особой осторожностью надо было относиться к грузам, перевозимым лошадьми. В первую очередь это касалось почтовых лошадей – следовало избегать их изнурения и не «загонять». Предписание от марта 1697 года³⁷⁰ ограничивало багаж всадника одним «сундучком». По решению от 3 июля 1680 года³⁷¹ на почтовой двухколесной повозке разрешалось перевозить одного пассажира и сотню фунтов товара, а согласно решению от 15 января 1698 года максимальное расстояние, которое можно было проехать за день³⁷², ограничивалось двенадцатью или четырнадцатью лье, в зависимости от региона. Целью этих документов было «сохранять лошадей»³⁷³ и по возможности не допускать их усталости.

Работа и правила

В мире труда эквивалент подобных расчетов расстояний, времени и действий появляется не сразу. Нельзя сказать, что не проводилась вообще никакая оценка: в старинных трактатах по сельскому хозяйству присутствуют указания на то, сколько в день может работать косец или сноповязальщик³⁷⁴. Конечно, при традиционном отношении к рабочему времени эти указания неполны и касаются лишь части работ.

В классическую эпоху столкновения по поводу возможного «избыточного» рабочего времени – явление эпизодическое. Жан Никола, проанализировавший четыреста шестьдесят два конфликта, имевших место во Франции между 1661 и 1789 годами, не выявил почти ничего

³⁶⁴ Месье – титул, дававшийся родному брату короля Франции, следующему за ним по старшинству. Здесь имеется в виду Филипп Орлеанский, младший брат Людовика XIV.

³⁶⁵ Choisy F.-T. de. Est-ce que nous ne ferons pas rendre gorge à tous ces gens-la? // Maral A. Op. cit. P. 255.

³⁶⁶ Blomac N. de. La Gloire et le jeu, des hommes et des chevaux, 1766–1866. Paris: Fayard, 1991. P. 19. Замечание относится к XVII веку.

³⁶⁷ Chavagnac G. de. Mémoires. Paris, 1699. P. 235.

³⁶⁸ Solleysel J. de. Le Parfait Maréchal. 1675. P. 141.

³⁶⁹ См. выше, с. 31.

³⁷⁰ См.: La Mare N. de. De l'établissement des relais de louage à la journée: règlement de mars 1699 // Traité de la police. T. IV. P. 599.

³⁷¹ Id. Arrêt du 3 juillet 1680 // Ibid. P. 605.

³⁷² Id. Arrêt du 15 janvier 1698 // Ibid. P. 599.

³⁷³ Des maîtres de poste, leur établissement // Ibid. P. 571.

³⁷⁴ См. выше, с. 50.

подобного³⁷⁵. В комментариях медиков преобладает такая картина: работа ведется с рассвета до захода солнца, без фиксации «точного времени», «земледельцы и ремесленники работают без отдыха с утра до вечера»³⁷⁶.

Забота о «непрерывности» сельскохозяйственного труда еще заметнее в Новое время. Жан Льебо и Шарль Этьен, рассказывая деревенскому дворянину XVI века о том, как надо вести дело, подчеркивают необходимость «непрерывности работ»³⁷⁷. Их указания весьма суровы: надо следить за тем, чтобы «люди не пребывали в праздности, не теряли ни минуты времени и постоянно были заняты каким-нибудь делом»³⁷⁸. Приводятся советы, как сделать, чтобы работники не спали: «давать понюхать уксус, или семена руты, или старый башмак, или ослиную шкуру, или человеческие волосы»³⁷⁹. Требование бороться с «теми, кто пребывает в полусне»³⁸⁰, реальное или воображаемое, выглядит обыденностью, нормой, с которой смиряются.

Тем не менее сопротивление существовало: в частности, крестьяне требовали сокращения барщины, пока сеньоры на протяжении долгого времени, казалось, «имели абсолютную власть» и принуждали «арендаторов к труду когда им было угодно»³⁸¹. К концу XV века сложились правила, которые тут же стали опротестовываться. В 1543 году жители Шальмазеля добились того, что их стали привлекать к принудительным работам шесть раз в год, а не двенадцать, как было прежде, – парламент Парижа принял такое решение³⁸². Несмотря на то что работы не могли больше проводиться «по воле сеньора неопределенное время»³⁸³, их ритм оставался напряженным. В Шожи «окончательным решением» от 13 августа 1675 года³⁸⁴ устанавливалось, что крестьяне работают на сеньора один раз в месяц, тогда как раньше – один раз в неделю. Точно так же по постановлению окружного суда Монбризона от 9 января 1699 года сеньор Шалена мог привлекать крестьян к работам лишь двенадцать раз в год. Очень показательное, но исключительно редко раздававшееся выражение – «Мы устали!»³⁸⁵ – стало девизом восставших против «властей» крестьян Гаскони, Перигора, Керси в 1576 году. «Усталость», конечно, была, но была неотчетливой и обобщенной, – в ней мешались барщина, вред, наносимый войнами, плохая погода, десятины, налог на соль, тальи³⁸⁶ и прочие налоги.

Остаются недооцененными и даже вовсе незамеченными временные принуждения, которым подвергаются ремесленники. Остается также некоторая заикленность на зарплатах. Таков, например, был бунт парижских каменщиков в июне 1660 года, требовавших повышения дневного заработка: «но решением двора на работу были взяты заключенные, и опасность вроде бы миновала»³⁸⁷. Иногда следовала бурная реакция на снижение «дневного заработка»³⁸⁸ на один су. Это не ускользает от внимания к продолжительности рабочего дня: «как отмечает большинство „меркантилистов“, чтобы заставить рабочих работать, нужно им мало

³⁷⁵ См.: *Nicolas J. La Rébellion française: mouvements populaires et conscience sociale, 1661–1789. Paris: Seuil, 2002.*

³⁷⁶ *Chesne J. du. Op. cit. P. 335.*

³⁷⁷ *Estienne C., Liebault J. L' Agriculture et maison rustique. Paris, 1582. P. 12.*

³⁷⁸ *Ibid. P. 19.*

³⁷⁹ *Ibid. P. 23.*

³⁸⁰ *Ibid.*

³⁸¹ См.: *Henrys C. Des corvées, charrois et manœuvres // Œuvres. Paris, 1708. T. I. P. 303.*

³⁸² См.: *La Poix de Freminville E. de. La Pratique universelle pour la rénovation des terriers et des droits seigneuriaux. Paris, 1748. T. II. P. 512.*

³⁸³ *Ibid. P. 517.*

³⁸⁴ *Ibid. P. 513.*

³⁸⁵ См.: *Moriceau J.-M. La Mémoire des croquants: chroniques de la France des campagnes, 1435–1652. Paris: Tallandier, 2018. P. 288.*

³⁸⁶ Талья – прямой налог с крепостных в пользу сеньора или с горожан в пользу короля.

³⁸⁷ *Patin G. Lettre du 8 juin 1660. См.: Mongredien G. La Vie quotidienne sous Louis XIV. Paris: Hachette, 1948. P. 136.*

³⁸⁸ *Ibid.*

платить»³⁸⁹. Получение более высокой прибыли могло бы быть залогом снижения продолжительности рабочего времени. Именно на этой почве возникает треть конфликтов, изученных Жаном Никола³⁹⁰.

И все же в Новое время возникают некие новшества. В первую очередь они касаются появления все большего количества правил, применяемых к работе. Ведутся наблюдения, постоянно проводятся проверки, пусть и не имеющие отношения к усталости работников. Это подтверждают появившиеся в Великий век мануфактуры – институции, впервые объединившие «многих рабочих, занимающихся одним и тем же делом»³⁹¹. В их основе лежат строгие принципы, установленные в 1629 году и применяемые «контролерами-посетителями-маркировщиками»³⁹². Их цель – поднять производительность труда. Заботило их в первую очередь состояние продукции и гораздо в меньшей степени – трудности и страдания «производителей». Это лучше всего видно из уложения от 1669 года, регламентирующего текстильные мануфактуры: какими должны быть «длина, ширина и качество сукна, саржи и других шерстяных тканей и нити»³⁹³. «Скрупулезно описывались»³⁹⁴ количество нитей, их переплетение, мягкость сукна; перерывы в работе по-прежнему допускались только технические. Следить за соблюдением или несоблюдением «вышеназванного регламента»³⁹⁵ полагалось инспекторам или «присяжной гвардии». Возможная усталость по-прежнему в тени. Это подтверждает Пьер Губер, изучавший свидетельства ткачей из Бовэ: «Прежде всего надо говорить не о продолжительности рабочего дня ткачей, работающих с шерстью, и не об антисанитарии, царящей в мастерских, – подобные условия наблюдались тогда почти повсеместно и, как представляется, не вызывали нареканий со стороны тех, кто в них находился, так как, вероятно, они не подозревали, что может быть иначе»³⁹⁶. Делалось слишком много лишних жестов, движений всего тела, бессмысленных усилий и трудозатрат.

Знаменательный, хотя и еще пока не очень распространенный момент: в 1666 году в Амьене текстильщикам предоставлялся «отдых» – их работа заключалась в том, что они очень подолгу топтали ногами сукно в смеси мочи и воды, чтобы как можно лучше обезжирить его, сделать мягче и плотнее. Их работа регламентируется в количественном отношении: «Хозяева ткацких предприятий обязаны менять рабочих после того, как они обработают четыре партии сукна в день, в противном случае им грозит штраф в двадцать су»³⁹⁷. Перед нами редкий пример того, что на законодательном уровне ритм и последовательность действий начинает задавать усталость. Проверяющие же, повторим, озабочены в первую очередь «требуемым качеством»³⁹⁸ производимой продукции.

Работа и появление «механики»

С началом XVI века очень медленно появляется заинтересованность в «механике» и возникают вопросы «теоретического» плана, до сих пор остававшиеся без внимания. Здесь не

³⁸⁹ Maitte C., Terrier D. Conflits et résistances autour du temps de travail avant l'industrialisation // Temporalités.

³⁹⁰ См.: Nicolas J. Цит. по: Maitte C., Terrier D. Op. cit.

³⁹¹ Furetière A. Dictionnaire universel. Статья «Manufacture».

³⁹² См.: Verge-Franceschi M. Colbert, la politique du bon sens. Paris: Payot, 2003. P. 347.

³⁹³ Règlements et statuts généraux pour les longueurs, largeurs et qualités des draps, serges et autres étoffes de laine et de fil. Paris, août 1668 // Recueil des règlements généraux et particuliers concernant les manufactures du royaume. Paris, 1730.

³⁹⁴ Martin G. La Grande Industrie sous le règne de Louis XIV. Paris: Arthur Rousseau, 1899. P. 164.

³⁹⁵ Ibid.

³⁹⁶ Goubert P. Cent Mille Provinciaux au XVIIe siècle: Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Paris: Flammarion, 1968. P. 334.

³⁹⁷ Statuts et règlements sayeteurs, hauelessiers, houpriers, foulons et autres ouvriers faisant partie de la manufacture d'Amiens. Paris, 23 août 1666, art. 132 // Recueil des règlements généraux... P. 247.

³⁹⁸ «Attribution aux maires et échevins des villes... concernant les manufactures», août 1669, art. 1 // Ibid. P. 1.

обходится без воображения, что заметно по трудам Сципиона Дюпле: в 1623 году он сравнивал ходьбу и бег и усталость, вызванную бегом, приписывал тому лишь факту, что, в противоположность ходьбе, «тело при этом почти все время находится в воздухе, не имея возможности расслабиться и на что-то опереться»³⁹⁹. Эта мысль в меньшей степени опирается на физику, чем на интуицию и расчеты, и, вследствие пренебрежения сокращением мускулов и отталкиванием, не отражает реального положения дел.

Как бы там ни было, постоянно нарастает стремление к объективности. Джероламо Кардано в 1550 году одним из первых попытался рассчитать разницу между усталостью от перемещения по равнине и усталостью от перемещения по горным дорогам: «При подъеме в гору на пятьсот шагов человек затрачивает больше усилий, чем на четыре тысячи шагов, идя по ровной дороге»⁴⁰⁰. Расчет как будто бы точный, хотя пока не разъясненный, но Кардано принимает во внимание тот факт, что «тело никоим образом не поднимается», тогда как на подъеме «его приходится поднимать на высоту ступеней»⁴⁰¹. Отсюда – небывалое внимание к частям тела, к грузу, который приходится переносить, к шагам. Художники вслед за Леонардо да Винчи задаются вопросом о различных ситуациях, когда совершаются усилия, их последствиях, о телесных линиях, об изгибах, о средствах воздействия на предметы⁴⁰². Андре Фелибьен, давая советы в XVII веке, сделал важнейшее замечание: «Чем дальше от центра равновесия находится часть тела, прилагающая то или иное усилие, тем более значительным это усилие кажется, и именно так его надо изображать»⁴⁰³.

В XVII веке механика становится «наукой о машинах», исследует силы, рычаги, оси или плоскости. Старый мир, где все было «приблизительно», переходит к большей фиксированности⁴⁰⁴. Бурный, по сравнению с небесами, земной мир тоже может быть упорядочен, подсчитан. Планеты перестают быть единственным примером точности. Ежедневные векторы поверяются геометрией. Физическое благополучие дифференцируется в зависимости от выбранной системы координат. Законы могут унифицировать места и предметы. Галилей подчеркивал «усталость», вызываемую спуском по лестнице (а не только подъемом), связанную с работой мускулов, переносящих вес скелета⁴⁰⁵. Несколькими десятилетиями позже Альфонсо Борелли, давая определение «центру тяжести» тела, обращает внимание на то, что груз, переносимый вертикально по отношению к этому центру, менее тяжел, нежели груз, переносимый вне его, и приводит при этом расчеты⁴⁰⁶. Даниель Товри в 1680 году, говоря о рычагах, упоминает, что держать предмет в вытянутой руке тяжелее, чем в согнутой⁴⁰⁷. Наконец, Филипп де Ла Гир, член Королевской академии наук, оценивая эффективность рычагов и лебедок, рассчитал их окружность и длину и продемонстрировал, что, зная эти цифры, можно уменьшить затрачиваемые телесные усилия. В центре размышлений – экономия расходуемых мускульных усилий. Огромные машины дают возможность людям сохранять силы, одной лишь массой тела заставляя двигаться зубчатые колеса, приводящие в действие блоки (подъемные механизмы). Большие рычаги наводят на мысли о мужчинах, которые стоя толкают их, тем самым повышая эффективность этих рычагов. Шестеренки разного диаметра, оси разной толщины дают выигрыш в требуемой физической мощности: «Чем толще канат и чем меньше колесо, тем

³⁹⁹ Dupleix S. Op. cit. P. 52.

⁴⁰⁰ Cardan J. De la subtilité et subtiles inventions. Paris, 1566. P. 428.

⁴⁰¹ Ibid.

⁴⁰² Vinci L. de. Du mouvement de l'homme // Traité de la peinture. Paris, 1796. P. 152.

⁴⁰³ Félibien A. Entretiens sur les vies et sur les ouvrages des plus excellents peintres anciens et modernes. Paris, 1725. T. II. P. 540.

⁴⁰⁴ См. выше, с. 24.

⁴⁰⁵ Galilei G. Le Opere. Milan, 1811. T. 11. P. 564.

⁴⁰⁶ Borelli G. A. De motu animalium. Rome, 1680. P. 293.

⁴⁰⁷ Taurvy D. Nouvelle Anatomie raisonnée où l'on explique les usages de la structure du corps de l'homme. Paris, 1698. P. 395.

большее усилие потребуется, чтобы сдвинуть или держать в подвешенном состоянии груз»⁴⁰⁸. Так на вопрос о толщине и тонкости ответил Филипп де Ла Гир в беседе с королем Англии Яковом II, когда тот в 1690 году посещал Парижскую обсерваторию и поинтересовался, как «лучше всего использовать силу» лебедки⁴⁰⁹. Это был знаменательный ответ, достаточно аргументированный для того, чтобы Элен Даффо-Диого усмотрела в нем зачатки эргономики⁴¹⁰. Таким образом, с наступлением Нового времени тело механизмуется, начинают учитываться углы и векторы, рождаются теории, усилия иерархизируются, перенос и размещение грузов на земле дифференцируются. Вместе с тем трудно оценить влияние этого процесса на мир труда, даже несмотря на распространение подъемных кранов, лебедок, «механических» перемещений грузов. На многочисленных тонко проработанных гравюрах мы видим в большей мере почти абстрактную геометрию, а не геометрию мастерских. Изображения людей и частей их тела были нечеткими. Больше внимание уделялось осям и моторам, передвигавшим предметы, а не задействованным при этом мускулам. «Человек-мотор» упоминался или изображался редко; в основном на гравюрах присутствуют машины. И тем не менее мы видим рождение культуры, более физической, более просчитываемой, скорее устремленной в будущее, чем применяемой здесь и сейчас, эффект от этой культуры вскоре приведет к значительной переоценке ценностей.

Труд и первые точные расчеты

Понять сложившуюся ситуацию помогает контекст, а именно направленная на повышение производительности политика кольтертизма⁴¹¹ и стремление снизить расходы короны. В качестве иллюстрации к этому контексту можно назвать проекты «монументального» назначения, существовавшие во второй половине XVII века, например имевшую место в 1686 году попытку повернуть воды реки Эр в районе Ментенона и направить их в Версаль, создав «величественный акведук»⁴¹², перенести большие объемы земли, переделать долины, укрепить опоры мостов. Просьба, с которой Лувуа обратился к авторитетному и опытному Вобану, конкретна, оценочна и требует расчетов: «Необходимо взвесить семьсот-восемьсот тысяч кубических туа⁴¹³ земли; вы доставите мне удовольствие, если определите количество рабочих, требуемых для перемещения земли за три года, приняв в расчет, что работы будут начинаться 1 апреля и заканчиваться 15 ноября каждого года»⁴¹⁴.

Это очень отличается как от средневековых порядков, так и от запроса, высказанного несколькими десятилетиями ранее, в 1638 году, герцогом Ришелье, попросившим своих генералов провести разнообразные работы по строительству укреплений на площадях городов Казале и Пинероло и при этом не потребовавшим никаких предварительных расчетов затрат: «Я буду очень рад, если вы возведете укрепления площадей; вы получите на это деньги, сколько бы вам ни понадобилось»⁴¹⁵.

⁴⁰⁸ La Hire P. de. *Traité de mécanique*. Paris, 1729. P. 142.

⁴⁰⁹ См.: Daffos-Diogo H. Philippe de La Hire (1640–1718), précurseur de l'ergonomie: Communication présentée à la séance du 28 mars 1987 de la Société française d'histoire de la médecine.

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Кольтертизм – связанные с именем Ж.-Б. Кольтера правительственные меры по стимулированию активного торгового баланса во Франции; разновидность меркантилизма.

⁴¹² Virol M. La recherche d'une norme de productivité // *Les Oisivetés de Monsieur de Vauban*. P. 1634.

⁴¹³ Туаза – старинная французская мера длины, составлявшая шесть футов, т. е. около двух метров.

⁴¹⁴ Louvois. Lettre à Vauban. 7 février 1685. Цит. по: Rousset C. *Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire*. Paris, 1863. T. III. P. 389.

⁴¹⁵ Richelieu. Lettre au cardinal de La Valette (1638) // *Lettres du cardinal duc de Richelieu*. Paris, 1696. T. I. P. 178.

Перед Лувуа стоял также вопрос о зарплате и ее предварительной оценке, землекопам принято было «платить за кубическую туазу перенесенной земли»⁴¹⁶. Дать на этот вопрос хотя бы приблизительный ответ практически невозможно, но министру нужны цифры: каковы трудозатраты рабочего и их цена, каков результат работы и сколько времени потребуется на ее выполнение. Также нужно было думать о побочных эффектах – чрезмерных государственных затратах и бессмысленном физическом изнурении. Отсюда – настойчивый интерес Лувуа к цифрам: требование установки «смен по пятнадцать человек»⁴¹⁷ и их регулярного чередования, отчета о количестве занятых рабочих, о количестве перенесенной земли, о согласованных расходах. Закладываются основы протоколирования работ и ревизии. Собираются данные и отчеты, Вобан комментирует их. Становится очевидным, что результаты работы варьируются в зависимости от групп рабочих и мастерских. Работы выполняются нерегулярно, то же касается цен. Ситуация была сложной: предприятие оказалось слишком большим и распадалось, начались эпидемии, а с ними пришло уныние. В 1688 году работы прекратились. Сен-Симон связывал крах предприятия с опасными испарениями, шедшими от земли: рабочие «умирали от тяжелой работы и поднимавшихся от потревоженной земли вредных газов»⁴¹⁸. Вобан же считал необходимым вернуться к расчетам и попытаться более рационально подойти к оценке предстоящих усилий и организации работ: оценивать риски на основе наблюдений. Подобные эксперименты раньше не проводились.

Возникают новые вопросы: как унифицировать данные? Как добиться стабильных результатов труда, избегая при этом переутомления работников? Эльзасские стройки 1688 года стали поводом для возобновления экспертиз: стройки были масштабными, от них многого ждали, цели их имели прежде всего стратегическое значение. Опустошение палатината⁴¹⁹, стремление французов к экспансии, угроза возвращения имперцев, т. е. германских солдат, делали усиление защиты восточных рубежей военными методами важнейшей задачей, работы требовалось завершить как можно скорее. При Вобане были обустроены Мон-Руаяль, Порт-Луи, Бельфор, Фальсбур, а также усовершенствован проект, начатый вблизи Ментенона: необходимо было «определить правдоподобную норму выработки», оценить, «какое количество работы может выполнить один человек в течение дня»⁴²⁰. Это стабилизировало бы цены и вместе с тем позволило бы восстанавливать физические силы рабочих. Эльзасское предприятие, где велись земляные работы и рабочие, перемещая землю, совершали одни и те же действия, благоприятствовало решению такой задачи. По всей вероятности, предварительно не делались никакие расчеты, но Вобан стремился определить среднюю выработку, что упростило бы эти расчеты: регистрировалось количество тачек земли, вывозимой одним «не очень сильным»⁴²¹ рабочим, который, как предполагалось, регулярно совершал одни и те же действия и усилия. Инженер Ги Крёзе де Ришран систематизирует данные начиная со строительства форта Сен-Луи – подобная работа раньше никогда не проводилась.

Будущий маршал Франции, сопоставив количественные данные, предположил, что «для перевозки одной кубической туазы земли [7,39 кубометра] требуется 220–233 тачки»⁴²². Сравнив эти результаты с их реализацией в долгосрочной перспективе, он сделал вывод, что одному человеку потребуется 11 часов, т. е. один рабочий день, чтобы выкопать 2 туазы «рыхлой земли», и 11 часов, чтобы толкать тачку (в оба конца) на расстояние 30 километров по равнине, а если дорога идет в гору – 19,5 километра. Таким образом, определяется норма

⁴¹⁶ Virol M. Op. cit.

⁴¹⁷ Ibid.

⁴¹⁸ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. XIII. P. 88.

⁴¹⁹ Палатинат – в Средние века название ряда территорий, управлявшихся властями со статусом графов-палатинов.

⁴²⁰ Virol M. Op. cit. P. 1633.

⁴²¹ Ibid.

⁴²² Ibid. P. 1634.

выработки, служащая двум целям: установить расценки и выработать эталонное значение результата работы. Трудоемкость рабочего процесса и суровость таких мер во внимание не принимались, и вопрос о «предусматриваемом» выполнении работ и их ходе, таким образом, можно было считать решенным. В зависимости от сопротивляемости и «консистенции» переносимой земли или глубины, с которой она извлекалась, были различия – они также просчитывались; учитывалось и то, что иногда требовался дополнительный набор рабочих, если почва оказывалась очень сложной для транспортировки. Другие различия касались времени отдыха и ожидаемой эффективности работы⁴²³. Вобан впервые стремился установить единые критерии для земляных работ, вычислить наилучший результат, которого можно достичь без изнурения рабочих: «Я полагаю, что можно установить следующий график работы: начинать в пять часов утра и работать до восьми, с восьми до девяти делать перерыв, потом работать с девяти часов до полудня, затем снова делать перерыв до двух часов, с двух часов работать до семи часов вечера. Таким образом, получается десять часов работы и три часа отдыха в течение дня»⁴²⁴,⁴²⁵. Подобное распределение рабочего времени тем более важно, что прежние декреты предписывали работать «с четырех часов утра до шести вечера, т. е. четырнадцать часов»⁴²⁶, перерывы не указывались; еще более важное новшество – различия в продолжительности рабочего дня в летнее и в зимнее время: зимой оно сокращалось до семи часов. Методика Вобана, таким образом, вносила четкость в сферу, в которой раньше руководствовались интуицией и где царила приблизительность; она была «новаторской», понятным образом отделяя то, что допустимо, от того, что чрезмерно:

В четыре зимних месяца можно будет сделать покороче обеды и полдни, а рабочее время сократить до семи часов, в течение которых, я убежден, из-за плохой погоды и холодов рабочие будут выполнять лишь половину летней нормы; я придерживаюсь мнения, что не следует требовать большего от солдата, перед которым стоят определенные задачи. <...> Заставлять людей работать больше – значит перегружать их и подвергать опасности заболеть; работая зимой больше, они долго не продержатся⁴²⁷.

Результат небывалый, демонстрирующий возможности, их пределы и обоснованность. Цифры регулировали действия, их продолжительность, сэкономленные усилия. Тем не менее это была малораспространенная, к тому же эмпирическая процедура, применявшаяся лишь в одной сфере деятельности, остальное оставалось в тени. Не оговаривались и многочисленные различия между несчастными случаями на площадке, различные местности, склоны, рельеф; наконец, ничего не говорится о том, что подразумевается под «средним усилием». Конечно, эта процедура выявляла возникшее внимание к определению количества работы, как и трудности в преодолении бесчисленных вариантов определения того, что есть работа. Отсюда – очевидность «нехватки», невозможность проверки данных: неизбежные «колебания», слабость расчетов, несмотря на стремление использовать их. Вобан совершил прорыв в области точных сведений, все еще прибегая к оценке «на глаз». При этом новация не теряет своего исторического значения. Человек, строивший крепости и укрепления, превратил обширные пространства, на которых велись земляные работы, в обследованные и учтенные территории. Никогда прежде работа не изучалась подобным образом.

⁴²³ *Le Prestre de Vauban S. Règlement fait en Alsace pour le prix que les entrepreneurs doivent payer aux soldats employés aux transports et remuement des terres de la fortification des places de Sa Majesté // Les Oisivetés de Monsieur de Vauban. P. 1642.*

⁴²⁴ Вероятно, ошибка Вобана или Вигарелло: получается не десять, а одиннадцать часов работы.

⁴²⁵ *Ibid.* P. 1656.

⁴²⁶ *Ibid.*

⁴²⁷ *Ibid.*

ГЛАВА 10. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Время идет, и мир усталости меняется – появляются новые ее степени, новые классификации, попытки просчитывать ее. Усталость изучается, разбивается на категории. Уделяется внимание последствиям усталости, ее следам, возможным заболеваниям, связанным с перегрузками. «Классические» методики изучения этого вопроса обновляются, но по-прежнему связаны с наблюдением за последствиями усталости. Приобретают важность остаточные явления, как в количественном отношении, так и в качественном.

«Болезненное» привыкание

Физическая активность и в особенности вызванная ею временная усталость оставляют на теле следы. В XVII веке появляются свидетельства, поначалу редкие, но важные, о мышечных судорогах после продолжительного совершения усилий, о непонятных болях и подергиваниях. Впервые говорится о расстройствах и «шоке», связанных с отсутствием привычки. Эти расстройства упоминаются как «боли», «стеснения», «напряжение». Прекрасный пример тому – путешествие двух молодых голландцев в Париж в середине XVII века. Оба они описывают посещение школ верховой езды, где им приходилось делать множество непривычных движений, после чего появились неожиданные последствия: онемения, местные болевые ощущения:

Мы ежедневно ездим верхом на трех лошадях, не считая катания по кругу. Выполнять это упражнение поначалу так трудно, что мы не можем приступить ни к какому другому, пока боль в бедрах не пройдет; она настолько сильна, что мы с трудом можем ходить; утешая нас, преподаватель сказал, что боль продержится в течение двух недель, как в результате и оказалось⁴²⁸.

Никакого изучения этих симптомов – по правде говоря, не очень специфических – пока не было, но благодаря беспрецедентной чувствительности они начинают занимать определенное место. Франсуа де Рабютен даже полагает, что множество солдат под Мецем и Люневилем в 1551 году погибли от жестокой нагрузки после длительного периода бездействия: они «слишком долго предавались праздности и сладострастию», что не смогло подготовить их к марш-броску, требовавшему «длительных тренировок»⁴²⁹. Так закладывается серьезный аргумент, указывающий на конкретные последствия отсутствия подготовки – появление травм и телесной слабости после предварительно не отработанной нагрузки.

«Патология» как исключение

В более широком отношении последствия любого изнурения выглядят уже лучше исследованными. Возникают связи, появляется множество разнообразных объяснений. При этом нельзя сказать, что в Европе классического периода меняются представления о теле, состоящем из жидкостей, или о том, что эти жидкости вследствие усталости покидают организм, но более пристальное внимание к последствиям усталости, пусть и субъективное, разнообразит производимый ею эффект.

Имевшиеся многочисленные факты были разрозненны: в 1572 году в возрасте сорока четырех лет умерла королева Наварры, и эту смерть объясняли усилиями, вызванными «чрез-

⁴²⁸ Villers P. de. Journal de voyage de deux jeunes Hollandais à Paris en 1656–1658, publié par Armand-Prosper Faugere. Paris: Honoré Champion, 1899. P. 84.

⁴²⁹ Rabutin F. de. Commentaires des dernières guerres en la Gaule Belgique (1551–1559) // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 2e série. T. VII. P. 412.

мерной работой» – подготовкой к свадьбе сына⁴³⁰; у Генриха III внезапно заболели уши – это связали с разнообразными чрезмерными физическими усилиями: «проводил ночи напролет, переодеваясь и гримируясь и занимаясь прочими бесполезными для здоровья делами»⁴³¹; у герцога Беррийского в 1698 году случилось «носовое кровотечение» – это объясняли тем, что он «перегрелся, охотясь на куропаток»⁴³². Логика этих неожиданных симптомов связана с представлениями о каком-то гуморальном бурлении. В то же время уделяется большее внимание «выходящим из берегов» жидкостям и связанным с этим серьезным и неожиданным осложнением: «люмбаго», например, с точки зрения итальянского врача Джорджо Бальиви, было не чем иным, как истечением «крови из мышц»⁴³³ после чрезмерного усилия. Из подобных выводов рождается дополнительная опасность – холодные напитки. Появляются рассказы о «пневмониях» или о «внезапно свернувшейся крови» у тех, кто «после тяжелой физической нагрузки пьет много холодной воды»⁴³⁴. В 1646 году Лазар Ривьер пространно описал это, и мы видим, что разнообразие возможных нарушений, как и проблематика вопроса, приводили медиков в некоторое замешательство:

У пятидесятилетнего жителя города Монпелье господина Пети, обладавшего холерическим темпераментом, находившегося в раздражении от обилия дел и забот и вследствие множественных симптомов ипохондрической меланхолии, под правой ключицей обнаружилась сильно пульсировавшая опухоль размером с половину яйца, мягкая на ощупь и такого же цвета, как остальная кожа; было решено, что это неизлечимая аневризма⁴³⁵.

Некоторые органы более уязвимы. Сердце «изнашивается от неумеренной нагрузки, слишком сильной жары, купаний, любовных утех, распутства, злоупотребления крепкими напитками, ссор»⁴³⁶; легким, склонным к воспалению, угрожают «купания, физическая нагрузка, гнев»⁴³⁷, мозгу – «солнечное тепло, чрезмерная физическая нагрузка, все, что может привести в движение или согреть гуморы»⁴³⁸. Таким образом, мы видим целый комплекс причин, бичующих жару, мешающих в одну кучу купание, усталость, любовные излишества.

Гораздо реже упоминаются и пока мало ценятся усилия, совершаемые при работе, и их последствия, но о них говорится в первую очередь в медицинской литературе. Георгий Агрикола, врач из богемского города Иохимсталь, внимательный наблюдатель за местными шахтами, в середине XVI века описывал «страдания» и «болезни» шахтеров, «людей грубых, с детства привыкших трудиться»⁴³⁹. Упоминаемые им «боли» преобладали над усталостью: астма, проблемы с легкими, язвы, воспаления глаз, утопления, падения; упоминались даже демоны-разрушители, иногда появлявшиеся на отдаленных галереях. Несколькими десятилетиями позже Франсуа Раншен с тем же вниманием описывал «страдания» и «болезни» тех, кто «очень быстро ездил». Остаются все те же патологии: «неприятные ранки на ягодицах», «жжение при мочеиспускании», «разгоряченная кровь», «рассеянность» или даже нарушения

⁴³⁰ L'Estoile P. de. Journal (1574–1611) // Op. cit. T. I. P. 24.

⁴³¹ Ibid. P. 19.

⁴³² Quincy J. S. de. Op. cit. T. I. P. 83.

⁴³³ Baglivi G. Opera omnia, medico practica et anatomica. Lugduni, 1710. P. 116. См. также: Tourtelle É. Éléments de médecine théorique et pratique. Strasbourg, an VII. T. II. P. 306.

⁴³⁴ Ettmüller M. E. Pratique générale de médecine et de tout le corps humain. Paris, 1691. P. 292.

⁴³⁵ Rivière L. Observationes medicae et curationes insignes. Paris, 1646. Пер. на фр.: F. Deboze, Lyon, 1688. Obs. 34. Centurie IV. P. 448.

⁴³⁶ Fernel J. La Pathologie. Paris, 1661. P. 389.

⁴³⁷ Ibid. P. 378.

⁴³⁸ Ibid. P. 320.

⁴³⁹ Georgius Agricola. De re metallica, 1541. Цит. по: Angel M. Mines et fonderies au XVIe siècle. Paris: Les Belles Lettres, 1989. P. 50.

зрения, вызванные тряской; в то же время какие-то продолжительные усилия наносили меньший ущерб⁴⁴⁰. В конце классической эпохи похожее видение профессиональных заболеваний находим в составленном Бернардино Рамаццини внушительном их описании⁴⁴¹. В него вошли явные, интенсивные, жгучие боли. Люди, работающие стоя – столяры, каменщики, металлосты, скульпторы, – подвержены «варикозу и язвам», вызванным застоем «артериального и венозного кровообращения»⁴⁴². Шахтеры вдыхают идущие из земли «металлические миазмы». Бегуны, сопровождающие лошадей или кареты знати (это было принято вплоть до XVII века), страдают от болезней «органов дыхания», возникающих вследствие «перегрева, вызванного бегом». Наконец, садоводы подвержены «кахексии и отекам»⁴⁴³ из-за постоянной влажности садов. Один недуг цеплялся к другому, наиболее явные напрямую ассоциировались с профессией и ее «особенностями», в меньшей степени – с общей слабостью и с потерей сил. При этом усталость, вызванная рабочей ситуацией, как и усилия вообще, во внимание не принималась.

Проблемы, вызванные обезвоживанием

На этом фоне постоянно подчеркивалась роль обезвоживания, связанного с потерей жидкостей (гуморов). Вот что писал Франсуа Бернье, путешествовавший по стране моголов в 1650-х годах: «За эти восемь или девять дней пути с потом вышли все жидкости. Мое тело превратилось в настоящее решето и совершенно иссохло, потому что я не выпил и пинты воды (ее не было), и при этом видел, как жидкость, подобно росе, выступает на всем моем теле, вплоть до кончиков пальцев. Думаю, что сегодня я выпил более десяти пинт»⁴⁴⁴. Мы видим картину неумолимой потери жидкости. А вот что писал Робер Шалль, в конце XVII века отправившийся в «Восточную Индию» на корабле «Риф»: «Жара мешала дышать, дыхание обжигало внутренности»⁴⁴⁵, и «едва ступив на землю, мы купали воду»⁴⁴⁶.

То же самое находим у мадам де Севинье, привилегированной свидетельницы жизни элиты: она описывает множество причин перегрева и возникающего вследствие этого упадка сил, своеобразного знака возросшей чувствительности у представителей высшего общества: солнце Прованса, превращающее «в печь»⁴⁴⁷ спальню мадам де Гриньян, игру в шахматы, которая, «развлекая, наносит вред»⁴⁴⁸, горячие напитки, недостаточное питание, склоненную позу при письме, которая «убивает грудь»⁴⁴⁹, авиньонский воздух, «воспламеняющий горло»⁴⁵⁰, ветер Гриньяна, «мешающий спать»⁴⁵¹, банальнейшую «суету дней»⁴⁵². Это главный пример того, как множатся ситуации, дела, положения, обнажающие внутреннюю сухость и обезвоживание, в то время как ни один объективный признак не подтверждает этого и у свидетелей «попроще» не находится ничего подобного и потеря жидкости связывается лишь с теплом. В конечном счете из-под ее пера выходит вот такой сложный, синтетический образ, состоящий

⁴⁴⁰ *Ranchin F.* Traité des maladies et accidents qui arrivent à ceux qui courent la poste. Lyon, 1640. P. 656–658.

⁴⁴¹ См.: *Ramazzini B.* Op. cit.

⁴⁴² *Ibid.* P. 112.

⁴⁴³ *Ibid.* P. 132.

⁴⁴⁴ *Un libertin dans l'Inde moghole: les voyages de François Bernier, 1656–1669.* Paris: Chandeigne, 2008. P. 400.

⁴⁴⁵ *Challe R.* Journal d'un voyage fait aux Indes orientales, 1690–1691. Paris: Mercure de France, 1979. P. 165.

⁴⁴⁶ *Ibid.* P. 192.

⁴⁴⁷ *Mme de Sévigné.* Lettre du 18 juin 1677 // *Correspondance.* T. II. P. 470.

⁴⁴⁸ *Id.* Lettre du 23 avril 1690 // Op. cit. T. III. P. 869.

⁴⁴⁹ *Id.* Lettre du 5 novembre 1684 // *Ibid.* P. 152.

⁴⁵⁰ *Id.* Lettre du 13 juillet 1689 // *Ibid.* P. 640.

⁴⁵¹ *Id.* Lettre du 19 avril 1689 // *Ibid.* P. 580.

⁴⁵² *Id.* Lettre du 30 octobre 1689 // *Ibid.* P. 740.

из «ожогов», «расходования» и «исчезновения»: «Мне кажется, что вы не спите, не едите, что ваша кровь перегревается, что вы поглощаете себя изнутри, съедая глаза и мозг»⁴⁵³.

«Тайные» дела

Наконец, в Новое время в потере сил все чаще обвиняются любовные утехы: «сильная» усталость, как принято считать, ведет к импотенции. Таково было чрезвычайное усилие Агриппы д'Обинье, который в 1572 году, будучи раненым, проскакал двадцать два лье и «без чувств и без сил»⁴⁵⁴ упал «в объятия» любовницы.

Чаще всего упоминаются последствия сексуальной несдержанности: вернуть затраченные на любовные утехы силы поможет завтрак, состоящий из «бульона и двух свежих яиц»⁴⁵⁵; необходимы также еда и отдых, духи и хорошее вино, конфитюры и конфеты – все это должно восстановить «утомленное тело»⁴⁵⁶. Эта усталость описывается без подробностей, но тем не менее представляется ужасной. У Таллемана де Рео находим историю некой мадам де Шампре, которая довела мужа до смерти: «Она была красива и соблазнительна; поговаривали, что она постоянно приставала к мужу, так что он долго не протянул»⁴⁵⁷. Тем же объясняют кончину Людовика XII в январе 1515 года: 9 октября 1514 года в возрасте пятидесяти двух лет он женился во второй раз на Марии Тюдор, молоденькой сестре английского короля Генриха VIII. Связь между этими двумя событиями кажется неопровержимой: «Он стремился быть хорошим супругом своей жене, но заблуждался – он не был приспособлен для этих дел. <... > Врачи говорили, что если он не прекратит эти игры, то умрет»⁴⁵⁸. Вероятно, в данном случае надо принять во внимание возраст, весьма распространенную мизогинию и переутомление от тайных утех. В XVI веке «трактаты» писателей и ученых полны «нравоучительных примеров» о людях, которые из-за «сладострастия» потеряли «силу и саму жизнь»⁴⁵⁹, в частности о Соломоне, которого «любовь к женщинам» превратила из «мудреца» в «развратника»⁴⁶⁰. Рассказывается также о некоторых животных, краткость жизни которых объясняется «чрезмерной похотью». Воробьи, например, по мнению Сципиона Дюпле, живут всего лишь один год, потому что совокупляются с самками по двадцать раз в день⁴⁶¹. Вывод не удивителен: «По этой причине похотливые и сластолюбивые мужчины живут меньше остальных»⁴⁶².

Отсюда же – мнение, что крепость тела связана с воздержанием. Пример этого – граф Луи Диасет, о котором в конце XVI века с восторгом упоминал Жак де Ту:

Когда его убили, ему было больше шестидесяти лет; но так как с юных лет он воздерживался от удовольствий, свойственных молодым людям, здоровье его было так крепко, что в свои годы он спал в комнате, продуваемой всеми ветрами, в кровати без балдахина и занавесок; ему были не страшны ни холод, ни сырость, ни туманы; он говорил, что в эти тяжелые времена его силы сберегает Бог⁴⁶³.

⁴⁵³ *Id.* Lettre du 6 octobre 1680 // *Ibid.* P. 33.

⁴⁵⁴ *Aubigné T. A. d'. Sa vie à ses enfants* // *Œuvres* / éd. H. Weber. Paris: Gallimard, 1969. P. 396.

⁴⁵⁵ *Tallemant des Réaux G. Historiettes* / éd. par A. Adam. Paris: Gallimard, 1960. T. I. P. 215.

⁴⁵⁶ *Marguerite de Navarre. L'Heptaméron* // *Conteurs français du XVIe siècle* / éd. par P. Jourda. Paris: Gallimard, 1965. P. 961.

⁴⁵⁷ *Tallemant des Réaux G. Op. cit.* P. 273.

⁴⁵⁸ *La Marck Fleuranges R. de. Mémoires* // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 1re série. T. V. P. 45.

⁴⁵⁹ *Verdier A. du. Diverses Leçons.* Lyon, 1592. P. 340.

⁴⁶⁰ *Ibid.*

⁴⁶¹ *Dupleix S. Op. cit.* P. 186.

⁴⁶² *Ibid.*

⁴⁶³ *Thou J.-A. de. Mémoires* // Nouvelle Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 1re série. T. XI. P. 346.

Секс всегда навел на мысли о «разврате», считался бесовской практикой, которая, принося удовольствие, таит в себе угрозу.

ГЛАВА 11. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ «ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА»

В Новое время принцип защиты от усталости не может меняться без смены представлений о функционировании тела. Продолжают действовать старинные приемы. Идеал остается тем же: следует сохранять и восстанавливать жидкости организма. Что же до последствий усталости, то их количество множится, они продолжают делиться на категории в зависимости от интенсивности утомления. Это сказывается на сопротивляемости усталости и стратегиях борьбы с ней, и растет внимание к скрытым признакам утомления, к недомоганиям, начинают использоваться прежде игнорировавшиеся народные методы.

Повторное изобретение освежения

Яркому образу перегрева отвечает не менее яркий образ освежения. Об этом пишет дочери, давая ей бесконечные советы по части жидкостей, их обновления и усиления, мадам де Севинье: «Дочь моя, когда любят, совсем не смешно желать, чтобы кровь, к которой проявляется такое внимание, успокаивалась и обновлялась»⁴⁶⁴. Отсюда – настоятельная рекомендация «пить коровье молоко. Это освежит вас и оздоровит кровь»⁴⁶⁵. Это же находим и у Робера Шалля, который, описывая кругосветное путешествие, говорил о регулярных покупках «подкрепления на посещаемых землях»⁴⁶⁶. О том же пишут и военные, вспоминая взятые крепости, особенно те, где была возможность «отдохнуть после всех недавно перенесенных тягот»⁴⁶⁷. Всюду в центре внимания – компенсация потери влаги.

Парадоксальным образом как один из способов восстановления сил рассматривалась и горячая ванна: считалось, что поры, открывающиеся под действием высокой температуры, пропускают в тело воду, которая заменит жидкости, утраченные в результате совершенных усилий. Вот что пишут некоторые сторонники горячих ванн: «Любую усталость может прогнать ванна, она увлажнит сухие и смягчит затвердевшие части тела, а излишки жидкостей рассосутся. Это хорошо помогает при усталости»⁴⁶⁸. Речь идет о воде, так хорошо проникающей в кожу, что заменяет собой потерянные телом жидкости. Это важные замечания, но замечания «термального»⁴⁶⁹ врача, а не «городского»; ничто не указывает на то, что подобные купания практиковались в повседневной жизни общества классической эпохи. Водные процедуры были редкостью, доставка воды сопровождалась большими трудностями, а действие ее вызывало «беспокойство», она захватывала тело, наносила ему вред, «открывала»⁴⁷⁰ его, делала уязвимым для «ядовитого воздуха». Никаких упоминаний о ваннах для отдыха после совершенных усилий не находим ни у игроков в мяч, ни у охотников⁴⁷¹, как нет их в «описаниях среды обитания парижских врачей XVI–XVII веков»⁴⁷². Не упоминает ванны и мадам де Севинье после путешествий принцессы дез Юрсен или принцессы Пфальцской. Все вплоть до Шарля Перро признавали «недостатки» водных процедур, противопоставляли их античным термам и

⁴⁶⁴ *Mme de Sévigné*. Lettre du 9 juillet 1677 // *Correspondance*. T. II. P. 485.

⁴⁶⁵ *Id.* Lettre du 14 juillet 1677 // *Ibid.* P. 485.

⁴⁶⁶ *Challe R.* Op. cit. P. 192.

⁴⁶⁷ *Quincy J. S. de.* Op. cit. T. II. P. 56.

⁴⁶⁸ *Combe J. de.* *Hydrologie ou discours des eaux*. Aix, 1645. P. 50–51.

⁴⁶⁹ Жан де Комб более подробно пишет о «водах Грею», его текст касается в первую очередь термальных ванн.

⁴⁷⁰ См. об этом: *Vigarelli G.* *Le Propre et le sale: l'hygiène du corps depuis le Moyen Âge*. Paris: Seuil, 1987.

⁴⁷¹ Игроки в мяч у Рабле после игры не моются, а высушивают свои тела и рубашки у камина. См.: *Rabelais F.* *Gargantua // Œuvres complètes* / éd. par J. Boulenger. Paris: Gallimard, 1955. P. 55.

⁴⁷² *Lehoux F.* *Le Cadre de vie des médecins parisiens aux XVIe et XVIIe siècles*. Paris: Picard, 1976.

подчеркивали важнейшую роль белья: «Принимать ванны или нет – это наше дело, но белье должно быть чистым и его должно быть много, и это гораздо важнее всех ванн в мире»⁴⁷³. Белье впитывает жидкости, но его шелковистость и чистота прогоняют усталость. В этом убежден Лоран Жубер, критикующий «распространенные ошибки»: «Если вы обратите на это внимание, вы увидите, что, сменив белье и переодевшись, вы взбодритесь, возродитесь и будете наслаждаться жизнью, как будто у вас обновится дух и естественное тепло»⁴⁷⁴. Иными словами, с наступлением Нового времени белье начинает упоминаться в описаниях практики «восстановления сил».

Рост числа «эссенций»

Следует остановиться на продукции парфюмеров, на их новизне по сравнению с водами, одеждой или традиционными специями, охлаждающими или согревающими, как перец. Внимание уделяется «испарениям», летучим и «тонким» элементам жидкостей, производимым ими эффектам, стимулирующим нервную деятельность, а также материальной трансформации внутренних жидкостей, – вспомним о духах, этом огромном резервуаре новых запахов и их оттенков, как принято было считать, обладающих «укрепляющим» эффектом, и их «летучих» частях, которые, как полагали, проникают в нервы: например, «душистые воды» на основе бергамота, майорана, тысячелистника, пачули, перегнанные в дистилляторе. В Средние века они считались злом, так как для их изготовления использовались вода и огонь, но со временем они вошли во всеобщее употребление, в XVI веке ими пользовалась подруга Бенвенуто Челлини мадам д'Этамп для поддержания сил и «свежести лица»⁴⁷⁵. Или «розмариновая вода», рекомендованная Арлекеном в 1624 году в трактате «Сад трав»: она успокаивает сердцебиение, помогает при параличе, дрожании рук, нервной слабости и даже спасает от ядов; «использующий ее человек долго сохраняет силу, красоту и молодость»⁴⁷⁶. Вероятно, здесь наблюдался традиционный взгляд на болезни в связи с соотношением жидкостей в теле, только добавилось использование дистиллированных эссенций.

Также появляется новый взгляд на вино. Под его употребление подводится теоретическая база: «цветок» представляет его «духовное» начало, жидкость – «кровь»⁴⁷⁷. Прорабатывается его ферментация, улучшаются сорта винограда, возрастает «целебный» эффект вина. «Нектар», идущий от солнца, преобразует свет: Жак де Ту, страдавший от морской болезни во время путешествия из Антиба в Монако в 1589 году, уверял, что полностью исцелился, выпив «корсиканского вина», оно придало ему «достаточно сил и бодрости для того, чтобы следовать за Гаспаром де Шомбером и вместе с ним завоевать Геную»⁴⁷⁸. Надо сказать и об открытиях в этой сфере. Игристая формула вина из провинции Шампань, его кристальная прозрачность ассоциируются с деликатностью и чистотой, а в узких, сверкающих серебром и золотом бокалах, в которые его наливают, «поднимаются жемчужины» – свидетельство полнейшего совершенства. Сен-Симон связывает долголетие Дюшена, врача королевских дочерей, с тем, что «он каждый вечер ел на ужин салат и пил только шампанское»⁴⁷⁹.

Наконец, начинает цениться водка. Дистилляция, вошедшая в обиход в Новое время, делает ее более крепкой. Мартен Листер констатирует это, описывая свою поездку в Париж

⁴⁷³ Perrault C. La Querelle des anciens et des modernes en ce qui regarde les arts et les sciences. Paris, 1688. T. I. P. 80.

⁴⁷⁴ Joubert L. La Première et Seconde Partie des erreurs populaires touchant la médecine et le régime de santé. Paris, 1587. P. 18.

⁴⁷⁵ Cellini B. Mémoires. Paris: Garnier, 1908. T. II. P. 48.

⁴⁷⁶ Harlequin. Nouveau Jardin des vertus et propriétés des herbes communes qui croissent aux jardins et se vendent ordinairement à la place. Aix, 1624. P. 12.

⁴⁷⁷ См.: Paré A. Œuvres complètes / éd. J.-F. Malgaigne. Paris, 1840. T. I. P. 41.

⁴⁷⁸ Thou J.-A. de. Op. cit. P. 341.

⁴⁷⁹ Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. XXVII. P. 183.

в 1698 году: «Мы обязаны ее появлением долгим войнам. Сеньоры и дворяне, ужасно страдавшие в этих бесконечных военных кампаниях, прибегали к ее помощи, чтобы поддержать себя в дни усталости и бдений, а вернувшись в Париж, продолжали пить крепкий алкоголь за обедом»⁴⁸⁰. О том же самом вспоминает и Робер Шалль: на фрегате, следовавшем из Индии, морякам раздавали водку «после какой-нибудь тяжелой работы»: «водка за работу по обшивке бизань-мачты»⁴⁸¹. К помощи водки прибегали все чаще, это становилось повседневностью и специально нигде не описывалось.

От табака к кофе

То же происходит и с растениями, попавшими в Европу в XVI веке из Нового Света или привезенными из путешествий на Восток. В первую очередь следует назвать высушенные листья табака, который курили на манер индейцев: легкий табачный дым поддерживал тело, помогал выполнять физическую работу более длительное время. Путешественники в дальние страны настаивали на этом, говоря о мельчайших горячих частицах, которые пробегают по нервам и передают им свое тепло. Казалось, американские индейцы, курившие табак «при помощи маленьких трубочек», лучше переносили бег, длительные переходы, с легкостью перетаскивали тяжести и даже испытывали какой-то скрытый восторг: «они вдыхают табачный дым, внезапно падают как будто без чувств, потом пробуждаются, освеженные этим сном, и силы их полностью восстанавливаются»⁴⁸². Западные наблюдатели тоже поначалу прибегали к табаку для поднятия боевого духа и поддержания сил. Руайе де Прад так описывает реакцию королевских солдат: «Они переносили тяготы войны без воды и питья, только лишь выкурив пол-унции табака в сутки»⁴⁸³. Описание свойств табака еще пока достаточно эклектичное, прежде всего упор делается на борьбу с упадком сил, «головной болью, подагрой, ревматизмом, застоем слизи...»⁴⁸⁴, к которым после публикации «Всеобщей истории лекарств» Пьера Поме, «парижского бакалейщика», жившего в конце XVII века, присоединились прочие болезни⁴⁸⁵.

Табак, впрочем, начинает использоваться по-разному. Он по-прежнему применяется для снятия новых видов усталости, появившихся в Новое время. Он обостряет внимание, повышает психическую устойчивость. «Табак укрепляет мозг»⁴⁸⁶, – утверждает Ла Гаренн, а Корнелиус Бонтеко добавляет, что табак «озаряет рассудок»⁴⁸⁷. В более общем плане – табак устраняет излишки жидкостей. Вот что вспоминает Бриенн о Буало и его крепком здоровье в возрасте восьмидесяти лет: «Табак, который он жевал днем и ночью, высушивал лишние жидкости и поддерживал в нем бодрость, которую редко встретишь у людей в подобном возрасте»⁴⁸⁸. Это касалось ясности ума, способности концентрировать внимание, интенсивно размышлять, заниматься делами, кабинетной работой – именно тем, что в XVII веке, как начали тогда полагать, вызывало «усталость ума»⁴⁸⁹.

⁴⁸⁰ Lister M. Voyage à Paris en M DC XCVIII. Paris, 1873. P. 151. В книгу включены отрывки из произведений Ивлина, относящиеся к его путешествиям во Францию в 1648 и 1661 годах.

⁴⁸¹ Challe R. Journal d'un voyage fait aux Indes orientales. P. 82.

⁴⁸² Monardes N. Histoire des simples médicaments apportés de l'Amérique, desquels on se sert en médecine. Lyon, 1619. P. 41.

⁴⁸³ Le Royer de Prade J. Histoire du tabac, où il est traité particulièrement du tabac en poudre. Paris, 1677. P. 127.

⁴⁸⁴ Pomet P. Histoire générale des drogues (1694). Paris, 1724. T. I. P. 178.

⁴⁸⁵ Описание действия табака против экземы и наростов или против голода и жажды, приведенное в первом издании 1694 года, многократно повторяется в издании 1724 года, в частности его действие против головной боли. Также приводятся различия между разными видами этого растения.

⁴⁸⁶ Guillot de Goulart de La Garenne H. de. Les Bacchanales ou Lois de Bacchus. Paris, 1667. P. 58.

⁴⁸⁷ Bontekoe C. Suite des nouveaux éléments de médecine. Paris, 1698. P. 112.

⁴⁸⁸ Loménie Brienne H.-A. de. Mémoires. T. II. P. 104.

⁴⁸⁹ См. выше, с. 84–85.

То же самое касалось специфических растений из Леванта, кофе, чая, шоколада, листьев или семян, быстро прижившихся в то время на Западе. Растения высушивались, пеклись, жарились. Первым об этом упоминал Тевено, описывая свои путешествия по Аравии в середине XVII века: «Когда нашим французским купцам нужно написать много писем и приходится работать ночи напролет, они выпивают одну-две чашки кофе»⁴⁹⁰. Главный вывод: восточные растения подтверждают новую ситуацию с усталостью. Жизнь в городе и при дворе, ношение определенной одежды, торговля, работа в конторах вызывают небывалое утомление, о чем вскользь упоминает Никола де Бленьи, желая получить средство для «восстановления рассеянного внимания, освободить закупоренные нервы и благодаря этим двум действиям улучшить память, сделать суждения более разумными, придать сил и исправить настроение»⁴⁹¹.

Интересна с этой точки зрения судьба кофе. В Париж его в 1669 году привез Сулейман Ага, гениальный мистификатор, выдававший себя за посла турецкого султана. Напиток очень быстро был признан «возбуждающим», «пробуждающим средством», его употребление стало почти ритуальным. Сен-Симон рассказывает, как подавали кофе в покоях мадам де Ментенон в конце XVII века, как вокруг специальных маленьких столиков после обеда собирались группы приглашенных, как приносили подносы с новыми напитками: «На нескольких кофейных столиках стояли чай и кофе, и каждый брал то, что хотел»⁴⁹². Более того, создавались заведения нового типа – кафе, называвшиеся по имени самого напитка, где посетители общались, вели оживленные разговоры. Начиная с 1670 года в Лондоне и Париже появляются «кофейные дома», где царит новый аромат. Левантйские бобы используются в двух целях: развлечение и стимуляция.

«Кофейные дома», предлагавшие посетителям сладкую горечь растений, внесли изменения в культурную и социальную жизнь. Они противопоставлялись тавернам и кабакам, где одуряюще пахло спиртным. Здесь все было по-другому: зеркала и лакированное дерево встречали коммерсантов, конторских служащих, буржуа: «Сюда приходят ученые люди, чтобы дать отдых уму, утомленному кабинетной работой», – уверяет Луи де Майи⁴⁹³. Цены разнятся: в старейшем парижском кафе «Прокоп» в 1672 году новый ароматный напиток продается за два с половиной су⁴⁹⁴, тогда как поденщик зарабатывает от трех до шести су в день⁴⁹⁵. Эффект от кофе был не таким шокирующим, как действие специй, и, в отличие от вина, кофе не вызывал приступов вспыльчивости, а прояснял сознание и усиливал мыслительную деятельность. Действие этих зерен, прибывших с Востока, оказалось сродни действию табака: они прогоняли усталость и развеивали внутренний «туман». Кофе воздействует одновременно на тело и на «дух»: повышает скрытую сопротивляемость организма и укрепляет ум. Жюль Мишле считает миссию кофе почти исторической⁴⁹⁶: черная жидкость (кофе) противопоставляется красной (вину), трезвость – опьянению. Вот как говорили об этом английские пуритане:

Предательская виноградная гроздь
Очаровала весь мир,
А кофе, эта черная здоровая жидкость,
Лечит желудок, оживляет мысль

⁴⁹⁰ Thévenot J. Voyages en Europe, Asie et Afrique. Paris, 1727. T. I. P. 103.

⁴⁹¹ Blégné N. de. Secrets concernant la beauté et la santé. Paris, 1688. T. I. P. 685.

⁴⁹² Saint-Simon L. de R. de. Op. cit. T. XV. P. 242.

⁴⁹³ Mailly L. de. Les Entretiens des cafés de Paris et les différends qui y surviennent. Paris, 1702. P. 2.

⁴⁹⁴ См.: Chabouis L. Le Livre du café. Paris: Bordas, 1988. P. 31.

⁴⁹⁵ См.: Avenel G. de. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées, de tous les prix en général. T. III. P. 522.

⁴⁹⁶ См.: Schivelbusch W. Histoire des stimulants / trad. par É. Blondel, O. Hanse-Love, T. Leydenbach, P. Penisson. Paris: Gallimard, 1991. P. 28.

И делает дух веселее, не превращая человека в безумца⁴⁹⁷.

Это знак серьезного культурного сдвига: начинают цениться порядок и рассудок, чего раньше не наблюдалось; стимуляция мыслительной деятельности занимает «пространства», куда раньше она не проникала. Иначе говоря, в Новое время расцветает рационализм, в результате чего появляются новые виды усталости и новые средства борьбы с ней.

Народное средство для облегчения существования?

Остается еще одно средство защиты, замаскированное, вероятно менее явное и мало комментируемое, и в то же время знаменательное и весьма материальное: «безмолвная» попытка снизить нагрузку повышением брачного возраста, сокращением количества беременностей и рождений детей, продолжительности кормления грудью, что связано со снижением «фертильности». Это касалось повседневной жизни народа. Сместилась культура, она стала затрагивать беднейшие слои населения, несмотря на их молчаливость и внешнюю сдержанность. Смещаются телесные проявления. Повышение брачного возраста на несколько лет весьма чувствительно сказывается на плодovitости, ограничивает долгосрочные истощающие нагрузки. Тенденция к этому зарождается в XVI веке в Англии, а век спустя распространяется в Центральной и Северной Европе. Осознание необходимости подобного шага идет медленно, но его последствия заслуживают внимания. На кону оказываются годы жизни, и этот вопрос становится «ключевым в старинной демографической системе»⁴⁹⁸. Средний возраст вступления в брак для девушек в Парижском бассейне в течение века поднялся с неполных двадцати лет до двадцати четырех⁴⁹⁹; в Атисе в 1578–1599 годах девушки вступали в брак в среднем в 19,1 года, в 1655–1670 годах этот показатель поднялся до 23,4 года⁵⁰⁰; в Бурк-ан-Брессе в 1560–1569 годах девушки выходили замуж в 18,9 года, в 1610–1619 годах – в 22,3 года⁵⁰¹. В городах, где девушек меньше принуждают к замужеству, эта тенденция заметна сильнее, средний брачный возраст выше, чем в деревнях: в Сен-Мало и в Лионе в начале XVIII века девушки выходят замуж в возрасте, превышающем двадцать семь лет⁵⁰². За столетие брачный возраст в зависимости от региона мог повышаться на восемь лет. «Рождаемость в среде богатых и сильных мира сего», где живут в достатке и имеют возможность прибегать к родовспоможению, выше, чем в «бедных слоях»⁵⁰³. Мы видим здесь, в среде бедняков, не что иное, как первую «мальтузианскую революцию»⁵⁰⁴, первую атаку на тотальную и плохо сформулированную усталость. Новый порядок вступления в брак не принес победы ни над болезнями, ни тем более над смертью, но по крайней мере облегчил положение и в конечном счете стал неслыханной ранее профилактикой усталости и «жизненных тягот».

В начале Нового времени не было нового представления о теле, как не было и попыток переосмыслить усталость. А усталость в значительной мере диверсифицировалась, и интерес к ней углубился. То, что было «переносимым» в прежние времена, переставало таковым быть. Изменилось понятие «нормальности». Ни ориентиры, ни объяснения не изменились, но произошла очевидная культурная победа.

⁴⁹⁷ Анонимная поэма, цитируемая в: Ibid.

⁴⁹⁸ Lebrun F. Le mariage et la famille // Histoire de la population française / dir. par J. Dupquier. Paris: PUF, 1988. T. II. P. 305.

⁴⁹⁹ Ibid.

⁵⁰⁰ Moriceau J.-M. La Population du sud de Paris aux XVIe et XVIIe siècles, mémoire de maîtrise. Université Paris-I, 1978.

⁵⁰¹ Turrel D. Bourg-en-Bresse au XVIe siècle. Société de démographie historique, 1986. P. 203.

⁵⁰² Lebrun F. Op. cit. P. 305.

⁵⁰³ Chaunu P. La Civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. P. 190.

⁵⁰⁴ Ibid.

ГЛАВА 12. НИЩЕТА И «ИЗНЕМОЖЕНИЕ»

Мы видим, что к XVI–XVII векам сложился целый арсенал различных видов усталости и множество средств борьбы с нею. Небосклон Европы классического периода омрачался большим количеством уязвимостей, о которых до той поры не говорили. Эти уязвимости касались самых обездоленных, затрагивали деревни, «пустоши», население которых, как правило, игнорировалось. Взгляд на нищету оставался «общим», она рассматривалась не в деталях, но тем не менее вызывала беспокойство, которой раньше не было. Новое «лицо» бедности появилось лишь в конце XVII века, когда обнаружились недостатки, ранее скрытые или считавшиеся не заслуживающими внимания.

Нищета

Здесь важен контекст: возросло значение данных, касающихся эффективности труда, потенциала рабочих рук и денег, как их понимали Кольбер или Лувуа, ждавшие от них обогащения страны⁵⁰⁵. Возникает поле для появления новых видов усталости, не имеющих отношения к «изящному» утомлению, выдуманному представителями элиты общества эпохи классицизма, или к «обычной» усталости простого народа, частично отрицаемой и пренебрегаемой. Во внимание принимались более скрытые угрозы: нищета, анемия, голод, неэффективность труда, общая слабость, говорящая об изначальной чуть ли не коллективной «усталости». Нельзя сказать при этом, что в конце XVII века каким-то образом повысился статус бедняков или что условиям труда ремесленников стало уделяться больше внимания. Вопрос в другом. Речь идет о какой-то примитивной убогости, «жизненном» бессилии, почти органической нужде, вызванной географическим положением, войнами, климатом, или даже о прогнозируемой нищете, угрожающей повседневной жизни в связи с неэффективностью труда. Лабрюйер описывает крестьянскую жизнь в конце XVII века трагически: «Это дикие животные, самцы и самки, живущие в деревнях, черные, безжизненные, сгоревшие на солнце, с непобедимым упорством носом роющие землю»⁵⁰⁶. Эта ужасная жизнь зависит от обстоятельств. Ее символом стал голод, разразившийся в конце века, о чем содержатся сведения в сообщениях интендантов, в тревожных, порой зашифрованных свидетельствах нотаблей. Вот как обстояли дела в Лиможе в 1692 году: «Большинство населения вынуждено выкапывать корни папоротника, сушить их в печах, измельчать и есть, что вызывает у них большую слабость, они от этого умирают, и в скором времени дело может кончиться чумой»⁵⁰⁷. Или в Реймсе в 1694-м: «В городе царит нищета, положение бедственное. <...> Принимаемых в настоящее время мер не хватает для спасения от голодной смерти и измождения – за последние полгода умерло около четырех тысяч человек»⁵⁰⁸. Мы видим неумолимое действие экономики, не имеющей достаточных резервов и систем хранения: неурожай 1693–1694 годов, кроме прочего, истощил земли, что вызвало дефицит на рынках и, в свою очередь, разорило ремесленников и лавочников: прямо или косвенно голод привел к массовым жертвам»⁵⁰⁹.

⁵⁰⁵ См. выше, с. 105.

⁵⁰⁶ *La Bruyère J. de. Op. cit. P. 295.*

⁵⁰⁷ *Michel-André Jubert de Bouville, intendant de Limoges. Lettre au contrôleur général. 12 janvier 1692 // Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les intendants des provinces. Paris: Imprimerie nationale, 1874. T. I. 1683–1699. № 1038.*

⁵⁰⁸ *Les lieutenants, gens du conseil et échevins de Reims, au contrôleur général. 13 janvier 1694 // Ibid. № 1272.*

⁵⁰⁹ *Pillorget R. L'âge classique, 1661–1715 // Histoire de la France / dir. par G. Duby. Paris: Larousse, 1971. T. II. P. 200.*

Массовая уязвимость

Очевидно, что внимание на подобные катастрофы обратили не в конце XVII века. Жизнь в прежние века была тяжелой и сопровождалась «бедами времени»⁵¹⁰. Агриппа д'Обинье гневно пишет об этом в «Трагических поэмах»:

В дни истребления нечеловечий лик
Являет человек, уже он приобвык
Щипать траву и мох и падаль есть сырую,
У зверя, у скота постыдно корм ворую^{511, 512}.

Взгляд на проблему, однако, изменился. Последствия этих катастроф оцениваются иначе, влияют на экономику, становятся более «общими», их начинает замечать укрепившаяся центральная власть. Меняется как будто само представление о нищете: «Создается впечатление, что в конце XVII столетия начинает осознаваться массовая уязвимость, в отличие от существовавшего веками осознания массовой бедности»⁵¹³. Небывалая общая уязвимость, нищета, производящая трагическое впечатление, по всей видимости, оживляет традиционные страхи, возникает угроза бродяжничества, несущего насилие и болезни. Возникают и опасения, до той поры неизвестные: страх снижения производительности труда и сокращения производства вследствие изнеможения и бедности. Об этом говорят письма, адресованные финансовому контролеру: интенданта Руана, например, «удивляет слабость»⁵¹⁴ портовых рабочих Онфлера, от чего стопорится вся деятельность, а епископ Манда констатирует такое «общее истощение сил землепашцев», что «часть земель остается необработанной и вспыхивают жестокие эпидемии»⁵¹⁵; наконец, интендант Лиможа полагает, что «большинство населения настолько обнищало за несколько прошедших лет, что денег до сих пор не хватает и некому обрабатывать землю»⁵¹⁶.

Налоговое «бремя» и «изнурение»

Одно из самых красноречивых свидетельств на эту тему – мемуары Вобана 1696 года о податном округе Везелэ. Автор сравнивает ресурсы и возможности, оценивая «доходы», «особенности и нравы жителей», как бы намекая на «рост населения и поголовья скота»⁵¹⁷. На первый взгляд эти соображения могут показаться безобидными и традиционными, но «земли плохо обработаны <...> жители вялые и ленивые», местность запущена, деревни заросли «ежевикой и сорным кустарником», почва завалена камнями и гравием. Лень расценивалась как зло, идущее из глубины веков. Однако очень быстро мнение автора меняется – Вобан выдвигает обвинение: подобное, «по всей видимости, происходит от того, чем они питаются, потому что так называемые низшие слои видят лишь хлеб из смеси ржи и овса. <...> Не стоит поэтому

⁵¹⁰ См.: Les Malheurs du temps.

⁵¹¹ Перевод А. Ревича.

⁵¹² Aubigné T. A. d'. Les Tragiques // Œuvres. P. 28.

⁵¹³ Castel R. Les Métamorphoses de la question sociale: une chronique du salariat. Paris: Fayard, 1995. P. 166.

⁵¹⁴ M. Marcillac, intendant de Rouen. Lettre au contrôleur général. 29 mai 1685 // Correspondance des contrôleurs généraux... T. I. № 182.

⁵¹⁵ Hyacinthe Serroni, évêque de Mende. Lettre au contrôleur général. 29 mai 1685 // Ibid. № 1859.

⁵¹⁶ Louis de Bernage, intendant de Limoges. Lettre au contrôleur général. 15 juin 1700 // Ibid. № 146.

⁵¹⁷ Le Prestre de Vauban S. Description géographique de l'élection de Vezelay (1696) // Les Oisivetés de Monsieur de Vauban. P. 435.

удивляться, что у людей, которые так плохо едят, так мало сил»⁵¹⁸. Одежда «из рваной и грязной ткани» и обувь – «сабо, которые они круглый год носят на босу ногу»⁵¹⁹ также способствуют телесной слабости. Все это – причины «лени и безволия»⁵²⁰ людей, скрытой усталости, о которой не говорится прямо, но которая сопровождает повседневную жизнь, и никаких иных перспектив в этой жизни быть не может.

Нет сомнений, что корень этого зла – нищета. Вобан видит цель в ее преодолении и приводит вечно недооцениваемый аргумент о необходимости ограничения налогов, повышение которых – «зло и несправедливость»⁵²¹, препятствующие «истинной безмятежности королевства»⁵²². Усталость в таком случае могла бы обернуться бодростью, слабость превратилась бы в силу, уныние – в работу. Выросла бы мощь, потому что

менее задавленные налогами люди охотнее вступают в брак, лучше питаются и одеваются; дети их крепче и лучше воспитаны; они с большим рвением занимаются своими делами и в конечном счете, видя, что значительная часть прибыли, которую они приносят, возвращается к ним, прилагают больше сил и готовности трудиться⁵²³.

По мысли автора, чем ниже налоги, тем легче бороться с ослаблением населения. Снижение налогового бремени должно придать бодрости землепашцу и крепости следующим поколениям. Согласно этой мысли, «один из самых очевидных признаков благосостояния страны – рост населения, тогда как его сокращение – неизменное доказательство голода»⁵²⁴.

⁵¹⁸ Ibid. P. 442.

⁵¹⁹ Ibid.

⁵²⁰ Ibid. P. 443.

⁵²¹ *Le Prestre de Vauban S. Projet de dîme royale* (1694) // Ibid. P. 752.

⁵²² Ibid. P. 795.

⁵²³ Ibid. P. 762.

⁵²⁴ *Mémoire sur la misère des peuples et les moyens d'y remédier* // *Mémoires des intendants sur l'état de la généralité dressés pour l'instruction du duc de Bourgogne*. T. I. *Mémoire de la généralité de Paris* / éd. par Michel de Boislisle. Paris, 1881. Appendice. P. 782.

Часть третья. Эпоха Просвещения и вызов чувствительности

В XVII веке расширился спектр возможных видов усталости, как и спектр борьбы с ней. Диверсифицировались причины усталости, придумывались новые способы сопротивления ей. В значительной степени расширился и переопределился ландшафт усталости. При этом по-прежнему необъективным остается мнение о потере жидкостей (гуморов); впрочем, относительной, даже случайной продолжает быть оценка, обсчет работы – реальные цифры не уточняются.

В XVIII веке происходят новые изменения. Другими стали оценки, способы высказывания и доказательства. «Чувствительный» человек эпохи Просвещения начинает отступать от священной книги, новая независимость обязывает его переосмыслить себя, и усталость преобразуется в нечто более непосредственное, более интимное: препятствия и тревоги, возникающие на пути к новым начинаниям, к свободе, каждым индивидом ощущаются острее. Отсюда – стремление к самоутверждению, что является совершенно новым, «современным», даже «психологическим», попытка преодолеть «нерелигиозным» путем бросающую вызов усталость – люди начинают путешествовать, делать открытия, покорять вершины, колесить по миру, чтобы убедиться в собственных силах и испытать себя.

При этом меняются представления о теле, идет тенденция к индивидуализации, вследствие чего новое место начинают занимать нервы, стимуляции, а это придает плоти и ее волнению все более подчеркнутое значение, возникает интерес к уязвимости, слабости, даже к «нарушениям». К тому же постоянный спутник подобной чувствительности – прагматизм, стремление к пользе, которое заостряет взгляд как на различных занятиях, так и на трудностях, встречающихся на пути; начинают цениться профессиональные знания и навыки в сфере производства и ремесленничества. Наконец, в мире, где нарастают оппортунизм и способность к совершенствованию, неизбежно заостряется внимание на ожиданиях эффективности, даже «прогресса».

ГЛАВА 13. СТАВКА НА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Нарастающая уверенность в личной автономности, самостоятельности играет здесь главную роль, устанавливает «внутренние» границы самому принципу действия, возобновляя тревогу и любопытство, обогащая источники слабости, намекая на их возможную персонализацию. Внутренняя жизнь становится насыщеннее. Индивид выходит на первый план и изучает себя. Усталость сначала воспринимается как ежедневное «затруднение», смутное замешательство, но вскоре становится провокацией, нарушающей планы, образ жизни и существования. Как следствие, ее образ появляется в литературе и рассказах.

«Прислушиваться к своей жизни»

Хрупкость и уязвимость пересматриваются на основе принципа освобождения⁵²⁵, утверждения «вкуса к свободной жизни»⁵²⁶, в особенности в высших слоях общества; ставятся под сомнение прежние власти; меняется образ слабости, гуманизируется уязвимость – она персонализируется, становится уникальной в каждом конкретном случае. Уязвимость очевидна, она не обозначает больше бесконечное расстояние от мирского до божественного, неизбежную пропасть между естественным и сверхъестественным⁵²⁷. Ее присутствие расширяется, она влияет на индивида, становится частью его идентичности, проникает в его сознание, меняет мироощущение. К тому же человек сводится к самому себе, и только к самому себе, пытается объяснить себя через свою связь с «природой», определить свое состояние, анализируя себя, руководствуется собственным опытом, а не каким-то иным.

Настоящее становится более насыщенным, а опасность потерять силы обостряется. Внимание к этому – так называемый первичный опыт, «чувство существования»⁵²⁸ – появляется в век Просвещения. Это «чувство существования» в 1786 году было определено Виктором де Сезом, врачом, получившим образование в Монпелье, будущим членом Конвента: он полагал, что это «ощущение» лежит «в основе всех прочих»⁵²⁹, что оно обнажает наше «существо в чистом виде»⁵³⁰, провоцирует переход от картезианского «мыслю, следовательно, существую»⁵³¹ к эмпирическому «чувствую, следовательно, существую»⁵³². Это смещение играет важнейшую роль. «Тело непрерывно демонстрирует себя»⁵³³ индивиду, как «навязчивая мелодия»⁵³⁴, сообщает о том, что оно существует. Главное новшество – «Люди полюбили прислушиваться к себе»⁵³⁵. Это меняет и статус усталости: она больше не рассматривается как нечто досадное, пришедшее извне, связанное с обстоятельствами, местами, даже божественным про-

⁵²⁵ См.: Voltaire. *Lettres philosophiques*, 25e letter. Amsterdam, 1734. P. 339–340. (Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер. Философские письма. Письмо 25. Амстердам, 1734: «Человек рожден для действия, подобно тому как огонь стремится ввысь, а камень падает вниз»).

⁵²⁶ Starobinski J. *L'Invention de la liberté, 1700–1789*. Genève: Skira, 1964. P. 12.

⁵²⁷ См. выше, с. 47–48.

⁵²⁸ См.: Spink J. S. *Les avatars du «sentiment de l'existence» de Locke à Rousseau // Dix-Huitième Siècle*. 1978. № 10. P. 269–298.

⁵²⁹ Sèze V. de. *Recherches physiologiques et philosophiques sur la sensibilité ou la vie animale*. Paris, 1786. P. 156.

⁵³⁰ *Alembert J. Le R. d', Diderot D. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1751–1780. Статья «Existence».

⁵³¹ «Cogito ergo sum». См.: Descartes R. *Discours de la méthode* (Рассуждение о методе). Leyde, 1637. Ч. 4.

⁵³² Saint-Pierre J.-H. B. de. *Études de la nature*. Paris, 1784. Цит. по: Goyard-Fabre S. *La Philosophie des Lumières en France*. Paris: Klincksieck, 1972. P. 217.

⁵³³ Burel C. *Le corps sensible dans le roman du XVIIIe siècle // Le Corps des Lumières, de la médecine au roman / dir. par M. Delon, J.-C. Abramovici*. Paris: Centre des sciences de la littérature. Université Paris-X, 1997. P. 105.

⁵³⁴ Ibid. P. 110.

⁵³⁵ Goyard-Fabre S. *Op. cit.* P. 205.

мыслом, но воспринимается как один из возможных аспектов жизни, постоянно присутствующее явление повседневности. Приведем несколько свидетельств. Вот слова мадам Дюдеффан об «упадке сил», вечном спутнике ее жизни: «Я очень ослабела; самое простое действие кажется мне невыполнимым. Я очень поздно поднимаюсь с постели»⁵³⁶; Жюли де Леспинас о своих невероятных отношениях с Жаком-Антуаном де Гибером: «Я очень легко раздражаюсь»⁵³⁷. Мадам д'Эпине о необъяснимом недомогании: «Я ежедневно чувствую себя очень слабый»⁵³⁸. Иногда усталость закрадывается незаметно, становясь образом жизни, портит каждое мгновение, заставляя менять решения, усложняя любое действие. Обыденность усталости позволяет Маргарите де Сталь в 1730-х годах начинать свои самые банальные истории словами: «Однажды вечером, когда я устала сильнее обычного...»⁵³⁹. Это не что иное, как свойственная женщинам константа, на которую прежде не обращали внимания.

Усталость как нарратив

Эти неслыханные доселе формы внимания могут превратиться в рассказы нового типа. Страдание растягивается во времени, происшествия следуют одно за другим, складываются этапы, затрагивая лишь усталость, ставшую практически условием жизни. В особенности такие нарративы возникают при дворе. Это демонстрирует баронесса д'Оберкирх, трижды в 1780-х годах посетившая Версаль в свите «графа и графини Северных»⁵⁴⁰. Общее ощущение усиливают отдельные эпизоды: «Придворная жизнь очень утомляла меня, это было изматывающе»⁵⁴¹. Помимо традиционной «придворной усталости»⁵⁴² было множество причин, длительных и вызывавших озабоченность: надо было принимать «многочисленных посетителей»⁵⁴³, «поздно ложиться» и «рано вставать»⁵⁴⁴, не быть «удостоенным чести табурета»⁵⁴⁵, то есть не иметь права сидеть в присутствии августейших особ, «надевать» и «снимать»⁵⁴⁶ платья с «тяжелыми»⁵⁴⁷ кринолинами, участвовать в «церемониалах», что всегда «мучительно и утомительно»⁵⁴⁸, в «праздниках, длящихся ночь напролет»⁵⁴⁹, гулять в Шантийи «допоздна», что «чудовищно утомляло»⁵⁵⁰, «крайне изматывающие»⁵⁵¹ поездки из Версаля в Париж и обратно, в оперу... Долгие ужины, в которых «усталость мешалась с удовольствием»⁵⁵². Из рассказа о возвращении из Версаля 8 июня 1780 года узнаем о чувствах и мыслях баронессы. За ужином следовали танцы, «зеваки» толпились, праздник «продолжался», из замка уехали только

⁵³⁶ *Mme du Deffand*. Lettre à Horace Walpole. 13 mars 1771 // *Lettres* (1742–1780). Paris: Mercure de France, 2002. P. 421.

⁵³⁷ *Lespinasse J. de*. Lettre à Jacques-Antoine de Guibert. 20 juin 1773 // *Lettres de Mlle de Lespinasse, suivies de ses autres œuvres et des lettres de Mme du Deffand, de Turgot, de Bernardin de Saint-Pierre*. Paris: Charpentier, 1903. P. 14.

⁵³⁸ *Mme d'Épinay*. Les Contre-Confessions. Histoire de Mme de Montbrillant. Paris: Mercure de France, 1989. P. 1207.

⁵³⁹ *Staal de Launay M.* Mémoires. Paris, 1845. P. 127.

⁵⁴⁰ Под именами графа и графини Северных в 1781–1782 годах путешествовали по Европе наследник российского престола великий князь Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна.

⁵⁴¹ *Waldner de Freundstein baronne d'Oberkirch H.-L. de*. Mémoires sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789 (1782–1786). Paris: Mercure de France, 1982. P. 158.

⁵⁴² См. выше, с. 87.

⁵⁴³ *Waldner de Freundstein baronne d'Oberkirch H.-L. de*. Op. cit. P. 89.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 151.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 339.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 246.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 336.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 155.

⁵⁴⁹ Ibid. P. 199.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 206.

⁵⁵¹ Ibid. P. 215.

⁵⁵² Ibid. P. 272.

в четыре часа утра. Баронесса утверждала, что «очень устала»⁵⁵³. Лица шедших на рассвете на работу крестьян показались ей «спокойными и удовлетворенными», она сравнивала их с «усталыми, осоловевшими лицами»⁵⁵⁴ придворных, засыпающих в своих каретах. Баронесса, аристократка, заостряет внимание на чувствительности своей «касты», а к усталости обездоленных остается слепа.

У композитора Андре Гретри, автора многочисленных опер-буффа конца XVIII века, обнаружились трагические последствия «слишком громко исполненной арии»⁵⁵⁵ в юности. Симптомы повторялись на протяжении двадцати пяти лет, каждый раз по окончании работы над очередным произведением. Всегда наблюдалось одно и то же: кровохарканье, крайнее истощение, постоянная потребность в отдыхе. Он лечился в Риме, Льеже, Женеве, Париже, делались попытки смягчить подобные проявления, советы ему давал Теодор Троншен, энциклопедист и врач Вольтера и герцога Орлеанского. Как бы там ни было, описания состояния остаются прежними: «После последнего приступа я двое суток лежал на спине, не мог говорить и двигаться. Чтобы восстановить силы, понадобилась еще неделя»⁵⁵⁶. Появляется совершенно особое внимание к усталости, в частности в высших сферах; телесные ощущения постоянно анализируются.

То же самое находим в записях военных и моряков – конечно, тех из них, кто был грамотным. Они впервые описывали усталость как «состояние», длительную форму существования. Вот свидетельство офицеров «Центуриона» – одного из зафрахтованных английским военно-морским флотом кораблей, участвовавших в «кругосветном плаванье», нацеленном на ограничение испанских владений. Описанный эпизод растянулся на девятнадцать дней, от момента, когда глубокой ночью 22 сентября 1742 года «ужасным порывом ветра»⁵⁵⁷ корабль, стоявший на якоре у берегов острова Тиниан в Тихом океане, унесло в море, до возвращения в порт приписки после мучительного и «бесполезного» дрейфа. В самом начале повествования описывается крайнее изнурение: «На борту судна мы терпели усталость и страдания»⁵⁵⁸. Сначала моряки долгое время откачивали воду, затем последовали «три часа бесполезных усилий» для подъема грота-рея; тем временем рвались фалы, и их сильнейшие удары «могли быть смертельными»⁵⁵⁹. Далее описывался «тяжелейший день» 26 сентября: в течение «двенадцати часов» «мы изо всех сил»⁵⁶⁰ пытались вытащить якорь, который вот-вот мог оторваться, потом наконец удалось поднять грота-рей, потом, после 26 сентября, началась бесконечная «смена галсов». «Команда корабля настолько ослабела», что «не могла больше ничего сделать». Заключительная фаза этого «чудовищного изнурения»⁵⁶¹ наступила 11 октября, когда остров Тиниан уже показался на горизонте. Были скрупулезно подсчитаны и описаны все тяжелые моменты плаванья, при этом они никак не приближали цель путешествия, а были просто эпизодом в кругосветных скитаниях, отступлением от заданного курса.

Оригинальность темы говорит о решительном изменении чувствительности, о том, что усталость трансформируется в явление как таковое, что настало время для специфического опыта, который сам по себе становится темой записей в судовом журнале, почти «романом с продолжением». Это видно как из длинной записи, так и из заключения: «ужасная уста-

⁵⁵³ Ibid. P. 199.

⁵⁵⁴ Ibid.

⁵⁵⁵ Grétry A.-E.-M. Mémoires, ou Essais sur la musique. Bruxelles, 1829. T. I. P. 39.

⁵⁵⁶ Ibid. P. 41.

⁵⁵⁷ Anson G. Voyage autour du monde fait dans les années 1740, 1741, 1742, 1743 et 1744. Paris, 1750. T. IV. P. 104.

⁵⁵⁸ Ibid.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 107.

⁵⁶⁰ Ibid. P. 108.

⁵⁶¹ Ibid. P. 111.

лость»⁵⁶². Еще нет психологических проблем со всей их сложностью, подавленности вплоть до самозабвения, бесконечно изучаемых нашими современниками, но уже появилось критически важное внимание к тому, что может испытывать каждый.

Удобства и неудобства

В высших сферах поднялся поначалу несильный ропот по поводу того, что неудобства стали «состоянием», длительным или проходящим, заговорили о неприятных обстоятельствах, дискомфорте, утомлении, на которые раньше не обращали внимания. В самом начале следующего века все это тщательно и ярко описал в имевшей успех книге Джеймс Бересфорд: это и недосыпание – «жжение в глазах, головокружение, скрежет зубовой, затекшие руки и ноги»⁵⁶³, и, наоборот, избыток сна, который приводит к разбитости и расслабленности⁵⁶⁴; неудобная поза в неудобном кресле, слишком короткая или слишком узкая кровать, после сна на которой начинаются судороги и спазмы⁵⁶⁵; сидение «около дымящего камина на протяжении нескольких часов»⁵⁶⁶, что вызывает удушье; необходимость произносить речи «с пересохшим ртом»⁵⁶⁷; невозможность «заставить окружающих понять всю тяжесть вашей усталости»⁵⁶⁸ во время затянувшейся вечеринки среди «незнакомых сотрапезников». И прочие бесчисленные «неприятности»⁵⁶⁹, придумывание неудобств, заострение внимания.

Письма Наполеона к Марии-Луизе верно отражают состояние усталости императора: «Друг мой, вчера я прибыл в Брескенс, довольно усталый»⁵⁷⁰; «Друг мой, я прибываю в Познань, немного устал от пыли»⁵⁷¹; «Мой добрый друг, я очень устал»⁵⁷²; «Мой добрый друг, сейчас одиннадцать часов вечера, и я чувствую себя усталым»⁵⁷³; «Друг мой, я взял Баутцен. <...> Это был прекрасный день. Я немного устал»⁵⁷⁴. Отныне усталость считалась достаточно важным обстоятельством, о котором следовало сообщать в каждом письме, ее «ценность» возросла по сравнению с тем, что было раньше: отправитель писем пишет о том, что он испытывает, чтобы успокоить получателя, взволновать его или просто использует усталость как тему для общения.

«Ощущения» становятся так важны, что под их влиянием меняется интимное пространство элиты. Знаковое слово в этом контексте – «удобство», «легкость жизни без усталости»⁵⁷⁵. Это слово постоянно произносится, «удобству» придается большое значение, используются новые технические и бытовые приемы, которым «стал поклоняться», по его собственным словам, сказанным в 1752 году, архитектор Жак-Франсуа Блондель, тогда как его «предшественники не обращали на эти приемы достаточного внимания»⁵⁷⁶. Домашний мир переосмысливается. Изобретается новая мебель, совершенствуются приспособления, помещения орга-

⁵⁶² Ibid.

⁵⁶³ Beresford J. Les Misères de la vie humaine, ou Les Gémissements et soupirs (1806). Paris, 1809. Т. II. P. 254.

⁵⁶⁴ Ibid. P. 163.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 180.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 105.

⁵⁶⁷ Ibid. P. 258.

⁵⁶⁸ Op. cit. Т. I. P. 66.

⁵⁶⁹ Op. cit. Т. II. P. 232.

⁵⁷⁰ Lettres inédites de Napoléon Ier à Marie-Louise, écrites de 1810 à 1814 / notes de L. Madelin. Paris: Bibliothèques nationales de France, 1935. Письмо от 14 сентября 1811 года.

⁵⁷¹ Ibid. Письмо от 30 мая 1812 года.

⁵⁷² Ibid. Письмо от 6 сентября 1812 года.

⁵⁷³ Ibid. Письмо от 2 мая 1813 года.

⁵⁷⁴ Ibid. Письмо от 10 мая 1813 года.

⁵⁷⁵ Dictionnaire universel, français et latin, vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1743. Статья «Commodité».

⁵⁷⁶ Blondel J.-F. Architecture française, ou Recueil des plans. Paris, 1752–1756. Т. I. P. 239.

низуются по-новому, так, чтобы в них нужно было совершать меньше движений и переходов, чтобы предметы находились ближе. Форма комодов⁵⁷⁷ становится разнообразнее – они бывают круглыми, в виде полумесяца или эллипса, появляются столики для тарелок и сервировочные столики, что облегчает наведение порядка и сокращает хождения туда-сюда⁵⁷⁸. Совершенствуются каминные и дымоходы, вследствие чего уменьшается застой дыма⁵⁷⁹, и в 1765 году один изобретатель даже предлагает конструкцию, «мешающую каминам дымить»⁵⁸⁰. Механизмы совершенствуются, объединяя в себе рычаги и пружины, «оживляя» жилища, выставляя напоказ скрытые части, превращая вертикали в горизонтальные или горизонтальные в вертикали, изменяя линии и назначение предметов. Отсюда – все эти «рабочие столики» со столешницей и выдвигающимися ящичками, в которые можно складывать шерсть, нитки, булавы, иглы, ножницы; или «столик с откидной крышечкой», верхняя часть которого поднимается, обнажая внутреннее «утилитарное устройство»⁵⁸¹, и столик превращается в бюро «со шкафчиком и ящичками, покрытыми шпоном»; или все эти «пузатые секретеры», открывающие письменные приборы и «выдвижные полочки»⁵⁸²; или «туалетный столик» с многочисленными раздвижными дверцами, скрывающими зеркало, с потайными пространствами, с выдвижными ящичками на «фасаде» и по бокам на разных уровнях⁵⁸³. Таким образом, представление об «экономии» меняет ежедневно совершаемые действия, жесты, по крайней мере в богатых домах. Наиболее прогрессивными считались английские изобретения; путешественники, возвращавшиеся из Англии, рассказывали, что «механическое искусство» там более развито, что «все там удобнее, проще и лучше устроено»⁵⁸⁴.

От разбитости к обмороку

Подобное внимание переключается с медицинским взглядом на проблему. Подчеркивание чувствительности ставит с ног на голову способы описания, разнообразит их, выходит за пределы того, что уже началось в классическую эпоху⁵⁸⁵. Культура эпохи Просвещения дифференцирует эти симптомы, состояния, их названия, причины и производимый ими эффект. Появляется «нозология» – уточняется классификация болезней. Знаменателен отказ от традиционного наименования боли по ее локализации: «болезни головы, груди, живота, ног»⁵⁸⁶; чтобы лучше почувствовать различия, используется «этиологическая методика»⁵⁸⁷.

«Разбитость» появляется как первая стадия усталости, это название совершенно понятно; Уильям Бьюкен в своем «Домашнем лечебнике», неоднократно переиздававшемся начиная с 1770 года, дает ей каноническое определение: «Тупая боль во всех членах, в спине, пояснице, животе... жар в голове, в кишечнике... беспокойство во всем организме, вызванное избытком чего-либо»⁵⁸⁸. Нельзя сказать, чтобы это явление было открыто во второй половине XVIII века. Некое смутное представление о нем существовало уже в предыдущем сто-

⁵⁷⁷ Слово «комод» происходит от французского *commode* – «удобный».

⁵⁷⁸ См.: Janneau G. *Le Mobilier français: le meuble d'ébénisterie*. Paris: Jacques Freal, 1974.

⁵⁷⁹ Gauger N. *La Mécanique du feu, ou L' Art d'en augmenter les effets et d'en diminuer la dépense*. Paris, 1713.

⁵⁸⁰ Newton R. W. *Derrière la façade: vivre au château de Versailles au XVIIIe siècle*. Paris: Perrin, 2008. P. 108.

⁵⁸¹ Janneau G. *Op. cit.* P. 74.

⁵⁸² Ibid. P. 136.

⁵⁸³ Ibid. P. 173.

⁵⁸⁴ Cambry J. *Promenades d'automne en Angleterre*. Paris, 1791. P. 44.

⁵⁸⁵ См. гл. 8.

⁵⁸⁶ См.: Saint-Hilaire. *L' Anatomie du corps humain avec les maladies et les remèdes pour les guérir*. Paris, 1680.

⁵⁸⁷ Boissier de Sauvages F. *Nosologie méthodique*. Paris, 1770. T. I. P. VII.

⁵⁸⁸ Buchan W. *Médecine domestique* (1775). Paris, 1792. T. IV. P. 487–489.

летию⁵⁸⁹. Теперь же оно описывается, объясняется: «застой в мышцах, напряжение сосудов, нервное истощение»⁵⁹⁰. Прежде на это внимания не обращали. «Об этом явлении никто не говорил»⁵⁹¹, – утверждает Бьюкен, «его окружало молчание»⁵⁹², – вторит ему Жозеф Льео, причем оба описывают «боль» в общих чертах, останавливаются на смутности страданий, упоминают их скрытое действие – прежде малоизученную сферу⁵⁹³. Эти врачи-«классификаторы» накапливают признаки боли, изучают ее фазы и интенсивность. «Карманный словарь здоровья», вышедший в свет в 1770 году, помимо «разбитости», упоминает «слабость» – «когда сил так мало, что это мешает выполнению обычных функций»⁵⁹⁴, «изнурение» – «когда нет сил держаться на ногах»⁵⁹⁵, «потерю сознания» – «когда жизненные силы затухают»⁵⁹⁶, «обморок» – «когда внезапно исчезают все силы и чувства»⁵⁹⁷. Эта на первый взгляд приблизительная, условная и даже эмпирическая классификация является неопровержимым доказательством интереса к проблеме. Процесс изучения этого феномена идет дальше, и в «Словаре Треву»⁵⁹⁸ (1743) описывается истощение жидкостей, терпения и мыслительной деятельности⁵⁹⁹, а в «Методической нозологии» Франсуа Буассье де Соважа (1770–1771) приводятся семнадцать форм изнурения, восемь форм утомления, множество форм «боли в ногах» и «упадка сил», «ощепенения», и все это относится к «слабостям»⁶⁰⁰. Цифры множатся, вызывая головокружение; желание четко различать виды усталости становится наваждением; утомление, спровоцированное тем или иным заболеванием, противопоставляется остальным видам усталости, что «важно для врачей»⁶⁰¹, говорится и о том, что связано с усилием, чрезмерной затратой сил. «Специалист по нозологии» настаивает:

Изнурение отличается от злокачественной лихорадки и паралича отсутствием признаков, свойственных этим двум видам, но до сих пор еще не изученных; его не следует путать с утомлением – чувством дискомфорта, осложняющим изнурение⁶⁰².

Это глубоко личное ощущение, основанное на впечатлениях, на тончайших «модуляциях» слабости, возникающее в самые разные моменты жизни, о котором тем не менее часто упоминается в культуре высших сфер. «Я пишу крайне редко, чтобы не напрягать глаза, которые за последний год стали очень слабыми», – говорил Бюффон⁶⁰³. А вот как изысканно выражался Бомарше: «Почему-то тот музыкальный фрагмент, исполненный на клавесине, очаровал меня, а прозвучав в произведении в целом, вызвал почти утомление»⁶⁰⁴. Наконец, принц де

⁵⁸⁹ См. выше, с. 110–111.

⁵⁹⁰ Boissier de Sauvages F. Op. cit. Т. II. P. 418.

⁵⁹¹ Buchan W. Op. cit. P. 487.

⁵⁹² Lieutaud J. Précis de la médecine pratique. Paris, 1761. P. 67.

⁵⁹³ См.: Vigarello G. Le Sentiment de soi: histoire de la perception du corps, XVIe – XXe siècles. Paris: Seuil, 2014. P. 22.

⁵⁹⁴ Vandermonde C.-A. Dictionnaire portatif de santé. Paris, 1777. Т. I. P. 368.

⁵⁹⁵ Ibid. P. 300.

⁵⁹⁶ Ibid. P. 216.

⁵⁹⁷ Op. cit. Т. II. P. 495.

⁵⁹⁸ «Словарь Треву» – сочинение, обобщающее французские словари XVII века; издано под редакцией иезуитов. Треву – город на востоке Франции.

⁵⁹⁹ Dictionnaire de Trévoux. Статьи «Épuisable», «Épuisement», «Épuiser».

⁶⁰⁰ Boissier de Sauvages F. Op. cit. Т. II. P. 290–364.

⁶⁰¹ Ibid. P. 391.

⁶⁰² Ibid.

⁶⁰³ Buffon G.-L.L. Lettre du 21 novembre 1759 // Correspondance. Paris, 1869. Т. I. P. 75.

⁶⁰⁴ Caron de Beaumarchais P.-A. Œuvres complètes. Paris, 1865. P. 206.

Линь свою усталость видел во сне: «По ночам мне снится, что я еду верхом, я, который так редко садится в седло. <...> Я поднимаюсь на гору, высокую, как стена...»⁶⁰⁵

⁶⁰⁵ *Ligne C.-J. de. De moi pendant le jour, de moi pendant la nuit (1783) // Écrits sur la société / éd. par J. Vercruysse. Paris: Honoré Champion, 2010. P. 393.*

ГЛАВА 14. НЕРВЫ: ОТ ВОЛНЕНИЯ К «ВИХРЮ»

Наиболее обеспеченные люди начинают серьезно следить за собой, и эти перемены значительно глубже и решительнее, чем может показаться. На «чувствительность» обращается новый взгляд. Когда Вольсан, герой Бакюлара д'Арно, признается: «Я был рожден чувствительным: это, сударь, главный источник моих горестей и несчастий»⁶⁰⁶, когда кавалер де Грие, герой аббата Прево, говорит: «...люди более высокого склада... наделены более чем пятью чувствами и способны вмещать чувства и мысли, престапующие обычные границы природы»^{607, 608}, или когда одна из пациенток Самюэля Тиссо признается в 1789 году: «У меня, как говорят, очень нежные и утонченные чувства...»⁶⁰⁹, взгляд смещается, направляется на интимное напряжение, мобилизацию нервов, стимуляцию; возможными последствиями всего этого становятся упадок сил, разбитость, апатия. Это, в свою очередь, влечет за собой и другие причины, механизмы, объяснения; появляются новые поводы для тревоги, волнений, неудовлетворенности. Усталость объясняется по-другому и, следовательно, иначе ощущается.

Стимуляции и токи

Появляется новый «физический» мир, этот мир благоприятствует всему «субъективному» и возбудимому, он модулирует импульсы и реакции, подвижность сменяется скованностью, горячность становится раздражением, а тело – продолжением сознания со всеми его вибрациями, порывами, волнениями. Невиданная настойчивость смещает внутренний горизонт, в то время как видение плоти меняется. На этот раз трансформируется представление об организме. Усталость диверсифицируется, появляются ее новые грани. Упорядочиваются ориентиры: теперь это не жидкости, их объемы и траектории, но токи, их импульсы и интенсивность. Не органическая жидкость и ее исчезновение, но телесная ткань и ее ослабление. Появляются все новые образы, указывающие на другие критерии и ощущения. Дидро утверждал: «нервы... в теле – то же самое, что линия в математике», они лежат «в основе любого механизма»⁶¹⁰, а Джордж Чейн в 1720-х годах писал: «Есть люди, у которых нервы так крепки, до такой степени готовы к вибрации, что дрожат при малейшем движении»⁶¹¹. Переосмыслиется возможное сопротивление различных частей тела в зависимости от их плотности, тонуса, им приписывается сила или слабость в зависимости от состояния волокон и нервов. Проводятся опыты, цель которых – изучение раздражения или напряжения. Даниель Деларош в 1778 году стимулирует сердце лягушки, «жестоко» сдавливает его, после чего констатирует, что «вследствие усталости» оно «быстро теряет чувствительность к любым стимулирующим воздействиям»⁶¹². Напрашивается вывод: упражнение и утомление, им вызванное, уменьшают «активность нервных флюидов»⁶¹³. Это не что иное, как первые шаги к объективации изнурения через потерю мускульной реакции.

⁶⁰⁶ *Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de. Épreuves du sentiment, Sidney et Volsan // Nouvelles du XVIIIe siècle / éd. par H. Coulet. Paris: Gallimard, 2002. P. 859.*

⁶⁰⁷ *Prévost A.-F. Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescaut // Romanciers du XVIIIe siècle / éd. par R. Étiemble. Paris: Gallimard, 1966. T. I. P. 1276.*

⁶⁰⁸ *Прево А. Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. Перевод М. Петровского.*

⁶⁰⁹ *См.: Hanafi N. Le Frisson et le Baume. Expériences féminines du corps au siècle des Lumières. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 57.*

⁶¹⁰ *Diderot D. Éléments de physiologie. Paris: Didier, 1964. P. 63–66.*

⁶¹¹ *Cheyne G. Règles sur la santé et sur les moyens de prolonger la vie. Castanet: Michel d'Orions, 2002. P. 131–132.*

⁶¹² *Delaroché D. Analyse des fonctions du système nerveux. Genève, 1778. T. II. P. 180.*

⁶¹³ *Ibid.*

Изменения подтверждаются практически техническим контекстом: недавнее открытие электричества⁶¹⁴ позволило Джозефу Пристли в 1770 году заключить, что «электрический ток присутствует и действует повсюду»⁶¹⁵, а также то, что он может оказывать стимулирующее действие, препятствовать появлению «упадка сил и изнеможения», даже «паралича»⁶¹⁶. Различные «экспериментаторы» утверждали, что к ним возвращались силы. Многие свидетели говорили, что «испытывали небывалое чувство во всем теле» после «продолжительного воздействия электричества»⁶¹⁷. «Удары» электрического тока могут «сообщаться», «регулироваться», обсуждаться⁶¹⁸. В Королевском медицинском обществе, говоря о грозе и молнии, утверждали, что это явление природы вызывает у «людей и животных некоторую слабость»⁶¹⁹. Объяснение, ставшее «очевидностью»: туман, улавливающий электричество из атмосферы, отбирает его у тел, тем самым в каждом организме потеря электричества трансформируется в потерю сил. Это подтверждает *Journal de médecine*: «Я чувствовал, что в дождливую погоду мое тело наполняется тяжестью»⁶²⁰, или, наоборот, «электричество учащает пульс»⁶²¹. Приходит мода на «электризацию», противоядие против телесной слабости. В 1780 году Пьер Бертолон упоминает даже о технике, связывающей остроумнейшее изобретение с тривиальнейшим поверьем: якобы одна пара вновь обрела плодовитость, изолировав свою кровать, а потом соединив ее с электрической машиной⁶²².

Токи, стимуляции нервов постепенно породили новые описания усталости – стали полагать, что изнурение возникает от чрезмерного возбуждения или «нервности». Такова подавленность мисс Харлоу в романе Сэмюэла Ричардсона, с ужасом осознавшей последствия своего похищения Ловеласом: она была «смертельно изнурена и пала духом сильнее, чем устала телесно»⁶²³; или же усталость Манон Леско, «изгнанной» в Америку, разочарованной и подвергавшейся угрозам и труднопереносимым горестям: «вялой и томной», ей с трудом удавалось «подняться с постели, несмотря на слабость»⁶²⁴, а мадемуазель де Леспинас полагала, что у нее «чувств больше, чем слов для их описания», и делала вывод: «теперь я хочу не выздоровления, а покоя»⁶²⁵. Избыток вибрации утомляет, впрочем, как и ее отсутствие: это бывает вызвано как воспалением, так и его утратой. Луи-Себастьян Мерсье пишет в 1782 году об «истеричках» эпохи Просвещения, «телесная вялость» которых «лишает волокна эластичности, необходимой для регулярной секреции»⁶²⁶; «утомление», появляющееся вслед за подавленностью, становится «мукой»: «человеческое существо чувствует себя живым, в то время как его органы закупорены, а нервы не могут больше передавать ощущения, проводниками которых они являются»⁶²⁷. Новыми ориентирами становятся токи и стимуляции; «атония» и ослабленная реак-

⁶¹⁴ Priestley J. Histoire de l'électricité. Paris, 1770. T. I. P. XVIII.

⁶¹⁵ Ibid. P. XX.

⁶¹⁶ См.: Bertholon P. De l'électricité du corps humain dans l'état de santé et de maladie. Lyon, 1780. P. 263.

⁶¹⁷ Priestley J. Op. cit. P. 253.

⁶¹⁸ См.: Brunet P. Les Physiciens hollandais et la méthode expérimentale en France au XVIIIe siècle. Paris: Blanchard, 1926; см. P. 113 об экспериментах аббата Нолле.

⁶¹⁹ Mauduyt P.-J.-C. Sur l'électricité considérée relativement à l'économie animale et à l'utilité dont elle peut être en médecine // Histoire de la société royale de médecine. Mémoires de médecine et de physique médicale, 1776. P. 509.

⁶²⁰ Recherche sur les causes des affections hypocondriaques // Journal de médecine. Mars 1780. P. 196.

⁶²¹ L'électricité augmente-t-elle la vitesse du pouls? // Journal de médecine. Mars 1782. P. 263.

⁶²² См.: Bertholon P. Op. cit. P. 303.

⁶²³ Richardson S. Lettres anglaises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove / trad. par abbé Prévost. Paris: Desjonquères, 1999. T. I. P. 553.

⁶²⁴ Prévost A.-F. Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescaut. P. 1353, 1365.

⁶²⁵ Lespinasse J. Op. cit. P. 75.

⁶²⁶ Mercier L.-S. Les vapeurs. Tableau de Paris. Paris: Mercure de France, 1994. T. I. P. 633.

⁶²⁷ Ibid.

тивность – главные показатели пересмотренного изнурения. По-прежнему доминируют физические метафоры, но они изменились и теперь речь идет об усталом человеке.

«Изматывающие» возбуждения

Теперь по-иному рассматриваются и анализируются причины усталости. Например, город по-прежнему считается шумным и суматошным местом, но появляется и новый взгляд на него – в нем царят возбуждение, лихорадка, доходящая до «головокружения», истощение чувств: по словам Бюффона, «этот вихрь вреден»⁶²⁸, путешественник стремится «изолировать» от него⁶²⁹; Луи-Себастьян Мерсье говорит о постоянной необходимости бежать, торопиться, упоминает лихорадочное движение «транспорта», «носильщиков», «всадников», «просителей» и даже «цирюльников»⁶³⁰, да и просто полагает, что сам вид города вызывает «усталость, потому что в нем вечно все движется»⁶³¹; неистовая городская спешка неизбежно приводит к усталости, а с точки зрения Руссо, город – это «муравейник»⁶³². Двор по-прежнему остается местом принуждения, визитов, которые оказываются испытаниями, однако новшество заключается в том, что он стал местом «волнения чувств»⁶³³, здесь случаются «ужасающие нервные припадки»⁶³⁴, «люди собираются в группы, эти группы бесконечно распадаются и собираются снова»⁶³⁵, что вызывает тревогу, требуя к себе внимание и изматывая. Изнурение, причиняемое войной, также очень сильно, потому что помимо физических тягот люди испытывают смятение и страх. Швейцарский крестьянин Ульрих Брекер, против собственной воли завербованный в армию австрийцами, рассказывал, что «в буквальном смысле одурел»⁶³⁶ в битве при Ловозице в 1756 году и, прежде чем сбежать через лес и виноградники, от ужаса потерял способность двигаться, а Фредерик Гофман, беседовавший в 1750-х годах с одним «бравым полковником», считал, что Брекер стал жертвой «слабости, вызванной нервным потрясением», был изнурен чрезмерным «волнением духа и тела»⁶³⁷.

«Тревожным» свидетельством Самюэль Тиссо считает изнуренное состояние тех, кто занимается мастурбацией: они буквально без сил от следующих один за другим жестоких приступов слабости, с трудом признаваемых: «К болезненному состоянию и чрезвычайной нервной чувствительности и вызываемым ею припадкам добавляется слабость, недомогание, тоска, которые снова и снова удручают меня»⁶³⁸. Или вот прямой намек на нервное истощение: «У меня в высшей степени слабые нервы, бессильные руки постоянно дрожат и потеют»⁶³⁹. Онанизм становится типом ослабления, вызванным «спазмом», символом «тотальной потери сил»⁶⁴⁰, или «полнейшего нервного расслабления»⁶⁴¹.

Чтобы оценить вновь вспыхнувшее внимание к указанным симптомам, связанным с какими-то «нервными болезнями», нужно рассмотреть бесконечные наблюдения Гофмана:

⁶²⁸ Buffon G.-L.L. Lettre du 12 août 1781 // Correspondance. T. II. P. 104.

⁶²⁹ Journal d'un provincial à Paris 25 juin – 1er août 1784, dédié à ma charmante amie. Paris, 1784. P. 133.

⁶³⁰ Mercier L.-S. Les heures du jour. Tableau de Paris. P. 873.

⁶³¹ Marmontel J.-F. Mémoires // Œuvres complètes. Genève: Slatkine, 1968. T. I. P. 85.

⁶³² Rousseau J.-J. Émile, ou De l'éducation. Paris: Garnier, 1951. P. 37.

⁶³³ Mercier L.-S. Songe d'un hermite. Paris, 1770. P. 4.

⁶³⁴ Rétif de La Bretonne N.-E. Tableaux de la bonne compagnie. Paris, 1787. P. 27.

⁶³⁵ Ibid. P. 55.

⁶³⁶ Bräker U. Le Pauvre Homme du Toggenbourg (ms. XVIIIe siècle) / trad. par Caty Dentan. Lausanne: Éditions de l'Aire, 1978. P. 156.

⁶³⁷ Hoffman F. Consultations de médecine. Paris, 1754. T. I. P. 165.

⁶³⁸ Tissot S.-A. L' Onanisme. Paris: Éditions de la Différence, 1991. P. 48.

⁶³⁹ Ibid. P. 50–51.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 45.

⁶⁴¹ Ibid. P. 47.

конвульсии, подергивания, жар, скованность, напряжение «испытавшего сильную усталость» человека, который злоупотреблял «связями с женщинами»:

После еды у него начинается кожный зуд и сильное жжение, в особенности на руках и на суставах пальцев; затем появляется сильная боль в определенной точке на левом плече. Его мучают такие сильные спазмы, болезненные подергивания в плечах, в шее, по всей длине позвоночника, что при малейшем движении раздается хруст; в особенности же его мучает жар в ладонях, который успокаивается, если ладони намочить. Время от времени он испытывает какие-то неясные боли в межреберных мышцах; желудок его функционирует только при помощи клизмы или бальзамических пилюль Гофмана. По ночам его мучают кишечные газы, а в подреберье, под ложными ребрами, он испытывает странное напряжение, которое, правда, стало меньше, чем было раньше. Его слюна по-прежнему имеет кисловатый запах, и неизвестно, от того ли это, что он курит слишком много табака, вследствие чего постоянно отхаркивается, или же от плохого пищеварения и выделения панкреатического сока. К нему возвращается аппетит, и сил у него не так мало, чтобы он не мог сесть верхом на лошадь и долго гулять, не чувствуя усталости. Он больше не потеет по ночам, у него нормальные пульс и сон, однако тело его не полнеет. По утрам у него обильное мочеиспускание, моча светлая с лимонным оттенком, однако к десяти часам утра ее становится меньше и она темнее; после двухчасового отдыха в моче появляется обильный осадок, похожий на красный песок, который собирается по стенкам мочеприемника. С недавних пор, помимо жара в руках, наблюдается покраснение и острая боль в суставах, отдающая в бедра; иногда по ночам у него сильно затекает шея, что проходит с потом. Часто он испытывает болезненное напряжение в щеке и правом глазу, сопровождаемое покраснением. У него нет ни жажды, ни навязчивого кашля, разве что в моменты, когда он отхаркивает соленую мокроту. Иногда его экскременты окрашены в белый цвет, а также он страдает сильной потливостью. При ходьбе у него начинается одышка, но появляющаяся отрыжка облегчает ситуацию; время от времени из его груди выходит вязкая свернувшаяся мокрота⁶⁴².

Подобных обстоятельных бесконечных описаний до сих пор не было.

«Выврождение»

Такая сосредоточенность на чувствительности неизбежно моделирует поле коллективной слабости. Хрупкость расширяется, уязвимости обобщаются, «новизна» эпохи Просвещения делает акцент на «возбуждениях» и «нестабильностях». Это видно из вопроса, выдвинутого на конкурс медицинским колледжем Копенгагена в 1777 году: узнать, «встречались ли спазмы и конвульсии за последние десять-двадцать лет чаще, чем в предыдущие годы, и как их лучше всего лечить»⁶⁴³. Самюэль Тиссо заметил распространение «нервного типа», неумолимым образом принесшего «утомление» в маленький кантон в Швейцарских Альпах в конце 1760-х годов, и переход от охоты и собирательства к оседлому образу жизни, от рубки леса и перевозки его гужевым транспортом к обработке полудрагоценных камней, например горного хрусталя, изготовлению ювелирных изделий, от широких жестов к жестам сдержанным и ограниченным. Разрыв неизбежен: «на протяжении двадцати лет в этом районе больше всего

⁶⁴² Hoffman F. Consultations de médecine. T. VII. P. 328–330.

⁶⁴³ Prix. Journal de médecine, chirurgie, pharmacie. Juil. 1777. P. 92.

болезней, вызванных усталостью»⁶⁴⁴. Лидирует нервная слабость, ставшая повсеместным явлением. Чувствительность пережила метаморфозы⁶⁴⁵.

В лексиконе ученых и писателей второй половины XVIII века появляется слово «вырождение», «дегенерация»; термин был инспирирован Бюффоном и его анализом одомашнивания животных: у некоторых из них с первого взгляда был виден заметный спад. В пример постоянно приводится превращение дикого барана в «бедную овечку»: вследствие приручения, отсутствия движений, изнеженности существования животные становятся более слабыми, их формы – более мягкими. Город со своими «роскошью», волнениями, суетой, возможно, так же «искажал тела»⁶⁴⁶, портил внешность, истощал энергию, создавал «презренную чернь»⁶⁴⁷. «Самый распространенный сегодняшний телесный недостаток – это слабое, нежное, худосочное телосложение»⁶⁴⁸, неизбежным следствием чего является «дегенерация, вырождение»⁶⁴⁹. Причина этого кроется в «слабых волокнах и неустойчивых нервах»⁶⁵⁰. В качестве наиболее ярких иллюстраций сказанного выше можно привести следующие наблюдения. В 1778 году Жан-Батист Мого изучал средневековые рыцарские доспехи и утверждал, что его современники не смогли бы их носить⁶⁵¹; аббат Фердинандо Галиани, говоря о путешествиях первых «завоевателей», утверждал, что его современники не смогли бы их совершить: «Посмотрите только, насколько нам труднее поехать в неизвестные страны... чем было нашим предкам. Посмотрите, насколько мы стали нервными, расслабленными, как сильно мы деградировали»⁶⁵². Главное в этом процессе – человеческая сущность: «Постоянно кажется, что человек как вид в Европе мало-помалу вырождается»⁶⁵³. В «Энциклопедии» говорится о некотором «вырождении рас»⁶⁵⁴. Лоренс Стерн, рассказывающий о некоем вымышленном путешествии в Париж 1767 года, описывает город в карикатурном стиле. Все здесь пребывает в расслабленности: лица «с длинными носами, с гнилыми зубами, с перекошенными челюстями», «скрюченные, рахитичные, горбатые» тела⁶⁵⁵. Все здесь деградирует: рождаемость падает, люди ослаблены, «неспособны сделать шага»⁶⁵⁶. Напрашивается вывод о том, что во всем виноват город с его скученностью и пустым возбуждением.

Тем не менее в эпоху Просвещения⁶⁵⁷ санитарные катастрофы начинают понемногу отступать, а небывалая воля к прогрессу⁶⁵⁸, в свою очередь, вызывает страх вырождения. Отсюда – повышенная тревожность. К болезням, изломанным телам, хромоте, на что прежде не обращали внимания ни на дорогах, ни в городах, теперь относятся иначе. Присутствие увечных людей не приветствуется. Оно настораживает, вызывает новые вопросы: а что будет, если все

⁶⁴⁴ Tissot S.-A. *Traité des nerfs et de leurs maladies* // Œuvres. Paris, 1861. P. 60.

⁶⁴⁵ См.: Brewer J. *The Pleasures of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century*. Chicago: The University of Chicago Press, 1997. *The Pleasures of the Imagination*. P. 56.

⁶⁴⁶ Louvet de Couvray J.-B. *La Fin des amours du chevalier de Faublas* // Romanciers du XVIIIe siècle. T. II. P. 907.

⁶⁴⁷ Guibert J.-A.-H. *de. Essai général de tactique*. L., 1773. P. 15.

⁶⁴⁸ Verdier J. *Cours d'éducation à l'usage des élèves destinés aux premières professions et aux grands emplois de l'État*. Paris, 1772. P. 9–10.

⁶⁴⁹ Tissot S.-A. *Traité des nerfs et de leurs maladies*. P. 159.

⁶⁵⁰ Ibid.

⁶⁵¹ Moheau J.-B. *Recherches et considérations sur la population de la France*. Paris, 1778. P. 122.

⁶⁵² Galiani F. *Lettre à Diderot*. 5 septembre 1772 // Diderot D. *Œuvres complètes*. Paris: Le Club français du livre, 1971. T. 10. P. 951.

⁶⁵³ Ballexserd J. *Dissertation sur l'éducation physique des enfants, depuis leur naissance jusqu'à l'âge de la puberté*. Paris, 1762. P. 25.

⁶⁵⁴ Alembert J. *Le R. d', Diderot D. Encyclopédie*. T. XXV. P. 604. Статья «Proportions».

⁶⁵⁵ Sterne L. *Voyage sentimental à travers la France et l'Italie* // *Voyages imaginaires, songes, visions et romans cabalistiques*. Amsterdam, 1789. T. 28. P. 104.

⁶⁵⁶ Ibid. P. 105.

⁶⁵⁷ См.: Bourdelais P. *Les Épidémies terrassées: une histoire de pays riches*. Paris: La Martinière, 2003. P. 59.

⁶⁵⁸ См.: Queval I. *S'accomplir ou se dépasser: essai sur le sport contemporain*. Paris: Gallimard, 2004. P. 125.

перестанут ходить прямо? А вдруг все обессилит? Появляется чувство, что увечных становится все больше, – это новый взгляд на людей, которые с первыми шагами зарождающейся промышленности и инициативами начавшей поднимать голову буржуазии, отказывавшейся жить в условиях прежнего «изнурения»⁶⁵⁹, внезапно обрели «ценность». В высших сферах разражается конфликт: что делать – новаторски инвестировать в будущее или по-прежнему смотреть в прошлое? Вероятно, никаких особых преувеличений здесь не было, но ожидания зарождающегося нового мира внезапно придали значение коллективным силам, вызывая широкомасштабную реставрацию «нервов»: «Люди – вот настоящее богатство государства, и именно ими больше всего пренебрегают»⁶⁶⁰, – настаивал Шарль Вандермонд, главный редактор *Journal de médecine* во второй половине XVIII века; «следует переделать наши органы»⁶⁶¹, – добавлял он, стремясь выполнять программу «восстановления», сознавая важность совершенно нового понятия «общественная гигиена»⁶⁶², целью которого было получение от государства невиданных гарантий благополучия и здоровья. Ту же озабоченность видим у Леопольда де Женнете: в 1767 году он писал о вредных для здоровья испарениях, царящих в больницах, убивавших больных, которых можно было вылечить, «простых людей, бедных рабочих... столь полезных и необходимых государству»⁶⁶³. Впервые население становится анонимной силой, массивным неясным ресурсом рабочих рук, требуя взамен защиты и обещая быть сильным. Поэтому любая коллективная усталость стигматизируется как нечто опасное и угрожающее.

⁶⁵⁹ Desessartz J.-C. *Traité de l'éducation corporelle des enfants en bas âge*. Paris, 1760. P. VI.

⁶⁶⁰ Vandermonde C.-A. *Essai sur la manière de perfectionner l'espèce humaine*. Paris, 1756. T. II. P. 31.

⁶⁶¹ Ibid. P. VII.

⁶⁶² Les Hygiénistes, enjeux, modèles pratiques, XVIIIe–XXe siècles / dir. par Patrice Bourdelais. Paris: Belin, 2001; см.: Bourdelais P. *Les logiques de développement de l'hygiène publique*.

⁶⁶³ Genet L. de. *Purification de l'air croupissant dans les hôpitaux, les prisons et les vaisseaux de mer*. Nancy, 1767. P. 3.

ГЛАВА 15. О СИЛАХ

Наверное, об этом можно судить лишь теоретически – в 1760-х годах конкретные шаги в этой области были большой редкостью, а обязанности государства по охране здоровья всего населения не были сформулированы; доминирующим оставался принцип «управления, контроля, усиления налогового бремени»⁶⁶⁴, и в гораздо меньшей степени государство заботились о помощи и участии в жизни народа. Но возникают новые вопросы, оценки, появление которых вызвано как беспокойством по поводу «вырождения», так и интересом, который вызывает мир чувств, его материальность и функциональность: определяются силы человека, исследуется его сопротивляемость, пороги усталости и слабости.

Помимо смещения интереса к внутреннему миру и едва начавшегося исследования чувствительности в эпоху Просвещения происходит и столь же важный поворот к миру внешнему, делаются робкие попытки изучения и определения количества сил человека, его способности противостоять усталости и границам, которые она может навязать. Одним из первых подобные вопросы с предельной ясностью задает Бюффон: «Цивилизованный человек не знает своих сил, не знает, сколько их он теряет из-за своей изнеженности и сколько бы сил он мог приобрести, имея он привычку делать упражнения», к тому же он живет «в обществе, где голова работает больше, чем тело, и где ручным трудом могут заниматься лишь представители низших слоев»⁶⁶⁵. Это основополагающее замечание, показывающее ожидание более точной оценки физических сил человека, их предполагаемого совершенствования, а также предела возможностей человека; вместе с тем выражается сожаление по поводу отсутствия оценки самых «черных» работ, которыми занимаются представители «низших слоев» общества. При этом, по всей видимости, автор пренебрегает старыми цифрами, касающимися в первую очередь земляных работ на стройках Эльзаса, которые приводил Вобан⁶⁶⁶.

Наконец, последнее, что надо отметить, – это то, что в эпоху Просвещения на первый план выходят такие вещи, как прогресс, надежда на будущее, «специфически человеческая», как назвал ее Руссо, «способность к самосовершенствованию»⁶⁶⁷. Отсюда – беспрецедентная легитимация «большого», «лучшего», превосходства и либеральности, стремление узнать, «где пределы человеческих возможностей»⁶⁶⁸. Это меняет взгляд на вещи и на действия каждого.

Проступают контуры двух миров, которые будут постоянно сталкиваться, а порой не замечать друг друга: мир тех, кто работает и испытывает усталость, и мир тех, кто за этой усталостью наблюдает и оценивает ее. Первые усталость испытывают, вторые – изучают; таким образом, речь идет о двух бесконечно исследуемых сторонах «предела возможностей».

⁶⁶⁴ Rosanvallon P. L'État en France, de 1789 à nos jours. Paris: Seuil, 1990. P. 45.

⁶⁶⁵ Buffon G.-L.L. De l'homme // Œuvres complètes. Paris, 1836. T. IV. P. 100.

⁶⁶⁶ См. выше, с. 106–107.

⁶⁶⁷ Rousseau J.-J. Discours sur l'origine de l'inégalité. Paris: Flammarion, 1931. P. 93.

⁶⁶⁸ Queval I. Op. cit. P. 125.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.